

М. С. ГАДЖИЕВ

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

М.С. ГАДЖИЕВ

Между Европой и Азией

*Из истории торговых связей Дагестана
в албано-сарматский период*

instituteofhistory.ru

Махачкала
1997

**Генеральный спонсор:
Махачкалинский шерстеперерабатывающий комбинат
АО «Адам Интернешнл»**

Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Института истории,
археологии и этнографии ДНЦ РАН

Рецензенты: докт. ист. наук, проф. А.Р.Магомедов,
докт. искусствоведения М.М.Маммаев

М. С. Гаджиев.

Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в Албано-сарматский период. - Махачкала, 1997. - 154 стр.

В книге на основе данных археологии и сведений античных авторов исследуются торговые связи Дагестана с окружающим миром в III в. до н.э. - IV в.н.э., показаны место и роль торговли в экономике, в социально-экономическом и культурном развитии региона, значение этого евроазиатского «моста» в торгово-культурных контактах центров и периферии античного мира.

M.S. Gadjiev.

Between Europe and Asia: Daghestan's trade contacts in the Alban-Sarmatian period. Makhachkala, 1997 - 154p.

This book based on analysis of the archaeological material and reports of classical authors deals with trade contacts of Daghestan with outside world in the IIIrd century BC - the IVth century AD and shows position and role of trade in economic structure, in social, economic and cultural development of the region, the importance of this Euroasian «bridge» in the trade and cultural relations between centres and periphery of antiquity.

© Гаджиев М.С., 1997

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

О вы, которые уверовали! Не стяжайте имущества друг друга неправедным путем, а только путем торговли по взаимному вашему согласию.

Коран, 4:29

История торговых и шире культурных взаимосвязей между странами и народами всегда является актуальной научной темой и представляет большой познавательный интерес не только для специалистов - историков, археологов, культурологов, искусствоведов и др., профессионально занимающихся этой проблемой, но и для широкого круга людей, увлекающихся историей.

Торговля, возникнув и развившись как жизненная необходимость из простейших форм натурального межплеменного обмена в первобытную эпоху, играла и играет важную роль в экономической, культурной, политической, социальной жизни общества. Через торговые связи, являвшиеся основным видом экономических контактов, шел не только обмен необходимыми и новыми товарами, заморскими экзотическими изделиями, но происходило широкое заимствование культурных, научных, хозяйственно-технических достижений, знаний, идей, ценностей, традиций, осуществлялось познание окружающего мира, знакомство с жизнью, культурой, идеологией ближних стран и народов, общение и взаимопонимание друг друга. Рука об руку с торговлей шла и политика. Коммерческие интересы, стремление к установлению контроля над торговлей и важнейшими торговыми трассами являлись одними из главных стимулов международной политики древности и средневековья, побуждавших племенных вождей и державных государей как на военные, так и на мирные внешнеполитические акции. И изучение торговли позволя-

ет во многом раскрыть механизм, суть процессов культурных, политических взаимосвязей и взаимовлияний. Вместе с тем исследование торговли, являвшейся одной из важнейших отраслей экономики, определение ее характера, форм, состояния, интенсивности представляет важное звено в изучении социально-экономической истории того или иного общества, региона, в установлении уровня общественных отношений.

Настоящая книга посвящена изучению торговли, торговых связей Дагестана в III в. до н.э. - IV в. н.э. и базируется на анализе, главным образом, археологических материалов и, отчасти, скурых, но ценных сведений античных авторов. Этот промежуток времени, именуемый в исторической периодизации применительно к Дагестану албано-сарматским, получил свое название по имени двух народов, сыгравших важную роль в истории не только Дагестана, но и в целом Кавказа и Восточной Европы, и распространивших свое имя на целый ряд родственных им племен. Первые - это албаны, далекие предки народов Дагестана и Азербайджана, ставшие известными античному миру с IV в. до н.э. и образовавшие в последних веках до н.э. древнейшее государство на Восточном Кавказе, которое получило в исторической литературе наименование Кавказская Албания. Интерес к этой стране и знания о ней в античном мире, возросшие с рубежа эр, были обусловлены ее немаловажным геополитическим положением и экспансией на Кавказ Рима, стремившегося контролировать главные торговые пути, связывающие Запад с Востоком. Вторые - это кочевые ираноязычные племена, первоначально занимавшие степи от Дона до Приуралья. В античной традиции этноним «сарматы» начал употребляться с III в. до н.э. и выход их на арену истории сопровождался возникновением новой, сарматской культуры (III в. до н.э. - IV в. н.э.) и началом интенсивного продвижения сарматских племен на Северный Кавказ (сираки, аорсы, аланы) и в Северное Причерноморье (языги, роксоланы). Это событие обусловило сложный и многогранный процесс этнокультурных связей населения Северного Кавказа и Северного Причерноморья, получивший название «сарматизации», в кото-

ром не последняя роль отводилась установившимся тесным торговым контактам.

Данная работа - первая попытка обобщающего, комплексного изучения торговли Дагестана албано-сарматского времени. Актуальность этой научной темы в силу специфики самого предмета исследования выходит далеко за рамки собственно Северо-Восточного Кавказа. Ее значимость определяется той исторической ролью, которую на протяжении тысячелетий играл в общении Европы и Азии этот географический и этнокультурный регион, выступавший «мостом», который связывал два континента и по которому двигались разноликие, разноразличные племена, воинственные орды и мирные торговые караваны. В рассматриваемый период, характеризующийся ростом взаимозаинтересованных связей центров античной цивилизации и варварской ойкумены, Дагестан становится рубежом между Азиатской Сарматией и Кавказской Албанией, зоной активных и разносторонних контактов оседло-земледельческого мира Юга и кочевническо-скотоводческого мира Севера. Исследование данной темы позволяет осветить новые грани значимой проблемы эллинистическо-варварских контактов, историко-культурных связей центров и периферии античного мира.

Вышесказанное определяет и цели предлагаемой книги, главными из которых являются характеристика торговли Дагестана албано-сарматского времени, выявление ее места и роли в экономике, в социально-экономическом преобразовании региона, установление основных направлений, этапов и факторов развития торговых связей, значимости этого евроазиатского перешейка в истории торговли античного времени.

Автор выражает искреннюю признательность рецензентам - проф. А.Р.Магомедову и докт. искусствоведения М.М.Маммаеву, рекомендовавшим рукопись к изданию. Моя особая благодарность спонсору настоящего издания - директору Махачкалинского шерстеперерабатывающего комбината АО "Адам Интернешнл" Бузаю Ибрагимову. Я глубоко благодарен Давидбеку Черкесову и Асадулле Исламову за их дружескую помощь, способствовавшую выходу в свет этой книги.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ДАГЕСТАНА В АЛБАНО - САРМАТСКИЙ ПЕРИОД

Анализ огромного фактического материала, полученного в результате многолетних археологических исследований, показывает, что албано-сарматский период (III в. до н.э. - IV в. н.э.) в истории Дагестана является важнейшей исторической эпохой, характеризующейся кардинальными изменениями формационного порядка во всех сферах жизни общества. Этот период может рассматриваться как завершающий этап процесса перехода от первобытности к цивилизации, к классовому обществу и к государственным формам социальной организации.

Этому процессу становления новой общественно-экономической формации способствовал ряд факторов. Широкое освоение железа и массовое распространение железных, более совершенных орудий труда и оружия обеспечило развитие производительных сил, рост производительности труда, появление регулярного и значительного по масштабам прибавочного продукта, стало решающим условием завершения процесса классовообразования. Важными были близость и контакты с закавказскими и переднеазиатскими обществами со сложившейся государственностью, классовой, сословно-правовой и административной структурой, в сферу политических и экономических интересов которых был включен и Восточный Кавказ. Следует отметить и связь с процессом общего экономического и социального развития Востока в эллинистический период (III-I вв. до н.э.), выразившемся в подъеме экономики, росте торгово-культурных связей, возникновении новых торговых путей и экономических центров, городов и государств. Важным внешним фактором, способствовавшим не только росту торговых и культурных контактов, но и консолидации племенных союзов, развитию военной, государственно-политической организации дагестанского общества, яви-

лись миграции в Прикаспийский Дагестан ираноязычных кочевников.

На существеннейшие изменения по пути прогресса древнего населения Дагестана, особенно в экономической сфере - основе внутреннего социального развития общества, указывают многочисленные археологические данные. В области сельского хозяйства это нашло отражение в появлении и распространении ручной мельницы, пришедшей на смену малопроизводительным зернотеркам, в массовом употреблении крупных тарных сосудов, предназначенных для хранения сельхозпродуктов, и специальных ям-хранилищ для запасов продовольствия. В этих фактах отразилась не только возросшая потребность, но и увеличение объема сельхозпродукции, что было обеспечено за счет освоения новых земель, совершенствования техники земледелия, пахотных и жатвенных орудий. Распространение железных орудий труда позволило выполнять огромные по объему и масштабу земельные агротехнические работы, определило переход к интенсивной форме земледелия, развитие террасного и поливного земледелия. Интенсификация сельскохозяйственного труда оказывала огромное влияние на аграрные отношения, на процесс парцелляризации хозяйства, значительно повышала роль органов общественной власти и управления, обуславливая их трансформацию в государственные институты.

Сельское хозяйство, приобретшее в большой мере товарную направленность, являлось важнейшей отраслью экономики, и получение в сфере пищевого производства регулярного прибавочного продукта, являвшегося одним из основных факторов, определявших становление раннеклассового общества, обеспечивало благосостояние и поступательное движение дагестанского общества.

Существенные сдвиги, выразившиеся в появлении прогрессивных орудий труда, средств производства, технологий, происходят в ремесленном производстве: гончарном, кузнечном, бронзолитейном, строительном, камнеобраба-

тывающем, достигших уровня товарного производства и определенной профессиональной специализации с соответствующими этой стадии формами обмена и торговли: ремесленник работал не только на заказ (что подразумевает обслуживание своей общины, обмен на месте без посредника, элементы товарного обращения), не только для создания потребительской стоимости вещей, но и на рынок, когда вещь приобретала меновую стоимость.

Развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли было единым взаимосвязанным, взаимообусловленным и синхронным процессом. Развитие земледелия в немалой степени способствовало развитию ремесел, а последние в меньшей степени влияли на прогресс в аграрной области. Выделение ряда ремесел в самостоятельные отрасли производства, получение излишка в сельскохозяйственной сфере способствовали расширению и развитию обмена и торговли, базировавшихся на регулярно получаемом прибавочном продукте. С другой стороны, активизация торговли, расширение рынков сбыта способствовали специализации ремесленного производства, стимулировали сельское хозяйство.

* * *

Как известно, огромное значение для развития обмена и перерастания его в торговлю имело развитие цветной и черной металлургии и металлообработки, сама технология которых предполагала налаженный импорт сырья и обратные поставки готовой продукции (1, с. 114; 2, с. 8).

Металлургия и кузнечное ремесло, судя по археологическим данным, занимали важное положение в экономике, в частности таких раннегородских центров Дагестана, как Дербент и Урцекское городище. Выявленные в ходе раскопок этих памятников материалы, свидетельствующие о наличии металлургии и кузнечного ремесла - железные шлаки, крицы, остатки сыродутных горнов, кузнечной

мастерской, собственно изделия из железа, позволяют говорить как о поставках в эти центры металла в виде руды, так и, очевидно, доминировавших, более рациональных поставках в виде криц, криц-полуфабрикатов. Руда, по всей видимости, поставлялась из южно- и центральнодагестанских богатых сидеритовых месторождений, доступных разработке открытым способом.

Необходимо заметить, что следы древнего железоплавильного производства на территории Дагестана в ряде случаев приурочены к местонахождениям крупных сидеритовых залежей. Это касается находок на Аркаском и Макинском поселениях, в районе Хабединского могильника, вблизи селений Муги и Кубачи. Вместе с тем отмечаемые следы металлургии железа в Дербенте, Урцеки, а также в зоне селений Капкайкент - Чумли - Гулли указывают на поставки руды из мест ее добычи в металлургические очаги. Это было связано с тем, что сидеритовые залежи Дагестана приурочены к нижне- и среднеюрским отложениям, которые характеризуются глинистыми почвами и бедностью лесного покрова. Отсутствие в этих зонах леса, необходимого в значительном количестве для металлургии, и обуславливало нерациональные, на первый взгляд, поставки руды.

С другой стороны, материалы археологических исследований указывают на наличие в предгорно-плоскостном Дагестане, в зонах Дербента и Урцеки в албано-сарматское и раннесредневековое время обширных широколиственных лесов, что определило широкое применение дерева в архитектуре, хозяйстве, быту. Об этом свидетельствует и доминирующее положение среди костных остатков диких животных, полученных при раскопках Дербента и Урцеки, зубра и оленя - главных объектов охоты и типичных обитателей таких лесов.

Вышесказанное, однако, не исключает поставок в раннегородские центры кричного железа, бывших, очевидно, преобладающими, нежели поставки руды. На это может

указывать отсутствие на городищах и в их окрестностях значительных отходов железноплавильного производства в виде скоплений больших шлаковых насыпей, занимающих обширную территорию, что свойственно для крупных металлургических очагов, в частности, Ругуджинского и Чумлинского. Обращает внимание, что Чумлинский очаг, занимающий площадь в несколько квадратных километров и, очевидно, функционировавший весьма долгое время, находится примерно в центре треугольника Дербент-Кубачи-Урцеки.

Приведенные материалы, таким образом, могут предполагать и обратные торгово-производственные связи, а именно поставки как готовой продукции кузнечных центров, так и леса (а скорее древесного угля) в пункты добычи и плавки руды.

Подобные взаимодействия, по всей видимости, существовали и в сфере бронзолитейного производства. Ведущее положение среди дагестанских рецептов сплавов цветных металлов в скифский и албано-сарматский периоды оловянистых бронз, близких к закавказским типам сплавов, допускает снабжение местных производственных центров оловом из закавказского и, не исключено, переднеазиатского месторождений. Как, в какой форме, в каком виде осуществлялись эти поставки - сказать трудно из-за отсутствия соответствующих данных. Вероятно, эти контакты были не прямыми, а опосредованными, а собственно олово могло поступать не в чистом виде (в слитках), а в качестве готовых бронзовых изделий (в том числе, бронзовых слитков), подвергавшихся на месте переплавке. Впрочем, рассуждения на этот счет пока не идут далее умозрительных, абстрактных наблюдений.

Недавно В.И.Марковин, опираясь на геологические данные, вновь поднял вопрос о возможной в древности добыче олова на Северном Кавказе и высказал предположение о выплавке этого металла из оловянного камня-касситерита, месторождения и следы которого приходится в основном на

центральную часть Северного Кавказа (3, с. 5-10). Если в дальнейшем это предположение получит более веское обоснование, то появится возможность говорить и о поставках в Дагестан северокавказского олова, хотя более приоритетным в этом вопросе выглядит южное направление торгово-производственных связей.

По всей видимости, можно говорить и о местных, локальных торгово-производственных контактах в сфере цветной металлургии и бронзолитейного производства: свинец, сурьма, мышьяк, являвшиеся важными искусственными компонентами сплавов дагестанских бронз, могли поступать в производственные центры из имеющихся многочисленных (около 600) местных медных и полиметаллических рудопроявлений и месторождений.

Готовая продукция дагестанских бронзолитейных центров имела хождение не только на внутренних рынках сбыта, но и поступала в соседние регионы. Так, Северный Кавказ, в том числе и Северо-Восточный, по обоснованному мнению многих исследователей, является одним из центров производства и экспортеров зеркал-подвесок и зеркал с центральной петлей, получивших широкое распространение, в частности, среди сарматских племен Предкавказья, Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья. Особого внимания заслуживают близость состава металла кавказских и сарматских зеркал, изготовленных с лигатурой олова (4, с. 58).

С другой стороны, именно благодаря торгово-культурным контактам с сарматами, на Северном Кавказе, включая Дагестан, появились, вошли в обиход местного населения металлические зеркала (и другие принадлежности культурного быта), было освоено их производство и они стали важной статьей экспорта.

В значительной степени дагестано-сарматские связи обусловили появление на рубеже эр и последующее распространение на территории Дагестана фибул, способствовали возникновению их местного производства, местных подра-

жаний и типов. Использование местным населением фибул, новых типов поясных пряжек, как декоративно-утилитарных элементов костюма, возможно, сопровождалось и заимствованием форм одежды.

Из Дербента происходит импортная гладкая проволочная среднелатенская фибула (рис. 1,3) кельтского типа 1 в. до н.э. (5, с. 19, табл. 3,1). Здесь также обнаружены различные лучковые фибулы: круглопроволочная с подвижным приемником, с пластинчатой спинкой, а также деформированная сильнопрофилированная с крючком для тетивы первых веков н.э. (рис. 1,1,2,4). Различных типов лучковые и боспорские сильнопрофилированные фибулы (с кнопкой или завитком на конце приемника, с крючком для тетивы или без него) обнаружены и в других памятниках Дагестана начальных веков н.э.: В Таркинском, Карабудахкентском 3-ем, Андрейаульском, Буйнакском грунтовых могильниках, в Львовских курганных (Разрушаемые 1 и 2) могильниках (6, рис. 8, 3, 4; 7, рис. 17, 1, 3, 18, 5; 8, рис. 37, NN 5,8, 27, 38, NN 90, 91, 110, 40, N 60; 9, рис. 2, 1, 2, 26; 10, с. 26, 60, 63-66, рис. 225-227, 640, 683, 719-723; 11, с. 83; 12, с. 13, 26, 33, 96, 158, рис. 42-44, 92, 93, 121, 122, 313, 314, 500, 501; 13, с. 116, 118, рис. 1, 12). Обращает внимание, что северопричерноморские (боспорские) фибулы происходят, главным образом, с территории Северного Дагестана из погребений сарматского (Львовские курганные могильники), смешанного аборигенно-сарматского (Тарки, Андрейаул) и местного аборигенного (Карабудахкент, Буйнакск) населения.

Т.Б.Барцева, исследуя состав металла таких фибул, пришла к выводу, что «часть фибул северопричерноморских типов изготовлена на Северном Кавказе из рецептов с добавлением мышьяка, характерных для северо-кавказской металлообработки» (14, с. 34; см. также 15, с. 266). Данных по составу металла сильнопрофилированных фибул боспорского типа, обнаруженных в Дагестане, нет, но отмеченный факт сосредоточения находок их в северном

Дагестане - в зоне активных контактов местного населения с сарматскими племенами позволяет рассматривать эти фибулы как предметы импорта из Северо-Восточного Причерноморья. На это указывает и полная типологическая идентичность их северопричерноморским образцам.

Импортными являются и раннеримские шарнирные дуговидные фибулы типа «Алезия», найденные в Карабудахкентском 1-м, 3-м и Цархи-Гоцинском могильниках (8, рис. 4, NN 53, 157, 35, N 77, 37, N 5, 39, N 130; 16). Возможно, местными подражаниями им являются отличающиеся некоторыми деталями шарнирные фибулы с дуговидной пластинчатой подтреугольной спинкой, происходящие из Урцекского некрополя и Сумбатлинского могильника (17, табл. V, 9).

Недавно М.Б.Щукиным было высказано интересное мнение о путях проникновения провинциально-римских фибул типа «Алезия» на Северный Кавказ: исследователь не исключает возможности их появления здесь с юга в результате пребывания римских войск в Закавказье во втор. пол. I в. до н.э. (18, с. 65-68). Косвенно эта точка зрения может опираться на находки фибул этого типа не только в Передней Азии, но и в Закавказье, в частности в Азербайджане, где обнаружены и другие типы римских фибул (19, с. 142-145, табл. XXXII). Но ставить появление фибул типа «Алезия» на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, в прямую связь с военно-политическими событиями втор. пол. I в. до н.э. в Закавказье представляется весьма рискованным. Фибулы из погр. 73 Карабудахкентского 1 могильника и из Цархи-Гоцо (рис. 1, 5) найдены в комплексах, датируемых I в. н.э., возможно, и нач. II в. н.э.; остальные - вне комплексов или из погребений II-III вв. н.э. (погр. 8 Карабудахкентского 3 могильника). Единичные находки их известны в Центральном Предкавказье (20, с. 152, рис. 59, 3,4), Калмыкии (21, с. 149, табл. 17,3), Нижнем Поволжье (22, с. 33, рис. 12, 40) из комплексов I - нач. II в. н.э. Большое количество фибул типа «Алезия»,

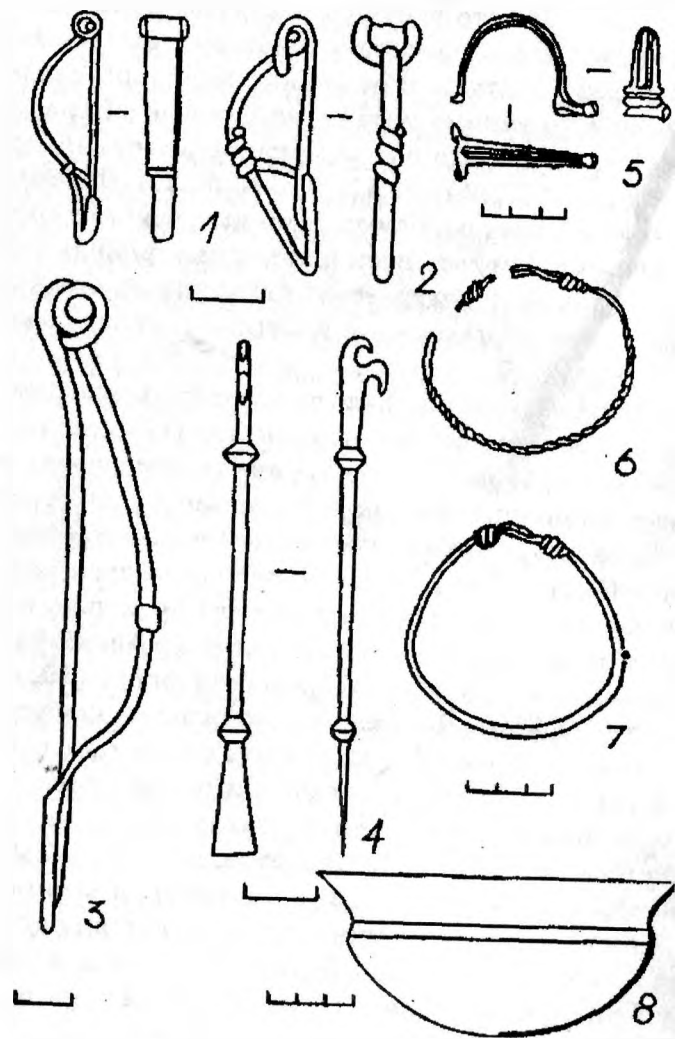

Рис. 1. Бронзовые фибулы (1-5), браслеты (6-7) и фиал (8) (1-4-Дербент; 5-7-Цархи-Гоцо; 8-Шаракун).

как и близких им фибул типа «Авцисса», происходит из Северного Причерноморья, куда они попали, как считают исследователи, из дунайских провинций Рима (5, с. 26; 23, с. 241). Очерчивая ареал распространения этих раннеримских фибул, мы не можем однозначно указать на путь их проникновения в Дагестан и на Северный Кавказ: здесь они могли появиться как в результате торговых контактов с югом, с восточно-римскими провинциями и Закавказьем, так и с Северным Причерноморьем, в особенности в Боспоре, откуда поступали и местные сильнопрофилированные и лучковые подвязные фибулы.

В отличие от рассмотренных фибул, северо-кавказское происхождение имеет небольшая бронзовая дуговидная фибула из Урцекского некрополя, датируемая последними веками до н.э. Подобные фибулы, являющиеся характерным атрибутом кобанской культуры и доживающие до первых веков н.э., на территории Дагестана найдены также в Хабдинском могильнике, Карате, Согратле, Анцухе (24, с. 127, табл. XVIII, 10, 11) и свидетельствуют о традиционных контактах древнего населения Дагестана и Центрального Кавказа.

В результате торгово-культурных связей с соседними регионами появились в Дагестане и бронзовые браслеты с перевязанными концами, обнаруженные в погребениях I-III в. Карабудахкентского 1, Хабдинского, Новолакского, Цархи-Гоцинского, Дербентского, Львовского курганного Разрушаемого-2 могильников (8, рис. 24, N 263; 10, с. 38, рис. 362; 25, табл. IX, 24; 26, рис. 10, 15, 25, 24; 2, рис. 4, 73). В склепе I - нач. II в. н.э. могильника Цархи-Гоцо два таких браслета изготовлены из витой проволоки (рис. 1, 6).

Браслеты с перевязанными концами получили широкое распространение в первых веках н.э., став одним из аксессуаров евразийской моды; они хорошо известны по памятникам Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Закавказья, Переднего и Среднего Востока, Средней Азии,

Средиземноморья (19, с. 140, табл. XXX, 4,5; 20, рис. 60, 11-17; 23, табл. CLXVII, 8, 9, 13, 17; 28, с. 113, 114, 230, табл. LXXXVII, 3, рис. 6, 139, 6; 29, табл. VIII; 30, с. 52-54, там же см. зарубежную библиографию). Дагестан входил в этот обширный ареал распространения данного вида (как впрочем и других) украшений, который стал известен здесь благодаря как южным, так и северным торгово-культурным связям - они могли поступать сюда по Прикаспийской торговой дороге и с территории Закавказья и Переднего Востока, и из Северного Причерноморья. Простота их изготовления не исключает, конечно, возможность производства таких браслетов на месте в подражание импортным образцам и следуя распространившейся на них моде. Определение состава металла этих популярных браслетов может выявить области их изготовления. По всей видимости, местной имитацией браслетов с перевязанными концами являются два бронзовых браслета из погребения III-IV вв. Дербентского могильника: они изготовлены из разломанной пополам витой гривны, тонкий конец каждого браслета согнут и перевязан, образуя петлю; вместе с витой гривной, обнаруженной на погребенной, эти браслеты составляли своеобразный комплект украшений (31, с. 96,97, рис. 9, 62, 71,72). Вместе с тем находки аналогичных гривн и в других погребениях могильника (31, рис. 14, 44, 16, 1) позволяют считать их продукцией местных ремесленников и характерной принадлежностью, социальным символом определенной, довольно высокой по своему общественному положению группы населения (31, с. 112, 113).

* * *

В ряду предметов импорта, обнаруженных на территории Дагестана, самую значительную группу составляют бусы, поступавшие сюда транзитом как с юга, так и с севера, и которые встречены практически на каждом памятнике, представляя основную (в количественном отношении)

категорию находок в погребениях албано-сарматского и раннесредневекового периодов. Прежде всего, это наиболее многочисленные стеклянные и фаянсовые бусы восточносредиземноморского происхождения, которые составляют до 70-90% всех представленных на памятнике бус. Не исключено, что какая-то часть этих бус имеет североприморское происхождение в свете обоснованных мнений об их производстве, в частности, в Танаисе, Фанагории, Пантикапее, Ольвии (32, с. 50, 51; 33, с. 92-109; 227). Вместе с тем, очевидно, какая-то часть восточносредиземноморских бус поступала на Северо-Восточный Кавказ в результате торговых связей с сарматами, к которым основной поток бус шел из североприморских торгово-ремесленных центров, являвшихся и местами транзита этих изделий из стран Средиземноморья (34, с. 190). С другой стороны, по всей видимости, иным важным каналом поступления бус южного происхождения (ближневосточных, иранских, индийских) к сарматам предкавказских степей, Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Поволжья следует признать Прикаспийский торговый путь, проходивший через Приморский Дагестан.

В настоящей работе мы не ставим целью дать подробную типологическую и хронологическую разработку этого представительного и ценного исторического источника - это дело будущего, специального исследования. Здесь же отметим, что общее знакомство с бусами, происходящими с территории Дагестана, показывает, что по своему составу они типологически близки бусам античного Северного Причерноморья, исследованным в капитальном труде Е.М.Алексеевой (32; 35; 36), Азиатской Сарматии, получившим всестороннюю характеристику в работах А.С.Скрипкина (22, с.34-39; 37, с.74-78), Северного Кавказа (38, с.36-38; с.160-166, 173-174; 40, с.217, 218; 364, с.48-65), Закавказья (19, с.151, табл. XXXII; 28;41;42).

Стеклянные бусы представлены одноцветными (прозрачные и глухие; округло-ребристые, цилиндрические, веретено-

нообразные, кубовидные, четырнадцатигранные, дисковидные и др.; голубой, желтый, черный бисер; каплевидные привески и в форме сосудиков и др.), полихромными (с глазчатым, поперечно-полосатым, продольно-полосатым, фестонобразным орнаментом), с металлической (золотой, редко серебряной) прокладкой (округлые, бочковидные, цилиндрические, многочленные). Фаянсовые бусы представлены многочисленным бисером (короткоцилиндрические, бочковидные, округлые), частыми крупными округло-ребристыми бусами, кубическими, прямоугольными бусинами и разделителями и др.

Весьма немногочисленны каменные бусы за исключением гагатовых, основная масса которых - а именно нарезные короткоцилиндрические, дисковидные - имеют, по всей видимости, местное (дагестанское) происхождение. На это может указывать не только наличие большого числа легкодоступных месторождений гагата в Дагестане, но и высокий процент гагатовых бус в общей массе этого вида украшений. Так, из 1618 экз. бус, обнаруженных в Урцекском, 460 экз. (28, 43%) составляют гагатовые. Близкое присутствие они имеют и в Дербенте: из 1228 экз. они представлены 321 экз. (26, 14%). Эти высокие показатели резко выделяют Дагестан на фоне северокавказских памятников перв. пол. I тыс. н.э., где гагатовые бусы относительно немногочисленны. Это отличие также может предполагать экспорт их из Дагестана в соседние области - на Северный Кавказ, в Нижнее Поволжье, в Предкавказские степи, где названные типы (короткоцилиндрические, дисковидные) являются наиболее распространенными бусами из гагата (22, с.37; 37, с.85; 39, с. 165; 40, с.218).

Привозными северопричерноморскими являются бико-нические, топориковидные (каплевидные), уплощенно-прямоугольные гагатовые бусы, которые найдены в Дербенте, Урцекском, других памятниках Дагестана и распространены в позднеантичных памятниках Боспора, Херсонеса. При этом необходимо учитывать, что исследователи полагают пос-

тупление изделий из гагата в Северное Причерноморье, где они составляют обширную группу украшений, из северокавказских центров их изготовления (23, с. 239). Но значительное разнообразие типов гагатовых изделий в северо-причерноморских памятниках, специфические формы гагатовых бус, не встречаемые на Северном Кавказе, высокая техника обработки их позволяет говорить о поставках не столько готовых изделий, сколько собственно минерала, заготовок, которые обрабатывались в ювелирных мастерских Боспора, Херсонеса, Ольвии. Вместе с тем, вышесказанное позволяет считать Дагестан, его торгово-ремесленные, производственные центры одними из главных поставщиков гагата в Северное Причерноморье.

На северное направление торгово-культурных связей указывают эпизодические находки янтарных бус (округлые, цилиндрические, короткоцилиндрические, подпрямоугольные, грибовидные, дисковидные, четырнадцатигранные) в Таркинском, Карабудахкентских 1 и 3, Гапши-минском, Хабадинском, Буйнакском, Урцекском, Баршамайском, Дербентском, Львовских курганных (Разрушаемые 1 и 2) могильниках, Зеленоморском кургане-кладбище. Судя по имеющимся данным, на территории Дагестана бусы из янтаря появляются с I в. н.э. вместе с общим ростом потока импортных бус и фиксируют линию транзитных торгово-культурных контактов Прибалтика - Северное Причерноморье - Кавказ. О скорости и интенсивности этих контактов может свидетельствовать, например, тот факт, что специфической формы грибовидные янтарные бусы-подвески появляются и распространяются в Центральной Европе во втор. пол. III-нач. IV в. н.э. (ступень С2 -260-330 гг. н.э., по хронологии К.Годловского: 368, р.38, 39, 54, 57, 72, 80, р. III, 27, VII, 20, 21, 27, XI, 12, XV, 18, XIX, 6; см. также 36, с.24, 25) и в это же время становятся известны на территории Дагестана, судя по находкам их в Дербентском (31, с.96, рис. 9, 7-10), Баршамайском (43, с.66) могильниках и сарматских курганах Львовских

могильников Разрушаемые 1 и 2 (11, с.90; 12, с. 10, 14, 15). В погребениях янтарные бусы представлены как единичными экземплярами, так и небольшими низками до 15-18 штук.

На южные связи указывают бусы из высококачественного, прекрасно обработанного сердолика индийского или иранского происхождения, редкие находки коралловых (Тарки, Андрейаул, Баршамай, Зеленоморск), перламутровых (Шаракун, Хабада, Львовские курганы) бус. С берегов Персидского залива и Индийского океана транзитом поступали раковины каури. К привозным относятся и мало встречающиеся бусы из дымчатого и голубоватого халцедона, агата, хрустала, алмадина.

На территории Дагестана в памятниках пер. пол. I тыс. н.э. обнаружена и серия амулетов-подвесок и плакеток из египетского фаянса (рис. 2, 1-9). В Дербенте в погребении I-нач. II в.н.э. вместе со стеклянными, фаянсовыми, сердоликовыми, гагатовыми бусами, зеркальцем-привеской найдены голубые фаянсовые подвески в форме скарабея, сосудика, кисти руки, сжатой в кулачок с кукишем (рис. 2, 6, 8), обломок фаллической подвески (27, с.134, рис. 4, 15, 17, 18, 34). Из культурного слоя Дербента первых веков н.э. (раскоп XIII) происходит голубого цвета подвеска-кувшинчик со сферическим рифленным туловым и высоким цилиндрическим горлом (рис. 2,1). В Таркинском могильнике (погр. 11) подвеска-«кукиш» (рис. 2,5) из голубого фаянса обнаружена в ожерелье из стеклянных, пастовых, сердоликовых, гагатовых, коралловых бус и в комплекте с зеркалом-привеской и боспорскими сильнопрофилированными фибулами (6, с. 216, 217, рис. 8, 1). Голубая подвеска в форме рифленой амфорки (рис. 2,2) вместе с бусами из стекла, пасты, сердолика и янтаря, а также с зеркальцем-привеской и фибулой типа «Алезия» найдена в погр. 73 Карабудахкентского 1 могильника (8, с. 190, 191, 210, рис. 35, N74). В Цархи-Гоцинском склепе I-нач. II в. наряду с упоминавшимися фибулой типа «Алезия» и браслетами

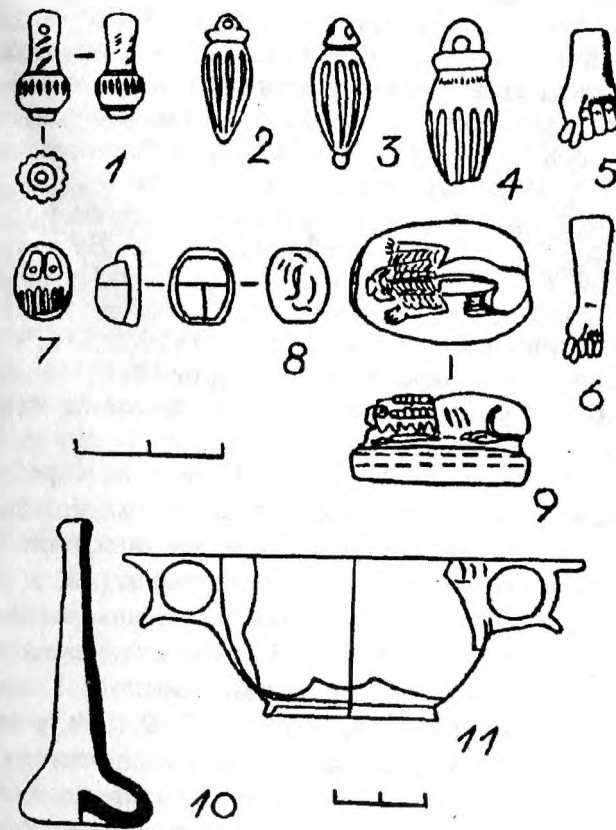

Рис. 2 Фаянсовые амулеты-подвески и стеклянные сосуды (1,6,8,10 - Дербент; 2-Карабудахкент; 3-Цархи-Гоцо; 4-Баршамай; 5-Тарки; 7-Гапшима; 11-Аджимажатюрт).

с перевязанными концами были выявлены пять подвесок-амфорок из зеленого фаянса (рис. 2, 3) с вертикально каннелюрованным туловом и гладкой шишечкой в основании (16). Подобная подвеска - амфорка, но, судя по М.И.Пикуль, изготовленная из стекла, найдена в Аркасе (26, с.58, рис. 15, 4). Оттуда же происходит стеклянная подвеска-кувшинчик (26, рис. 15,5). Целое ожерелье таких подвесок из прозрачного бесцветного и темно-синего стекла (тип 193, вариант Г по Е.М.Алексеевой), датированных II-I вв. до н.э. (36, с.74, табл. 34, 39), найдено в разрушенном погребении могильника Черкез-кутан.

Крупная рифленая амфоровидная подвеска из голубого фаянса (рис. 2, 4) была обнаружена в Баршамайском погребении IV в. (43, с. 66). Две фаянсовые плакетки с изображением скарабея и лягушки происходят из погр. 8 II-III вв. Сумбатлинского могильника (17, с.116, 126). Еще один скарабей из голубого фаянса (рис. 2, 7) был найден в склепе III-V вв. Гапшиминского могильника (44, с.274, рис.5, 1).

Из разрушенного погребения I-II вв. н.э. Карабудахкентского 6 могильника происходит обломок голубой фаянсовой плакетки с изображением лежащего льва, найденной вместе с зеркалом-привеской и другим инвентарем (45, с. 100, 101, табл. 1,5). Целая голубая плакетка со львом (рис. 2,9) в составе низки из гагатовых, стеклянных, фаянсовых, сердоликовых бус была обнаружена в склепе II-III вв., раскопанном на поселении Ганзир (46, с. 119. 120, рис. 3, 18).

Наконец, набор из многочисленных позднеантичных египетских фаянсовых амулетов в форме скарабеев, лежащих львов, кукишей, души «ба» и другие предметы иноземного происхождения (см. ниже) входили в состав погребального инвентаря богатой Ирагинской гробницы V в. н.э. (47, с. 185, рис. 50, 46-49).

Вышеприведенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Амулеты из египетского фаянса на территории Дагестана начинают встречаться в комплексах, хорошо датированных I-нач. II в. н.э. (Тарки, Карабудахкент, Дербент, Цархи-Гоцо). В хронологическом аспекте Дагестан не состав-

ляет исключения на фоне других регионов, где широкое появление и распространение фаянсовых амулетов приходится на этот же период (30, с. 59-64; 35, с. 28, 30; 37, с. 115, рис. 29, 15-35; 42, рис. 230, 254, 309, 311; 49, с. 55, рис. 49; 50, с. 86-88). Здесь представлены те же наиболее распространенные формы амулетов, что и в соседних областях (51; 52; 53). Распространение на территории Дагестана изделий из египетского фаянса (бус, подвесок, плакеток), а также различных бус, происходящих из Восточного Средиземноморья, Передней Азии, Северного Причерноморья, Прибалтики не носит случайный характер, а представляет звено в цепи торговых (транзитных и прямых) контактов названных регионов, подчеркивает роль и значение Прикаспийской международной трассы, показывает вовлечение населения как равнинного, так и горного Дагестана в международный товарообмен различных племен и народов.

Хронологические наблюдения за присутствием привозных (главным образом, стеклянных и пастовых) бус в погребальных комплексах указывают на начало распространения их с эллинистического времени и увеличение потока бус с последних веков до н.э. и особенно в первые века н.э., что вписывается в общий контекст роста эллинистическо-варварской торговли в это время (23, с. 182-184). Это явление, а также отмеченное выше типологическое совпадение бус Дагестана албано-сарматского времени с набором бус этого периода соседних регионов может объясняться и расцениваться как факт установления более тесных торгово-экономических, культурных, политических связей.

Судя по количественным показателям, бусы (в особенности стеклянные и фаянсовые) являлись наиболее распространенной и употребительной статьей импорта и в целом товарообмена как внешнего, так и внутреннего. На них существовал широкий спрос среди населения. И не исключено, что этот вид украшений мог обладать меновой стоимостью, выполнять роль всеобщего эквивалента.

В результате торговых связей в Дагестан поступали и стеклянные сосуды, находки которых, правда, весьма малочисленны. В Дагестанском историко-архитектурном музее хранится тонкостенный канфар из литого стекла, датируемый I в. до н.э. - I в. н.э. (34, табл. 116, 3; 54, с. 18, N 21; 55, с. 102, N 108). Он имеет полусферическую форму, плоское дно на низком кольцевом поддоне и две вертикальные ленточные ручки с характерными выступами в верхней и нижней части (рис. 2, 11). В.И.Марковин, опираясь на сводку К.Ф.Смирнова о находках стеклянных канфаров и его мнение о связи их с синдо-меотским миром Прикубанья (54, с. 17-26, 40-42), считает, что «в Дагестан этот предмет мог попасть вместе с потоком аорсов» и происходит «скорее всего из предгорно-степной части Дагестана» (34, с. 289). Недавно эти предположения В.И.Марковина нашли свое подтверждение: Б.М.Салихов в своей работе (56, с. 137) обоснованно показал, что данный канфар происходит из кургана у сел. Аджимажагатюрт Хасавюртовского района (57, с. 38, N 493).

Фрагмент кольцевого поддона подобного сосуда из литого зеленоватого стекла найден и в погр. 39 рубежа эры Зеленоморского кургана-кладбища* (56, с. 137; 58, с. 44, рис. 121, 13). Примечательно, что в этом же могильнике (погр. 32, 37) встречены и два керамических серолощенных канфара полусферической формы, причем имитирующих два варианта стеклянных сосудов этого типа - на низком и на высоком кольцевых поддонах (56, с. 136; 58, с. 40, 42, рис. 100, 110,2).

С территории Дагестана происходит еще три керамических серолощенных канфара: один из них обнаружен в одном из погребений кургана-кладбища IV рубежа н.э. группы Львовский-7 (11, с. 62), другой происходит из разрушенного

*Автор выражает благодарность Б.М.Салихову за разрешение использовать неопубликованные материалы раскопок.

захоронения могильника Черкез-кутан, третий - беспаспортный, хранится в историко-этнографическом музее Дагестанского гос. университета.

Как справедливо считают исследователи, керамические канфары Северного Кавказа, датируемые рубежом-нач. II в. н.э., восходят к стеклянным прототипам (59, с. 32). На территории Дагестана находки и стеклянных, и керамических канфаров приходится на северную равнинную зону и происходят из погребальных памятников, оставленных кочевыми сарматскими (Аджимажагатюрт, Львовский-7) и местными (Черкез-кутан, Зеленоморск*), подвергшимися сильной сарматизации племенами. Это и позволяет рассматривать появление здесь этого типа стеклянной посуды и возникновение местных керамических подражаний как результат торгово-культурных сношений сарматов (конкретнее, аорсов, участвовавших в Прикаспийской караванной торговле), выступавших торговыми посредниками в связях Дагестана с Северо-Восточным Причерноморьем, где сконцентрирована основная масса находок стеклянных канфаров, и в том числе с Боспором (56, с. 137), занимавшим ведущее положение по потреблению стекла и откуда стеклянные сосуды поступали в соседние (Прикубанье, Подонье) и более отдаленные (Нижнее Поволжье, Осетия, Дагестан) регионы (23, с. 184-186, 235, карта 14).

Важно подчеркнуть, что находки керамических реплик приурочены к районам обнаружения стеклянных канфаров. Большая часть их найдена на Северо-Западном Кавказе (34, табл. 99, 35; 60, с. 177. 179-181; 61, табл. 11, 3; 62, с. 117; 63, с. 127; 64, с. 121, табл. 5, 1-3). Встречены они в Нижне-Джулатском могильнике в Кабардино-Балкарии и в Ханкальском могильнике близ г. Грозного (20, с. 142, 143, рис. 55, 18-20). Особый интерес для нас представляет канфар на кольцевом поддоне из погр. 54 рубежа н.э.

*В Зеленоморском кургане-кладбище рубежа эры, в отличие от инвентаря, в погребальной обрядности, как представляется, наблюдается значительно больше сарматских черт, и, возможно, этот памятник следует характеризовать как оставленный сарматами, находившимися под сильным влиянием местной культуры.

Нижне-Джулатского могильника (38, с. 18, 67, рис. 6, 34). В отличие от всех подобных керамических сосудов экземпляр из Нижнего Джулата красноглиняный, орнаментирован каннелюрами, покрыт красным ангобом и залощен. М.П.Абрамова вполне справедливо сопоставила этот сосуд по его технологическим характеристикам с керамикой Кавказской Албании (65, с. 43). Действительно, на рубеже эр на территории Южного и Среднего Дагестана появляется характерная красноангобированная керамика, которая в дальнейшем становится ведущей, и описанная двуручная чаша-канфар, очевидно, имеет дагестанское происхождение. Изготовлен он был в подражание импортным стеклянным канфарам или их местным, северодагестанским сероглиняным дериватам, но по иной гончарной технологии, присущей южным районам Дагестана.

Стеклянные канфары, как и многие другие сосуды из стекла, являлись продукцией восточномедиземноморских мастерских (23, с. 236), ведущими среди которых были сирийские, в особенности сидонские, славившиеся своими изделиями (66, с. 84). В свое время К.Ф.Смирнов, опираясь на топографию находок литых стеклянных сосудов, главным образом, канфаров, полагал, что они попадали «на Северный Кавказ через Закавказье, минуя греческие колонии Северного Причерноморья, где находки этого стекла чрезвычайно редки», что «основной импорт этого стекла шел в Прикубанье, вероятно, по меотидо-колхидской дороге (по восточному берегу Черного моря) и другим перевалам Северного Кавказа, а также через Кавказские или Аланские ворота (Дарьяльское ущелье) и Каспийские ворота (Дербентский проход), т.е. по древним торговым и военным дорогам сираков, аорсов и аланов» (54, с. 22). В.В. Кропоткин считал, что это мнение не подкреплено фактическим материалом и литые стеклянные сосуды поступали на Северный Кавказ из городов Боспора (67, с. 87). К этой точке зрения, на основании новых находок, присоединился и Н.В.Анфимов, который вместе с тем поставил под сомне-

ние само существование меотидо-колхидской дороги как сухопутного караванного торгового пути (68, с. 185, 186). Дагестанские материалы, как представляется, также подтверждают суждение о поступлении канфаров из литого стекла на Северный Кавказ из боспорских торговых центров. Существенным является и тот довод, что среди большого количества и разнообразия античной стеклянной посуды (главным образом, сирийского производства), обнаруженной в Закавказье, отсутствуют сосуды этого типа - по крайней мере, мне не удалось найти в имеющихся публикациях фактов обнаружения стеклянных канфаров в закавказских памятниках*, хотя здесь еще в раннеэллинистическое время известны керамические канфары как импортные, так и местные их подражания (69, рис. 116, 117). Чем было вызвано то, что в Закавказье, при его теснейших торгово-экономических и культурных связях с восточноримскими провинциями, не поступали или почти не поступали стеклянные канфары, являвшиеся одним из распространенных видов продукции стеклоделия - сказать пока трудно. Можно отвлеченно полагать, что эти импортные изделия из стекла не находили здесь спроса.

В Дагестан поступали и другие типы позднеантичной стеклянной посуды. В Дербенте найдены целый бальзамрий - унгентарий прозрачного зеленоватого стекла (рис. 2, 10) и два фрагмента (часть горловины с венчиком и донце) бальзамариев прозрачного голубоватого стекла, изготовленных техникой выдувания. Целый экземпляр (высота 12,5 см) имеет вогнутое дно, низкое вздутое полусферическое тулово (диаметр 5 см) и высокую конусовидную горловину (диаметр в основании 3 см, в верхней части - 1 см) с утолщенным венчиком (диаметр 1,5 см). Подобные колбовидные сосудики для благовоний получили широкое распространение в античном мире и сопредельных странах в

* Среди огромной коллекции стеклянных сосудов могильника Урбиси (201 экз.) имеются обломки канфарообразного сосуда, выдутого в форме, из бесцветного стекла I в. н.э. египетского или сирийского происхождения (355, с. 14).

римскую эпоху, особенно с I-II вв. н.э., и определяются как продукция сирийских, египетских стеклоделательных мастерских (19, табл. XXIV; 23, с. 234-236; 42, рис. 151-164; 49, с. 52, 53, рис. 44, 45, табл. 24; 70, с. 60, 61, рис. 31, 32, табл. XIII-XV; 71; 72, с. 129; 73, рис. 295, 306, 421, 424, 426, 427, 430, 431, 528-531; 74, с. 146-177; 75, с. 90, 91; 76, с. 43-45; 77, р. 75; 78, pl. XLI, XLIII, XLIV, XLVI, LII).

Из погребения III-IV вв. Дербентского некрополя происходит фрагмент цилиндрической горловины (диаметр 4 см) с отогнутым и затем загнутым и приплюснутым венчиком (диаметр 5 см) из бесцветного прозрачного стекла (31, с. 99, рис. 11, 22), принадлежащий, возможно, колбовидному, относительно широкогорлому бальзамарию или цилиндрической формы стакану, флакону или бутылке, получившим распространение в римское время. Эти сосуды сирийского или римского производства широко представлены не только в Северном Причерноморье (55, с. 99, рис. 76, 3; 75, с. 91, 92, 95), но и в Закавказье, куда изделия из стекла в массе поступали из Сирии (42, рис. 145-150, 171, 172; 71; 72, с. 128, 129; 73, рис. 315; 79; 80, с. 91; 81; 82, с. 173, 174; 83, с. 73, 87, 97, 98).

В погр. 6 Цыйшинского могильника позднесарматского времени был найден фрагмент стенки тонкостенного стеклянного сосуда с вертикальными каннелюрами шириной 0,7 - 0,9 см (84, с. 38). О форме изделия судить по имеющемуся обломку трудно, но возможно, он принадлежал литой полусферической чаше с вертикальными каннелюрами, подобной обнаруженным в памятниках рубежа - первых веков н.э. Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья (23, с. 234, табл. LXX, 8, LXXI, 39; 55, с. 101, рис. 73, 4, 74, 7, 10). Такая техника орнаментации каннелюрами, получившая распространение в римскую эпоху, использовалась и для художественного оформления иных типов стеклянной посуды - бокалов, флаконов, кувшинов.

Наконец, еще один стеклянный сосуд был обнаружен при

раскопках цитадели городища Урцеки в верхнем (заключительном) слое одного из помещений «дворцового» (центрального) комплекса (85, с. 40). Он представлял собой небольшой стакановидный кубок из толстого зеленого стекла с узким дном, овальными стенками и рельефным орнаментом в виде сот. Подобные сосуды, являющиеся также продукцией восточносредиземноморских центров стеклоделия, хорошо известны, в частности, по находкам в Северном Причерноморье (Пантикапей, Херсонес, Харакс, Цebelьда и др.) и датируются IV-V вв. н.э. (86, с. 231, 232; 87, с. 187, 188, рис. 2, 10-13; 88, с. 61, рис. 1, 6-8, 25-29, 46, 47, 49, 50).

* * *

Связи населения Дагестана с античным миром нашли отражение и в находках отдельных образцов гончарной продукции, поступившей из северо-восточных причерноморских центров. Это античный (эллинистического времени) краснолаковый канфар из Хасавюртовской подкурганной катакомбы (рис. 3, 1)*, среди погребального инвентаря которой имелись также золотые гривна, розетки и другие предметы (164, с. 18); гончарный серолощенный кувшин с высокой раструбовидной горловиной со сливом, витой ручкой и врезным орнаментом из погр. 13 Таркинского могильника, находящий многочисленные аналогии в памятниках Прикубанья и Поволжья рубежа - первых веков н.э. и, очевидно, имеющий меотское происхождение (6, с. 219, 223, рис. 11, 6); серия фрагментов античных амфор с городища Казар-кала, ногайских степей, окрестностей Махачкалы (34, с. 287; 165, с. 143, 144; 166, с. 48-51, рис. 2, 41, 3, 23, 29, 4, 7; 167, с. 181, 182).** Сосредоточение этих находок в северных равнинных районах Дагестана позво-

* Выражаю искреннюю признательность проф. М.Г.Гаджиеву за любезное разрешение публикации находки.

** По устной информации докт. искусствоведения М.М.Маммаева, фрагменты амфор встречались и при раскопках Андрейаульского городища.

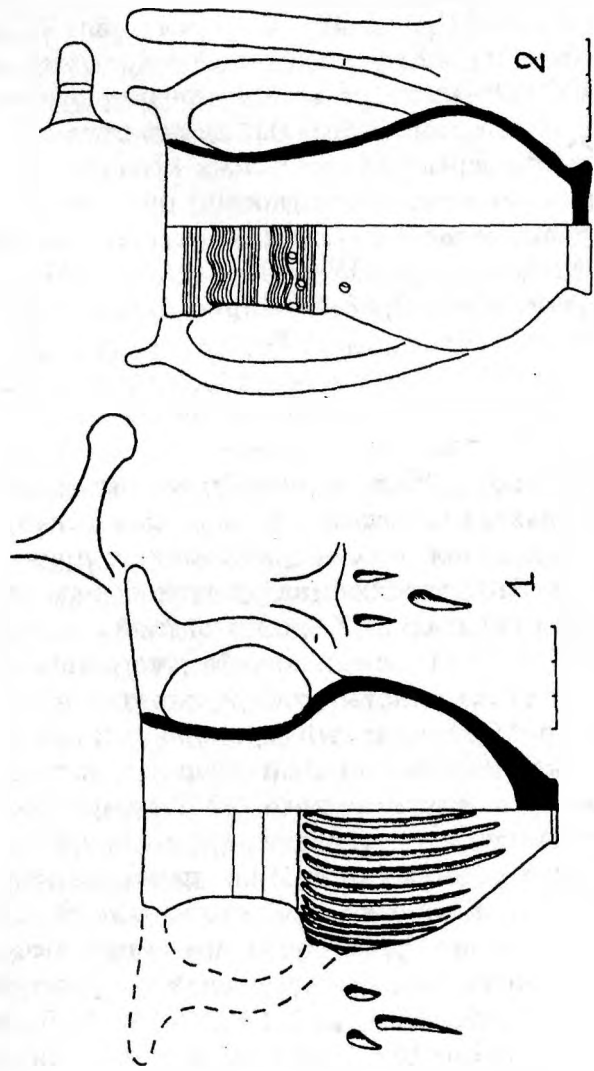

Рис. 3. Импортные северпричерноморский краснолаковый (1) и передне-восточный светлоглиняный (2) сосуды с территории Дагестана.

ляет связывать их появление здесь с деятельностью расселившихся в этой зоне сарматских племен.

На северопричерноморское направление торговых связей указывает костяная пиксида цилиндрической формы, украшенная снаружи врезными параллельными фризами из заштрихованных треугольников, найденная в Новолакском склепе I-II вв. (26, с. 142, 143, рис. 26, 15). Эти туалетные изделия, предназначенные для хранения румян, белил, ароматических веществ, в большом количестве изготавливались в мастерских Северного Причерноморья, особенно в первые века н.э., и были популярны среди сармат.

В результате торгово-культурных и иных контактов со странами античного мира на территорию Дагестана попадали и другие изделия. Гемма-скарабеоид (очевидно, с металлической подвижной дужкой, судя по остаткам проволоки в отверстии) с изображением коня происходит из Андреяульского грунтового могильника (9, с. 127, рис. 2, 40). Довольно реалистично вырезанное изображение, тщательная и тонкая работа свидетельствуют об античной школе глиптики. Вместе с тем данная гемма, отмеченная характером и стилем античного искусства, судя по теме изображения, возможно, имеет восточное происхождение - малоазийское или иберийское, где, как обоснованно считают исследователи, существовали мастерские по изготовлению гемм-печатей (83, с. 87; 168, с. 226, 240; 169, с. 20) и сюжеты с конем, отражающие популярный культ Митры, получили распространение в памятниках глиптики, торевтики, мелкой металлопластики (170, с. 145; 171, с. 91, 92, 98, 99, 103; 172, с. 80-90, табл. 28-30; 173, с. 44-46).

Из Северного Причерноморья попал в Дагестан костяной односторонний гребень с низкой треугольной спинкой (тип В по классификации Г.Ф. Никитиной), найденный в позднесарматском кургане 78 Львовской группы Разрушаемый-1 (12, с. 205, рис. 678, 679) и имеющий, очевидно, центрально- или западноевропейское происхождение (ср. : 174, с. 148, 149, 153, 154, рис. 1,6). Под влиянием

привозных гребней местное население, вероятно, начало изготавливать металлические гребни: один экземпляр бронзового одностороннего гребня с фигурной спинкой, имеющий прототипом трехчастные гребни типа III, варианта 2 по классификации Г.Ф. Никитиной (174, с. 148, 149, 159, рис. 1), обнаружен в погребении IV в. Хивского могильника (175, с. 55-57, рис. 5, 13).

Особый интерес представляет обнаруженная при раскопках Дербента в слое первых веков н.э. статуэтка (высота 9 см) обнаженной женщины из слоновой кости (рис. 4; 5). К сожалению, сохранились только туловище и нижние конечности до колен; специальные отверстия, имеющиеся на фигурке, обработанные края показывают, что руки отдельно крепились к статуэтке и, возможно, были выполнены из иного материала. Статуэтка характеризуется фронтальностью, симметричностью в построении фигуры, неподвижностью позы, некоторой плоскостностью в моделировке торса; массивные ноги сомкнуты, колени и ягодицы подчеркнуты короткими врезными линиями; немного свисающий опоясок (две глубокие параллельные врезные линии) нарушает наготу тела. Высокое качество исполнения, художественные достоинства изделия, выразившиеся в прекрасной обработке материала и четкости линий, правильности пропорций и зрелости в изображении тела свидетельствуют о мастерстве автора и указывают на связь с античной пластикой (176, с. 253, рис. на с. 275).

Как известно, косторезное дело получило широкое распространение в античном мире (177; там же см. библиографию). Использовалась кость и для изготовления небольших статуэток (178, с. 427-436, рис. 28, 32, 33; 179, с. 227-234). Моделировка фигурки из Дербента, ее конструктивные особенности позволяют считать, что она представляет собой подвижную статуэтку, подобную известным античным терракотовым изделиям (см., напр.: 23, с. 228, табл. СXXXIV, 9, 10). Близкое сходство в изображении тела дербентская

instituteofhistory.ru

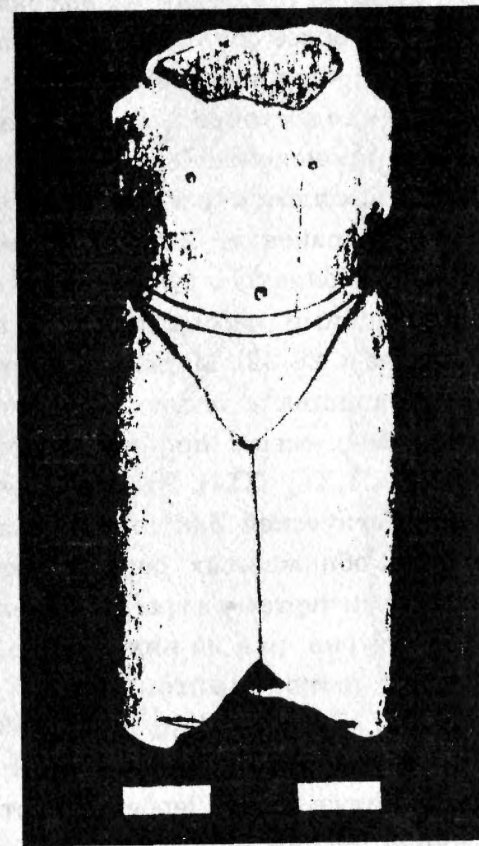
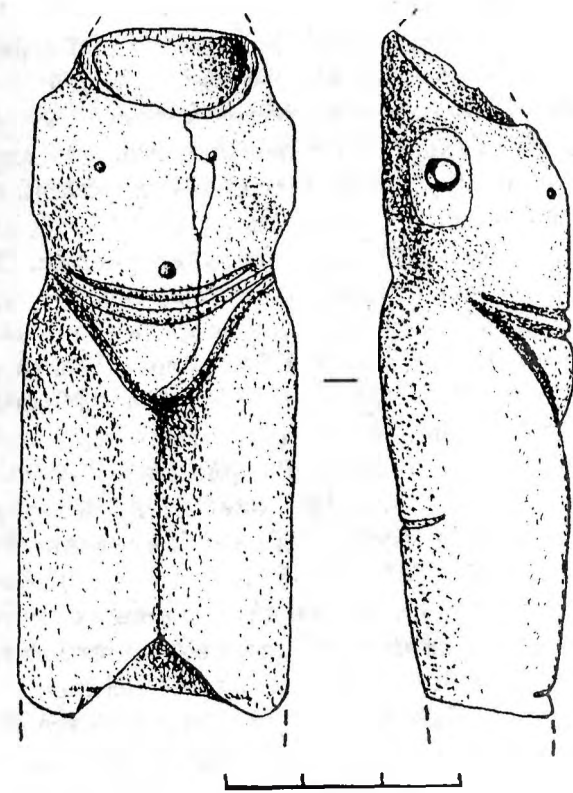

Рис.4. Костяная статуэтка из Дербента (фото).

находка имеет, в частности, с фигуркой с подвижными ногами и руками из детского захоронения близ Афин (180, с. 298). Разница в использованном материале, очевидно, носит социальный характер: если терракоты, будучи сделанными из обычного, доступного сырья, предназначались для широкого круга, то статуэтки из высокоценившейся слоновой кости - для более состоятельных людей.

Ряд показательных черт костяной фигурки из Дербента позволяет говорить о ее восточно-эллинистическом, точнее греко-бактрийском происхождении. На эллинистическом Востоке искусство короластики и резьбы по кости получило широкое распространение. Хорошо известны детали костяного ритона парфянского происхождения со скульптурными человеческими изображениями, найденные в Ольвии (121, илл. на с. 28-32). Многочисленные изображения обнаженных женщин с опояском, выполненные из слоновой кости, обнаружены при раскопках в Беграме (181, pl. XXIX-XXXII, XL, XLI). Вместе с тем именно для территории эллинистической Бактрии характерны терракотовые статуэтки обнаженных богинь с отмеченными выше показательными чертами в трактовке тела, присущими дербентской фигурке; ряд из них, как и упомянутые изделия из Беграма, имеют симптоматичный опоясок (83, с. 267, табл. СІХ, 22; 182, с. 31, 32, рис. 17; 183, с. 218-221, рис. 103; 184, с. 105, 106; 185, с. 148, илл. 173; 186, с. 161).

Весьма близка статуэтке из Дербента костяная скульптурка обнаженной богини из храмового комплекса Ай-Ханум (187, р.304, 305, fig. 15). Их объединяет не только материал изготовления и ритуальная обнаженность, но и сходство в конструкции (фигурка из Ай-Ханум имеет аналогичное крепление рук), близкие моделировка и пластика тела. Обе статуэтки имеют симметричное, фронтальное построение, каноническую статику и некоторую тяже-

instituteofhistory.ru

Рис. 5. Костяная статуэтка из Дербента (прорисовка).

ловесность тела, невысокий бюст и массивные сомкнутые ноги; нагота обеих фигурок нарушена свисающим опояском, отмеченным двумя бороздками; даже колени статуэток аналогично подчеркнуты насечками. Отмеченные весьма близкие параллели, как представляется, и позволяют сделать заключение о бактрийском происхождении статуэтки из Дербента.

Импортными предметами являются и найденные на территории Дагестана металлические туалетные флаконы, получившие широкое распространение в Юго-Восточной Европе в III-IV вв.н.э. Примечательно, что один из них происходит из позднесарматского захоронения (погр. 2, кург. 83 Львовской группы Разрушаемый-1), другой - из погребения местного автохтонного населения. Первый сосудик имеет слегка уплощенное сферическое тулово (диаметр 2,7-2,8 см) и высокую узкую цилиндрическую горловину (высота 2 см, диаметр 1,3 см); общая высота флакона 4,4 см (12, с. 222, 223, рис. 753, 754). Медный корпус изготовлен давлением из двух полусфер, скрепленных узким рельефным пояском; горловина - из свернутой в трубочку медной пластинки, окаймленной у устья аналогичным ободком. Второй флакончик, найденный в Ирагинской гробнице V в. (47, с. 185, 186; 48, с. 102, рис. 49, 19), изготовлен в той же технике из серебряных листов. Горловина этого флакона не сохранилась; диаметр сферического тулова 7 см. В месте горизонтального соединения полусфер имеется серебряная узкая обводящая лента с рубчатой поверхностью и одна петелька для подвешивания. Такая же накладная полоска обводит по вертикали нижнюю полусферу.

Со времени публикаций К.М.Скалон (188, с. 127-136) и Д.Б.Шелова (189, с. 296, 297), давших сводку находок таких флаконов, количество их значительно возросло (190, с. 53, табл. V, 14; 191, с. 241, рис. 6, 1; 192, с. 173-175, 179, 180, рис. 2, 13; 193, с. 51, 52, рис. 1, 2, 4, 5). Территория распространения их охватывает, главным образом, юго-

восток Европы и тяготеет к Северо-Восточному Причерноморью. Это позволяет допускать производство этих флаконов в боспорских центрах, откуда они поступали в сопредельные области и пользовались популярностью среди сармат. Через их посредство они стали известны в Дагестане. Рассмотренные образцы, судя по аналогиям, также датируются III-IV вв. находка одного из флаконов в Ирагинском комплексе V в. подтверждает наблюдение исследователей, обративших внимание на то, что наиболее поздние экземпляры таких флаконов происходят из памятников V-VII вв. оседлого населения Северного Кавказа, тогда как в кочевнических комплексах позже IV в. они не известны (193, с. 52).

* * *

Среди богатого погребального инвентаря Ирагинской гробницы, помимо рассмотренных фаянсовых подвесок и плакеток, серебряного флакона, имеются и другие предметы иноземного происхождения. Это и комплект бус из сердолика, стекла, фаянса, агата, янтаря, горного хрусталя, гагата, и серебряная чаша, и изделия из золота, в том числе выполненные в полихромном стиле гуннской эпохи (48, с. 102, 104, 215, рис. 49, 50). Серия предметов из Ираги находит аналогии, в частности, среди погребального инвентаря парного захоронения (женщины и ребенка) у Унтерзибенбрунна (Австрия), в котором представлены выполненные в той же технике золотые на бронзовой основе двухпластинчатые фибулы с инкрустацией, сходные бляшки со вставками, своеобразные лунницы, такие же ухвертка и ногтечистка, М-образные нашивные украшения, биллоновое зеркало (194, S.32-66, taf. 5). Подобные лунницы найдены и в погребении гуннского времени в Лендбелтоти в Венгрии (362). Также оригинальные золотые серьги из Ираги (48, с. 102, рис. 49, 20) идентичны в техническом исполнении и близки типологически серьгам из Унтерзи-

бенбрунна, имеющим аналогичное композиционное построение и конструктивное устройство, несмотря на различие в форме центрального элемента: серьги из Дагестана имеют в основе ажурный четырехгранник, а серьги из Австрии - шар. По всей видимости, и те, и другие можно рассматривать, как изделия одного производственного центра и, судя по уровню технического исполнения и художественным качествам - как образцы римской школы ювелирного искусства.

Две фибулы из Ираги имеют бронзовую основу, обтянутую золотым листом, ножки и головки их инкрустированы алмадинами и зеленым стеклом в отдельно напаянных гнездах, а края имеют двойную рубчатую окантовку. По своим технико-стилистическим характеристикам они входят во II группу полихромных изделий гуннской эпохи по классификации И.П.Засецкой (195, с. 16, 18, 27, 28). Кроме упомянутых, такие фибулы также вместе с золотыми М-образными нашивками найдены в женском погребении из Эрана (Нормандия, Франция), в Регёй (Венгрия) и в Керченских склепах (196, с. 71; 197, р.19, 20, 53-56, fig. 8-10; 198, с.22; 199; 359). Аналогичные нашивные украшения в виде литеры М обнаружены в богатых погребениях гуннского времени на р. Суджи (200, с. 50, 51, рис. 9), в Лебени и Папкези (Венгрия) (360, S. 99-115; 361, S. 60).

Среди исследователей нет единодушного мнения в этнокультурной интерпретации богатых погребений, в состав инвентаря которых входили названные фибулы. Одни связывают их с культурой кочевников, чаще алан (197, р. 23; 201, с. 86-88; 202, с. 36-39; 363, с. 79-97, там же сводка мнений), другие, на основании того факта, что «устойчивым признаком степных кочевников V-VIII вв. является отсутствие фибул», считают их принадлежащими оседлому населению (195, с. 24; 203, с. 30; 204, с. 74; 208, с. 12, 13). Нет единой точки зрения и относительно интерпретации Ирагинского погребения. Первоначально оно рассматривалось исследователями как характеризующее местную куль-

туру Среднего Дагестана конца IV - перв. пол. V в. (205, с. 36). В дальнейшем О.М.Давудов связал это захоронение с «правящим домом гуннского царства в Дагестане» (206, с. 86). Однако этому противоречит как географическое местонахождение Ирагинского могильника - в горном Дагестане, так и сама погребальная конструкция - каменный склеп, характерная для автохтонного населения, но никак не для пришлых кочевников. И эти признаки позволяют характеризовать богатое Ирагинское погребение как принадлежащее представительнице местной (дагестанской) высшей знати. В отличие от этого захоронения, в катакомбе Утамышского кургана 2, расположенного в Приморском Дагестане, и где, в частности, был найден золотой поясной наконечник с перегородчатой инкрустацией и зернью, был погребен знатный кочевник, возможно, гунн (207, с. 57-59, рис. 10, 6).

Заметим также, что на Северном Кавказе такие фибулы, относящиеся к той же технико-стилистической группе, были обнаружены в каменном склепе (погр. 5) Гилячского могильника и в разрушенных каменных ящиках могильника Верхняя Рутха, принадлежащих местному оседлому населению (208, с. 13, 22; 209, с. 235-238, табл. CI, 9, CII, 9; 210, с. 297-299; 211, с. 230-233, рис. 7, 1).

Находки из Верхней Рутхи, Гиляча, Ираги включают Северный Кавказ в ареал распространения двухпластинчатых инкрустированных фибул, характеризующих II стилистическую группу (по И.П. Засецкой) полихромных изделий гуннской эпохи, территориально охватывающую также Центральную и Западную Европу, Крым (204, с. 74). А.К. Амброз центром производства таких фибул считал Среднее Подунавье, откуда мода на этот вид украшений распространилась в соседние регионы (203, с. 39). И.П.Засецкая видит два очага их производства - Керчь (Боспор) и Подунавье. Причем, по ее мнению, керченский центр более ранний, а западный центр (в Подунавье) возник «под влиянием продвинувшегося сюда с востока» варвар-

ского кочевого населения (195, с. 24). К такому заключению исследовательница приходит на основании того, что «наиболее ранние формы фибул, восходящие к IV в. н.э., найдены в керченских склепах», а «остальные обнаруженные на территории Западной и Центральной Европы фибулы представляют в типологическом отношении более поздние формы, бытовавшие в пределах рубежа IV-V вв. и середины V в.» (195, с. 24). Отмечу, что вне поля зрения И.П. Засецкой остались северокавказские находки полихромных фибул. А.К. Амброз в отличие от своего оппонента считал те же керченские фибулы изготовленными на Дунае (203, с. 39). Фибулы же Верхней Рутхи, Гиляча (а также из Дюрсо), по его мнению, «по сумме признаков и области распространения следует признать местным северокавказским» вариантом инкрустированных фибул (203, с. 39, 40). К ним А.К. Амброз присоединял и ирагинские находки, с которым визуальным знаком не был (203, с. 39, 40, 43). Они действительно типологически весьма близки и синхронны другим северокавказским полихромным фибулам, различаясь незначительно в деталях, но и имея принципиальное отличие - отсутствие выступов на ножке и головке. Этот признак выделяет их в особый вариант северокавказских фибул. По этому же признаку ирагинские экземпляры близки инкрустированной фибуле из погр. 490 могильника Дюрсо, которая имеет и существенные различия - плоскую дужку и вставки в прорезях серебряной облицовки, а не в напаянных гнездах. Последний технический признак характерен и для фибулы из погр. 300 (второй половины V в.) того же могильника (121, рис. 1, 4, 20), которая имеет такие же выступы, размеры, покрытие тисненной золотой фольгой, что и фибулы «рутхинского» типа (121, с. 100). Эту фибулу А.К. Амброз также относил к северокавказским образцам, но считал происходящей «из более восточных районов, судя по тому, что остальные двупластинчатые фибулы Дюрсо сделаны совсем иначе» (203, с. 40).

Вопрос о месте производства рассматриваемых северокавказских фибул, входящих во II стилистическую группу полихромных изделий, достаточно сложен. Учитывая значение Боспора как традиционного центра ювелирного производства, а также предложенную передатировку слоев городов Боспора так называемого гуннского разгрома конца IV в. на вторую четверть VI в. (213, с. 58, 59), можно полагать, что боспорские мастера являлись изготовителями северокавказских полихромных фибул, как и технологически близких им ювелирных изделий I стилистической группы из Северного Причерноморья и Юго-Восточной Европы (195, с. 23, 24). Но некоторые наблюдения позволяют и иначе взглянуть на этот вопрос.

И местная северокавказская знать, из погребений которой происходят данные фибулы, и кочевая племенная аристократия Юго-Восточной Европы, по заказу которой, как считает И.П. Засецкая, работали боспорские ювелиры, изготавливавшие, в частности, изделия I стилистической группы (195, с. 23, 24; 204, с. 74, 75), в IV-V вв. н.э. и в последующие столетия военно-политически в значительной мере были ориентированы на Закавказье, сасанидский Иран, Византию, которые представляли для них важнейший источник обогащения. И в числе «огромных сокровищ», которые оттуда получала знать кочевников и северокавказских племен и о которых сообщает, в частности, Егишэ (214, с. 170), могли быть и, по всей видимости, были драгоценные полихромные изделия, изготовленные закавказскими, иранскими и византийскими мастерами. Например, такие орнаментальные детали и мотивы, как «сердечки», «чешуйки», встречающиеся в полихромных изделиях, выполненных в технике клуазонне, были характерны для сасанидской торевтики (215, илл. 23, 60, 106, 108, 115), что дает возможность говорить об иранском происхождении ряда предметов с перегородчатой инкрустацией.

Одним из центров производства полихромных изделий I и II стилистических групп могла выступать Иберия-Карт-

ли, где существовал мощный и древний очаг ювелирного искусства и где изделия, выполненные в рассматриваемых технике и стиле инкрустации и орнаментации, известны в предшествующий гуннскому времени позднеантичный период. Я имею в виду находки из Бори, Тагилони, Клдеети, Армазисхеви и др. памятников (28, табл. III; 83, с. 58, 59, 90; 216, табл. I, 8-10, II, 15; 217, табл. II, 3, III, 1, 3; 218, с. 30-36; 219, табл. XXXIV, XXXV, XXXVII-XL), для которых характерен тот же набор технических приемов и элементов декоративного оформления, что и для полихромных изделий I и II стилистических групп конца IV-V вв.

В этой связи следует сказать, что Б. Аррениус в своем капитальном исследовании (220, р. 120-123) и позднее, независимо от нее, И. А. Бажан и М. Б. Щукин в обстоятельной статье (221, с. 83-96) выдвинули достаточно обоснованную гипотезу об иберийском происхождении полихромного стиля клуазонне, опираясь на ювелирные изделия с перегородчатой инкрустацией III-IV вв. из Арагвиспири, Армазисхеви, Уреки. Вместе с тем, думается, нельзя не учитывать и вклад в создание полихромного стиля гуннской эпохи сасанидского Ирана и восточноримских провинций, под влиянием которых находилось искусство стран Закавказья и, в частности, Иберии-Картли. Сказанное, как представляется, не исключает закавказское (иберийское) происхождение северокавказских и в их числе ирагинских инкрустированных фибул.

* * *

Среди предметов, происходящих из Ирагинского погребения, особое место занимает чеканная серебряная чаша с гравировкой, чернью и позолотой (рис. 6), представляющая собой неординарный образец позднеантичной торевтики. О. М. Давудов, посвятивший этому изделию специальную статью, дал достаточно подробное описание чаши, ее декоративного оформления, использованных технических при-

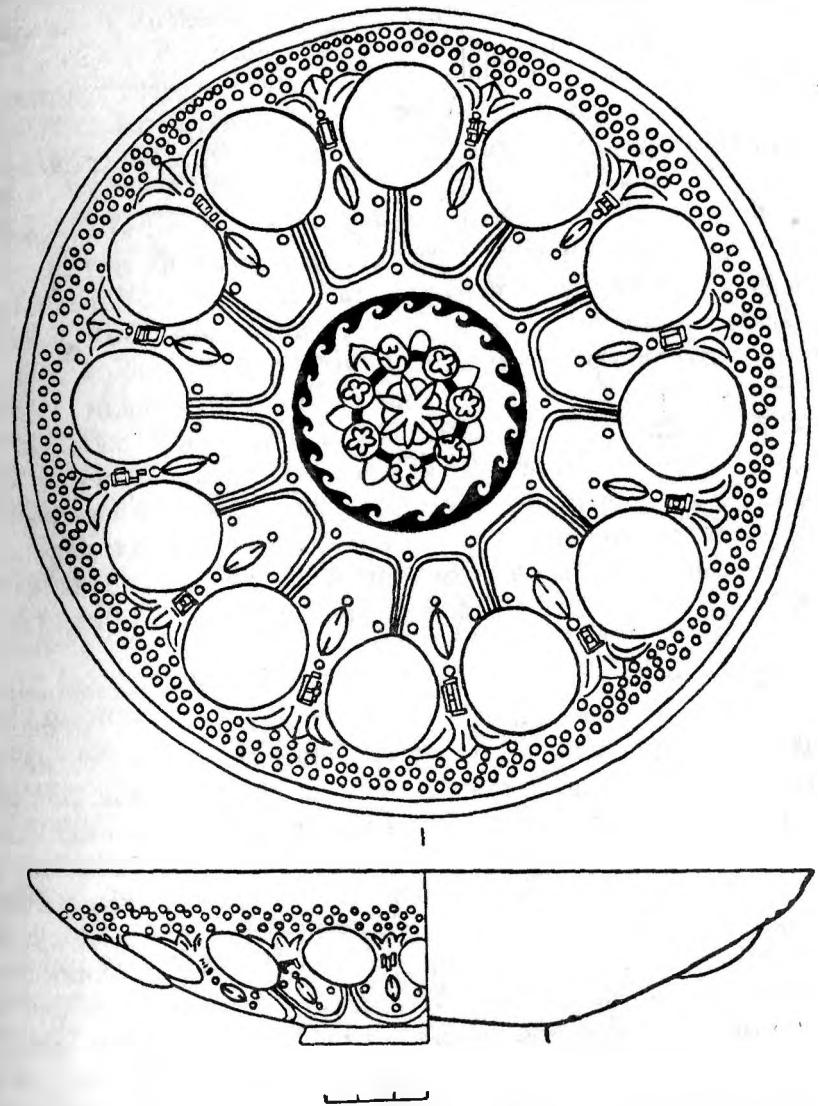

Рис. 6. Серебряная чаша из Ираги (по М. М. Маммаеву).

емов (206, с. 77-87), что избавляет от повторной ее характеристики. Исследователь на основе проведенного анализа пришел к выводу, что «блюдо явно изготовлено местным мастером, знакомым с центральногрузинскими традициями торевтики» (206, с. 80, 86). Такого же мнения о местном (дагестанском) производстве чаши придерживается М.М.Маммаев (222, с. 48).

Основанием для такого вывода послужили: композиционно-декоративные и технологические отличия ирагинской чаши от близких по форме, размерам, технике изготовления, элементам и принципам художественного оформления центрального медальона чаш III в. н.э., происходящих с территории Грузии - из Квашхиети и Цхинвали (172, с. 53-56, табл. 11); типологическая близость к сосудам из Мингечаура и Дагестана; и, наконец, предположение, что чаша и зашифрованные в изображенной на ней диаграмме пророчества (в виде 12 «зодиакальных» знаков, переданных комбинациями 7 геометрических знаков-обозначений планет) предназначены для погребенного в гробнице (206, с. 84, 85).

Приведенные аргументы, на мой взгляд, малоубедительны и их по меньшей мере можно оспаривать. Тот факт, что чаша предназначалась погребенной и, очевидно, являлась ее собственностью не требует особых доводов. Заключение же автора, что на ней изображены зодиакальные знаки, гороскоп и астрологическая диаграмма (206, с. 82-86), очень маловероятно. «Знаки зодиака», переданные прямоугольными фигурками, «втиснуты» в промежутки между 12 округлыми медальонами-лунками, заполняющими пространство на стенках чаши; эти «знаки», каждый из которых занимает площадь не более 1 кв. см, самостоятельно и в целом зрительно сразу не распознаются и воспринимаются как мелкая деталь-перехват в основании лотосов-трилистников. Только при внимательном рассмотрении можно разглядеть различия в изображении этих маленьких фигурок. Представляется более очевидным, что мастер

просто заполнял, прорабатывая резцом и чеканом, малое пространство между медальонами-лунками и показал перехват в основании лотосов. При стремлении мастера изобразить на чаше зодиакальные знаки логически оправданным следовало бы поместить их изображения на свободном пространстве боковых медальонов-лунок, так как именно они, а не лотосы-трилистники, соединены лучами-«спицами» с расположенным на дне чаши центральным медальоном, в котором, по мнению исследователя, отображены «календарные компоненты двенадцатимесячного года с четырехнедельным месяцем и семидневной неделей» в виде «системы розеток с четырежды повторяющимися семью лепестками или кругами» (206, с. 81,82). Наконец, если допустить, что древний мастер ставил себе целью скрупулезно показать в центральном медальоне календарную систему, то следует признать, что он допустил грубую, непростительную ошибку, изобразив обрамляющий медальон черновой меандровый круг с 21 спиралью, а не 28-мью (количество дней в четырехнедельном месяце) или, скажем, 24-мью или 12-тью, которые органично должны были бы дополнить «древний календарь» 24-часовым суточным циклом (с показом смены дня и ночи в случае изображения 12 черновых и 12 контрастных им серебристо-белых спиралей).

Второй аргумент исследователя - типологическое сходство с сосудами из Мингечаура и Дагестана (206, с. 80), которые автор, видимо, считает образцами местной торевтики. Прежде всего замечу, что на территории Дагестана на сегодня не обнаружено ни одного типологически близкого ирагинской чаше изделия *. Что касается мингечаурских чаш, то утверждать, что «ирагинское блюдо по своей форме

* Возможно, автор имеет в виду бронзовое чеканное блюдо из собрания Эрмитажа, происходящее из Кубачи и богато орнаментированное растительными мотивами, заключенными в круги перлов (223, с. 332, табл. 27). Подробный художественно-стилистический анализ этого и других изделий был дан Б.И.Маршаком, который обоснованно отнес это блюдо к IX-X вв. (224, с. 26-52). О его сходстве с ирагинской чашей говорить не приходится.

аналогично блюдам из комплексов I-II вв. Мингечаурского могильника» (206, с. 80), некорректно. Чаши из Мингечаура (137, с. 40-47, табл. VI, VII, IX) имеют подобные размеры, низкий кольцевой поддон, но на этом их сходство заканчивается. Автор при этом ссылается не на мингечаурские находки, а на серебряную чеканную чашу с ложчатым орнаментом II-III вв. н.э. из кувшинного погребения близ сел. Карамарьям (Геокчайский район Азербайджана) (137, с. 43, табл. VIII, 1; 225, с. 39,40, табл. XV, 3). Она действительно имеет близкие размеры и профиль стенок, но ее сохранность (отсутствуют дно и нижняя часть стенок) не позволяет говорить об аналогичности с ирагинской чашей по форме, которая к тому же обычна для изделий позднеантичной и раннесредневековой тореvтики и не может служить аргументом в пользу местного производства чаши из Ираги. Следует отметить, что К.О.Кошкарлы, посвятивший монографию памятникам античной и раннесредневековой тореvтики из Азербайджана, обоснованно относит чаши из Карамарьяма и Мингечаура к числу античного импорта (137, с. 43, 46).

В своей статье О.М.Давудов отметил сходные и отличительные технико-стилистические черты рассматриваемой чаши в сравнении с серебряными чашами из Грузии (из Цхинвали, Квашхиети, Ахалгорийского клада). Автор на основе близости в технике и характере декора (сочетание черни с позолотой, центральный медальон с розеткой и меандровым кантом) справедливо сближает ирагинскую чашу с позднеантичными чашами из Цхинвали и Квашхиети, но датирует ее несколько более поздним временем - IV-V вв. (206, с. 80). Обосновывая предложенную дату, О.М.Давудов со ссылкой на К.Г.Мачабели и использованные ею работы предшественников, утверждает, что черновой орнамент после III в. н.э. «усложняется и в IV-V в. н.э. применяется на серебряных сосудах в сочетании с позолотой. В таком сочетании он и доживает до IV-V вв. включительно» (206, с.80). Однако, это несколько неверная пере-

дача наблюдений К.Г.Мачабели. Исследовательница пишет о том, что мотив меандра «встречается на серебряных сосудах в черневом орнаменте до IV-V вв. включительно» и «полного расцвета чернь достигает в произведениях IV-V вв.», когда ее «начинают применять в *фигурных композициях* (выделено мной - М.Г.) вместе с позолотой и гравировкой» (172, с. 55,56), т.е. в композициях с изображением человека или животного. Как видно, К.Г.Мачабели не считает, что черневой орнамент в сочетании с позолотой применяется с IV-V вв. и «в таком сочетании доживает до IV-V вв. включительно», как об этом можно подумать при чтении статьи О.М.Давудова. И пример тому исследованные и датированные ею III веком н.э. чаши из Цхинвали и Квашхиети. Очевидно, что и ирагинскую чашу по технико-стилистическим признакам следует отнести к этому же времени.

О.М.Давудовым верно подмечено декоративно-композиционное сходство чаши из Ираги с чашами ахеменидского времени из Ахалгорийского клада в оформлении стенок концентрически расположенными округлыми лунками, соединенными лучами-«спицами» с центральным медальоном, и помещенными между ними у края чаши лотосами (206, с. 80). Этот декоративный прием композиционного построения чаши из Ираги несомненно восходит к ахеменидским фиалам и их более поздним дериватам. Продолжая параллели, можно упомянуть также фиалы из Приуралья и Мазандерана с овалами-лунками, соединенными «спицами» с центральной розеткой (119, с. 209, 210, рис. 1, 3, 1), из Южного Причерноморья - с лотосами, имеющими перехват у основания и заключенными между лунками (119, с. 212, рис. 3, 2), с территории Армении - с лотосами, помещенными меж овальными лунками (136, с. 53, табл. LXIV).

У чаши из Ираги ниже основания каждого лотоса резцом и чеканом нанесен остролистый овал с двумя перлами -

вверху и внизу. Такой же элемент декора, но обрамляющий медальон на дне представлен на чеканной чаше II-III вв. из Торпак-калы (Азербайджан) и чаше III в. из Армазисхеви (137, с. 48-53, рис. 6-б, табл. XI; 172, с. 61, табл. 15-16). В художественном оформлении этих чаш также использована позолота, а последняя, как и ирагинская, имеет пальметки-лотосы, нанесенные у края чаши между ложчатыми углублениями. Стенки же торпак-калинской чаши, имеющей близкое сходство с ирагинской по форме, оформлены почти аналогично чаше из Цхинвали прямыми радиальными каннелюрами (ложчатый орнамент). Эти параллели дополнительно показывают, что чаша из Ираги находится в контексте изделий позднеантичной торевтики, обнаруженных на территории Грузии и Азербайджана.

Важно отметить, что чаша из Торпак-калы, изготовленная, как и ирагинская, в чеканной технике, рассматривается исследовавшим ее К.О.Кошкарлы как предмет эллинистическо-римского импорта (137, с. 48-53). При этом им было мотивированно отвергнуто мнение Н.И. Рзаева о ее местном характере. К.Г.Мачабели также рассматривает чаши из Цхинвали, Квашхиети, Армазисхеви как памятники эллинистическо-римской торевтики, несущие в себе и восточные, и западные орнаментальные мотивы и технические приемы (172, с. 53-56, 61-64, 137-147). Вместе с тем исследовательница небезосновательно полагает изготовление чаш с чернью (как и ряда других изделий торевтики) «в одной из художественных мастерских Иберии» (172 с. 56), не исключая присутствия римских мастеров в Грузии (172, с. 137). Такое предположение вполне правомерно в контексте историко-культурного и социально-экономического развития Иберийского государства в эпоху поздней античности.

Чаша из Ираги по своим художественно-стилистическим особенностям, комбинированной технике изготовления также является образцом эллинистическо-римской торевтики. Качественные критерии, обосновывающие местное ее

производство - относительно невысокие ее художественные свойства по сравнению с чашами из Цхинвали и Квашхиети, выразившиеся в отсутствии строгой симметрии и геометрической идеальности, а также малозаметные технические дефекты, использование техники чеканки, а не давления - не являются достаточным основанием для такого вывода. Примененные при ее изготовлении сложные и разнообразные технические приемы, сочетающие чеканку, гравировку, чернение, золочение, показывают, что она была создана не мастером-одиночкой, а в специализированной ремесленной мастерской умельцами, владевшими последними достижениями художественной обработки металла своего времени. Такое производство характерно для позднеантичных крупных торевтических мастерских со значительным разделением труда и узкой специализацией (137, с. 53; 172, с. 134). Качественная разница между названными чашами может находить объяснение в том, что существовало множество провинциальных мастерских, выпускавших продукцию посредственного качества в большом количестве, рассчитанную на рынок и для людей соответствующего социально-имущественного состояния (137, с. 46, 47).

На территории Дагестана (и Кавказской Албании в целом) не обнаружено ни одного образца местной художественной металлообработки, изготовленного в подобной комбинированной технике. Здесь отсутствовали соответствующие социально-экономические условия, необходимые для самого существования такого специализированного ремесла, таких специализированных мастерских - эргастерий. Местная торевтика не находилась на том уровне и не имела той базы, чтобы создавать изделия по степени технического и художественного качества равные рассматриваемой чаше. Не случайно и К.О.Кошкарлы изделия торевтики античного и раннесредневекового времени, обнаруженные на территории Азербайджана, характеризует (за редким вероятным исключением) как предметы импорта. На основании

всего вышесказанного, можно полагать, что ирагинская чаша была изготовлена в одной из восточно-римских провинциальных мастерских, но и не исключено, что она является произведением иберийского центра художественной металлообработки.

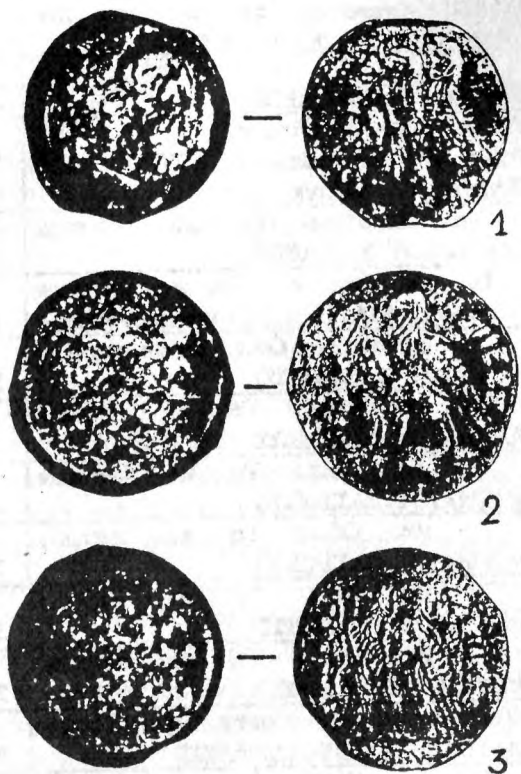
Рассмотренные и некоторые другие предметы, входившие в состав погребального инвентаря Ирагинского захоронения, приводят и к двум немаловажным наблюдениям: с одной стороны, они фиксируют процесс накопления богатства в руках местной знати, с другой - отмечают повышенный спрос у знати на импортные товары, подчеркивая тем самым социальный фактор в развитии торговли и внешних связей.

* * *

О связях Дагестана с античным миром свидетельствуют и нумизматические материалы, хотя пока еще немногочисленные. В составе Шаракунского клада, обнаруженного в 1985 г. близ поселка совхоза им. Герейханова (89), помимо бронзовых украшений и сосудов, представлено около двух десятков монет, из которых в нашем распоряжении оказалось 15 штук (из них одна испорчена нашедшими - полностью стерты изображения на лицевой и оборотной сторонах). Все они представляют крупные медные монеты (очевидно, дихалки) Птолемея III Эвергета (246-222 гг. до н.э.), (90, р. 852), принадлежат одной разновидности, отличительным признаком которой служат устойчивые типологические особенности обеих сторон монет (табл. 1). На лицевой стороне их изображена голова Сераписа - мужская бородатая голова вправо, окаймленная точечным ободком. На оборотной стороне - точечный ободок, круговая легенда различной степени искаженности на разных монетах - ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ, в центре - символ Зевса - два орла, сидящих на пучке стрел-молний и обращенных влево, слева в поле - между орлами и легендой - рог изобилия

№ / П	Описание	D, мм	Вес, г
1	Л.с.: Мужская голова с бородой вправо. Об.с.: Круговая легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ, точечный ободок, в центре - два орла на пучке стрел, рог изобилия.	29	24,06
2	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	30	28,30
3	Л.с.: То же, точечный ободок. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ, без ободка	31	33,86
4	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	31	27,74
5	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ, точечный ободок	28,5	26,98
6	Л.с.: То же, без ободка. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	31	29,37
7	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	29	26,64
8	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	29	27,41
9	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	29	23,46
10	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	30	25,88
11	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	30	28,10
12	Л.с.: То же, точечный ободок. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	31	30,45
13	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	31	28,14
14	Л.с.: То же, без ободка. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ	29	25,88

Таблица 1. Монеты из Шаракунского клада.

*Рис.7. Монеты Птолемея III Эвергета
из Шаракунского клада 1985 г.*

(символ Сераписа) (рис. 7). Таким образом, все монеты однотипны, аверсы и реверсы их повторяют одни и те же изображения, но все они чеканены различными штампелями, имеют неровный вес и размеры; соотношение осей лицевых и оборотных сторон совпадает у 10 монет, а 4 монеты имеют незначительные отклонения.

Это один из самых ранних на Кавказе кладов монет эллинистической эпохи; состоит он исключительно из птолемеевских монет, спорадически встречающихся в Северном Причерноморье (91, табл. XIII, 17; 92, с. 23, 24; 93, с. 70; 94, рис. 13, 7), в Закавказье - в Грузии (95, с. 13, N 1019), Армении (83, с.153, табл. XXIX,1). Примечательно, что все экземпляры из клада - это однотипные медные монеты Птолемея III Эвергета, при котором Египет достиг вершины могущества, вел успешные завоевательные войны, установил обширные торговые связи с ближними и дальними странами. Важно заметить, что, согласно Адулисской надписи, Птолемей III Эвергет покорил не только Месопотамию, Вавилонию, Сузиану, Персиду, но и Мидию (цит. по: 308, с. 311-312), пограничную с Кавказской Албанией. Вместе с тем это первый случай находки монет Птолемея на территории Кавказской Албании, раскрывающий новые стороны ее контактов с эллинистическим миром и Птолемеевским Египтом в частности.

Вопрос о происхождении нумизматической части Шаракунского клада бронзовых изделий имеет определенную сложность. Серия однотипных монет чекана Птолемея III Эвергета поступила, скорее всего, совместно, единовременно. Можно осторожно допустить, что «поставщиком» их мог быть участник военных событий второй половины - конца III в. до н.э. в Передней Азии, оказавшийся там в составе призванных отрядов восточнокавказских (албанских) племен. В этой связи следует вспомнить, что представители восточнокавказского племени каспиев, поддерживавших тесные торговые связи с Экбатанами (*Ael. De anim.*, XVII, 32), еще в V в. до н.э., судя по данным

арамейских папирусов, находились на службе в Египте в качестве военных колонистов и кораблестроителей (96, с. 56; 97, с. 9, 10, там же ссылки на источники - прим. 29, 43). Появление их здесь было обусловлено персидским завоеванием Египта. В V-IV вв. до н.э. каспии, а также их соседи албаны, кадусии, мики представлены в армии ахеменидских царей (*Her.Hist.*, VII,67; *Q.Cur. Ruf. De gestis Al. Mag.*, IV, 12, 10; *Arr. Anab.*, III, 8,4, III,11,4,III,13,1) .

Вероятно, традиционная военная служба различных восточнокавказских племен у могущественных правителей передневоcточных держав имела место и в эллинистический период. Так, в армии Селевкидов, с которыми вели войны Птолемеи, среди многочисленных туземных контингентов встречаем военные отряды кадусиев (98, с. 57, 61, 65). Можно полагать, что военные наемники из числа каких-то восточнокавказских (албанских) племен были на службе у Птолемеев - в свете приведенных фактов это предположение не выглядит необычным. Как видно, сказанное с определенной долей гипотетичности не исключает «военное» происхождение присутствующих в кладе монет.

Но, конечно, возможно появление монет Птолемея III Эвергета в Кавказской Албании в результате торгово-культурных контактов, осуществлявшихся по Прикаспийскому международному караванному пути. В этой связи укажем на ряд моментов, подтверждающих обоснованность такого предположения. Именно на эллинистический период приходится начало распространения на Восточном Кавказе и, в частности, в Дагестане, стеклянных и пастовых бус египетского происхождения. Они представлены, например, в погребениях раннеалбанского времени (IV-I вв. до н.э.) Шаракунского могильника, расположенного недалеко от места обнаружения одноименного клада. С другой стороны, исследователи уже неоднократно указывали на тесные связи Птолемеевского Египта с государствами Северного Причерноморья, в особенности с Боспором в III

Рис. 8. Монеты Антиоха IV Эпифана из Шаракунского клада 1964 г.

в. до н.э. (99, с. 126-136, там же библиография по этому вопросу). И Боспор на севере, а Экбатаны на юге являлись двумя крупнейшими торговыми центрами, транзитная связь между которыми осуществлялась вдоль западного побережья Каспия (об этом см. ниже).

Приведенные доводы, как представляется, свидетельствуют о правомочности обеих версий происхождения нумизматической части клада. Какая из них подлинна - сказать невозможно. Тем не менее, сам факт поступления монет Птолемея III Эвергета на территорию Кавказской Албании - это еще один штрих к истории контактов периферии и одного из центров эллинистического мира.

В той же местности Шаракун в 1964 г. был обнаружен еще один клад эллинистических монет. Он включал несколько десятков селевкидских монет (100, с. 112), но из его состава, к сожалению, известны только три медных монеты Антиоха IV Эпифана (175-163 гг. до н.э.) (рис. 8),

опубликованные В.П.Дзагуровой (101, с. 29-40). Рассматривая эти монеты в контексте находок селевкидских монет на территории Кавказской Албании, заметим, что они подтверждают мнение исследователей об установлении тесных торгово-экономических связей государства Селевкидов с Албанией в 80-20-х гг. II в. до н.э. (82, с. 157; 102; 103; 104, с. 36-38; 105, с. 83-84). Причем, как установила С.А.Дадашева, селевкидские монеты этого времени, обнаруженные на территории Азербайджана, чеканены, главным образом, на монетном дворе Антиохии на Оронте, что свидетельствует, по ее мнению, об ориентации экономических связей Албании в этот период в сторону Сирии (104, с. 36, 37). Монеты Антиоха IV, обнаруженные в Дагестане, также указывают на западное направление: судя по изображению орла на реверсе этих монет, они представляют муниципальную эмиссию (начавшуюся в 169/168 гг. до н.э.) города Гиерополя (Кастабала) в юго-восточной Киликии (98, с. 215-217).

Отсутствие на территории Кавказской Албании селевкидских монет чекана Экбатан, являвшегося центром Мидии и важнейшим монетным двором восточной части государства Селевкидов от времени правления Селевка I (311-281 гг. до н.э.) и до Антиоха III (223-187 гг. до н.э.) (106, р. 162-227) вряд ли можно объяснять тем, как полагает С.А.Дадашева, что в первой половине II в. до н.э. «экономические связи с Мидией и Месопотамией играли неизмеримо меньшее значение», нежели с Сирией (104, с. 37).

Для периода III - начала II в. до н.э. отсутствие монет Селевкидов на территории Кавказской Албании, как и в целом чрезвычайно скудный приток сюда иноземных монет, находит объяснение в неразвитости здесь товарно-денежных отношений в их монетной форме. Отсутствие же в следующий период (80-20-е гг. II в. до н.э.) селевкидских монет, чеканенных на монетном дворе Экбатан (при их в целом обильном потоке в Кавказскую Албанию, характеризующем развитие денежного обращения), очевидно, имеет причиной значительное сокращение эмиссионной дея-

тельности этого двора, вызванное рядом политических причин, в числе которых - сложная политическая ситуация, сложившаяся на востоке державы Селевкидов после смерти Антиоха III и приведшая к завоеванию в 148/147 гг. до н.э. Мидии Парфией. Приведенные доводы, как представляется, не позволяют приуменьшать значение торгово-экономических связей Албании и Мидии в перв. пол. - середине II в. до н.э. Будучи ближайшими соседями, они должны были иметь и имели традиционно тесные и разносторонние контакты, что и отразилось в сообщениях Страбона об участии мидийцев (вместе с армянами и аорсами) в Прикаспийской караванной торговле через территорию Кавказской Албании (*Strabo. Geogr.*, XI, 5, 8) и Клавдия Элиана о торговых караванах, снаряженных каспиями в Экбатаны (*Ael. De anim.*, XVII, 32). С конца II в. до н.э. Экбатаны становятся основным поставщиком парфянского серебра в Кавказскую Албанию (104, с. 39-41; 105, с. 84, 85; 107, с. 72-74) и на Северный Кавказ (356, с. 125).

Обнаружение в Южном Дагестане в местности Шаракун двух кладов монет эллинистического времени, а также расположение здесь синхронных могильников и поселения албано-сарматского времени позволяет предполагать существование на этом месте значительного, очевидно, городского центра Кавказской Албании. На эту мысль наводит и факт приуроченности находок кладов античных монет на территории Кавказской Албании к местам расположения городищ - важных городских центров (Кабалинский, Хыныслинский, Тазакендский, Бардинский клады). Шаракунское поселение, расположенное в 45 км южнее Дербента у выхода р.Гюльгеры-чай на Каспийскую низменность, должно было играть существенную роль как во взаимосвязях гор и равнины, так и в осуществлявшихся по Прикаспийскому пути международных контактах, о чем и свидетельствуют находки кладов и материалы раскопок Шаракунского могильника.

Помимо названных кладов на территории Дагестана обнаружено еще несколько античных монет. Близ Дербента в 1969 г. была найдена аршакидская драхма Фраата IV (ок.

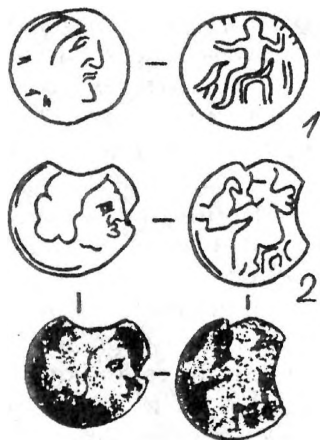

Рис. 9. Монеты Кавказской Албании - подражания драхам Александра Македонского (1- из Дагестана; 2- из Азербайджана).

монеты «князя Израиля» Бар-Кохбы (132-135 гг. н.э.) (95, с. 22).***

Находки монетных кладов и отдельных монет, сосредоточенные, главным образом, в предгорно-равнинной зоне Южного Дагестана, в контексте нумизматических данных

* Более точное место находки не установлено. Монета хранится у жителя сел. Нижний Дженгутай А.Гусейнова.

** В 1993 г. в Закатальском районе Азербайджана был обнаружен еще один клад, к сожалению, разошедшийся по рукам. Мне довелось увидеть ок. 20 монет из клада, представлявших собой разного типа подражания драхам Александра Македонского (рис. 9,2) и того же размера (17-18 мм) серебряные кружки без изображений. По сообщениям информаторов, клад включал ок. 120 подобных монет и бронзовые шлем и сосуд.

*** Когда настоящая работа уже была сдана в печать, в отдел археологии Института ИАЭ ДНЦ РАН принесли на определение три медных монеты, найденных в Дагестане (место и условия находки не установлены). Ими оказались кушанские монеты первых веков н.э. - Васудевы (или подражание его чекану) и Канишки (?). Первая на аверсе изображает стоящего царя, на реверсе - бога Шиву с быком Нанди (рис. 10, 1). Вторая, соответственно - стоящего царя и сидящую фигуру (? , рис. 10, 2). Третья (d-ок. 25 мм) имеет плохую сохранность, изображения стерты.

40-3 гг. до н.э.) (107, с. 86). Также из Южного Дагестана происходит серебряная монета - местное подражание (тип II по С.А.Дадашевой) драхме Александра Македонского (рис. 9, 1).* Это первый случай обнаружения в пределах Дагестана албанских монет, которые хорошо известны по кладам и отдельным находкам на территории Азербайджана (82, с. 155-161; 105, с. 85; 108, с. 110; 109, с. 74-77; 110, с. 19-21; 111, с. 16-32; 112, с. 441; 113, с. 118, табл. XXIV; 114, с. 121-129).** Наконец, в районе Андрейаульского городища (Северный Дагестан), являвшегося уже в албанско-сарматский период важным торгово-ремесленным центром, засвидетельствована находка монеты

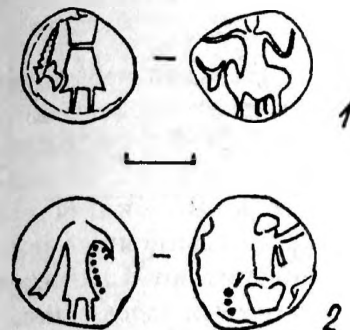

Рис. 10 Кушанские монеты Васудевы и Канишки (?).

следует заметить, что определенная весовая система среди браслетов не устанавливается. Возможно, что в качестве всеобщего эквивалента стоимости, судя по дагестанским историческим и этнографическим материалам, использовались также скот и зерно.

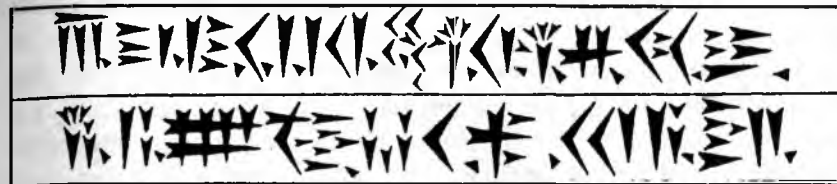
Обнаружение на территории Дагестана античных монет факт не случайный и является проявлением активизации прикаспийский международной торговли с эллинистического времени. Об этом говорит и распространение с конца II - нач. I в. до н.э. парфянских монет в Поволжье (34, с. 208; 115, NN 11, 17, 33, 107, 117, 120, 123-125), совпавшее по времени с резким увеличением потока парфянских драхм в Кавказскую Албанию. Как считают исследователи, именно через территорию Албании и далее через Иберию-Картли на Северный Кавказ и через Приморский Дагестан в Нижнее Поволжье поступали парфянские монеты (107, с. 73, 74; 116, с. 162, 164).

О включении Восточного Кавказа с последних веков до н.э. в культурный (и экономический) ареал парфянского мира свидетельствует появление в этот же период в центральных районах Кавказской Албании (Кабала, Молла-Исаклы, Калагах, Солтанкенд, Гаджигатамли, Мингечаур) захоронений в керамических саркофагах (ванночные погребения), которые, как не без оснований считают И.Г.Алиев и Ф.Л.Османов, оставлены обосновавшимися здесь выходцами из Ирана и Месопотамии (369, с. 11-12). Следует обратить внимание, что на территории Ирана одним из мест сосредоточения погребений в керамических саркофагах являлся район современного Хамадана (могильники Кангавар и Санге-Шир; 370, с. 100, 101) - древних Эктабан, с которыми, как отмечалось выше, поддерживали торговые связи каспии, куда в итоге выводил Прикаспийский путь и откуда шел в Кавказскую Албанию основной поток парфянских драхм.

Вместе с тем, основной зоной распространения обряда захоронения в керамических гробах на территории парфянской державы являлась Месопотамия, особенно Вавилония, где он имел древние корни (370, с. 82-95, 109-113). И в аспекте намеченных связей Кавказской Албании с парфянской Месопотамией, а также находок на территории Албании (19, с. 124, 125; 82, с. 174) и Азиатской Сарматии (см. ниже) глазурованных сосудов рубежа эр, важнейшими производителями которых выступали такие торгово-ремесленные центры Парфии, как Селевкия на Тигре и Дура-Европос, заслуживает внимания почти забытая исследователями так называемая Таркинская клинописная надпись (рис. 11).

Она была выявлена неким немецким медиком в конце 1660-х гг. в Приморском Дагестане и стала известна голландскому географу Николаю Корнелиссону Витсену, проживавшему в те годы в Москве и затем опубликовавшему надпись в своей книге «Северная и Восточная Тартария»,

*Рис. 11. Таркинская клинописная надпись
(по Э. Бюрнуфу).*

имевшей несколько изданий и переведенной на несколько языков (371, р. 563). В 1722 г. сопровождавший Петра I во время Каспийского похода Д.Кантемир зарисовал эту надпись, о чем сообщает Э.Бюрнуф, нашедший эту копию с припиской Ю.Клапрота: «Надпись из Тарку, по рисунку князя-Дмитрия Кантемира...» (372, с. 502, 503). В 1820-х гг. этой надписью интересовались Г.Гротефенд, Сен-Мартен. В дальнейшем Э.Бюрнуф, дешифровавший в 1836 г. 32 знака древнеперсидской клинописи, сличил обе копии Таркинской надписи и пришел к выводу, что они воспроизводят одну и ту же надпись, а рисунок Кантемира не является копией с публикации Витсена (372, с. 502, 503). Ему же принадлежит заслуга прочтения на основе древнеперсидской клинописи первых пяти знаков надписи как «Аршакид» (a-ra-sa-ku-ta), что дало повод Бюрнуфу для заключения о принадлежности Таркинской надписи «одному из Армянских Аршакидов, царю вроде Хосрова Великого, победившего Хазар в самой отчизне их и о котором мы знаем, что он повелел высечь надписи, долженствовавшие увековечить память его победы» (цит. по: 372, с. 504).

Поиски этой надписи, предпринятые в XIX в. (372, с. 504-506; 373, с. 68; 374, с. 94; 375, с. 162) и в наше время, не принесли желаемого результата. Однако, сомневаться в ее существовании и подлинности не приходится по той простой причине, что она была опубликована более чем за 100 лет до дешифровки древнеперсидской клинописи и

первое ее слово ясно читается именно на основе этой системы письма.

Н.В.Ханыков, опираясь на сообщение Витсена о том, что клинописные надписи, виденные немецким медиком, находятся «за Тарку, Буйнаком и Осмином» (соответственно совр. села Тарки, Уллубий-аул и Усемикент), локализовал Таркинскую надпись между Буйнаком и Дербентом (372, с. 501, 505). Л.И.Лавров неверно полагал, что Витсен перепутал место находки надписи, «которое на самом деле могло быть не в Дагестане, а на юге Закавказья» (376, с. 15). В.Г.Котович же считал возможным приурочить ее к городищу Таргу близ с.Усемикент (377, с. 221), что вполне вероятно, учитывая и расположение здесь обрывистых скальных выходов возвышающегося к северу от городища плато, где и могла быть высечена надпись. Но судя по тексту Витсена, в котором информации о надписях предшествует описание «города Тарку» (371, р. 556-563) и приписке Клапрота к зарисовке Кантемира, рассматриваемая надпись могла находиться и в районе Тарки (где выявлены поселение и могильник албано-сарматского времени), на обнажениях скал горы Тарки-тау.

Ясно, что Таркинская надпись относится ко времени Аршакидов и использования клинописи как таковой, т.е. может датироваться временем от сер. II в. до н.э., когда Аршакидская Парфия из сравнительно небольшой страны становится могущественной мировой державой, и до конца I в. н.э., когда клинопись как система письма полностью вышла из употребления. Понятно, что нет надобности связывать надпись с именем Хосрова I Великого (217-238 гг.). Но связь ее с младшими ветвями Аршакидов - армянской или мидийской (атропатенской), возникшими в 60-х гг. н.э., когда клинопись доживала свои последние годы, возможна. Это предположение выглядит тем более привлекательным, принимая во внимание сообщения Страбона об армяно-мидийско-аоресской торговле (XI, 5, 8) по Прикаспийскому

пути (о ней см. ниже) и о тесных связях армян, мидийцев и вавилонян (у которых и сохранялась еще в это время в обиходе клинописная система письма), в частности, в вавилонской области Адиабене, где эти народности являлись самыми многочисленными (XVI, 1, 9).

Не исключена и связь Таркинской надписи с собственно парфянскими Аршакидами, которые в 141 г. до н.э. установили свою власть в Месопотамии*.

Исходя из общей военно-политической ситуации в Передне-восточном и закавказском регионе в сер. II в. до н.э. - I в. н.э. можно предполагать, что Парфия, в поле зрения экономических и политических интересов которой постоянно находился Восточный Кавказ, не только стремилась к контролю, но, по-видимому, и контролировала Прикаспийский путь, хотя прямых указаний в источниках на этот счет нет. Вместе с тем, пока представляется более вероятным, что Таркинская надпись не является официальной (хотя ее текст и начинается с имени Аршакидов), т.к. письменным языком парфянских канцелярий служил арамейский алфавит. Но и здесь следует оговориться, ибо значительных памятников парфянского письма, основанных на арамейской графике (pahlavik) и датированных ранее I в. до н.э., нет. Очевидно, что надпись составлена вавилонянами и можно предполагать, что вавилонские купцы принимали участие в торговле по Прикаспийскому пути.

Таркинская надпись, имеющая важное значение для изучения истории Парфии и сопредельных стран, ныне ставит перед исследователями значительно больше вопросов, нежели дает ответов, и приведенные рассуждения о ней до ее полной дешифровки носят, конечно же, гипотетический

*Об этом свидетельствуют и данные клинописных текстов (см. 378, р. 22, NN 97, 99; 379, с. 4, прим. 4; 391, р. 12). А весной 80 г. до н.э. на вавилонских клинописных табличках появляется имя царя U-ru-da-a - Аршакида Орода I (80-78 гг. до н.э.) (378, р. 51; 379, с. 17).

кий характер. Несомненно одно - эта надпись выступает еще одним показателем огромной роли и международного значения Прикаспийского пути на рубеже эр как в военно-политическом, так и торгово-экономическом аспектах.*

* * *

Очевидно, следует признать, что по Прикаспийскому пути на Северный Кавказ, в Предкавказье, Нижнее Поволжье и Приуралье с ахеменидского времени и в последующие века попала немалая часть изделий передневносточного происхождения, в том числе ахеменидские печати, ритоны, гривны, фиалы, их более поздние дериваты (сосуды эллинистического времени из 1-го Прохоровского кургана) и другие изделия переднеазиатских и закавказских мастеров, обнаруженные в савроматских и сарматских погребениях (117, табл. I; 118, с. 82, 83; 119 с. 206-231; 120; 121, с. 81; 122; 123, с. 116-129; 124, с. 141-179; 125, с. 172-203; 127, с. 210-217; 128, с. 116, 119, 121, рис. 5, 1, 2). В контексте функционирования Каспийского пути и аорско-армяно-мидийской караванной торговли (*Strabo. Geogr.*, XI, 5,8) можно рассматривать находки на территории Азиатской Сарматии (в Нижнем Подонье, Нижнем Поволжье, Волжско-Донском Междуречье, Прикубанье) таких специфических типов импортной керамики, как фляги, в том числе покрытые голубой и сине-зеленой глазурью, которые обнаружены, в частности, в Цареве (кург. 23, погр.

* Когда работа уже находилась в печати, автор получил письмо от чл.-корр. РАН, проф. М.А.Дандамаева, в котором он отметил весьма загадочный характер таркинской надписи и отсутствие информации о ней в современных изданиях древнеперсидских надписей. По мнению М.А.Дандамаева, обсуждавшего надпись и с проф. В.А.Лившицем, начало ее действительно читается A-ra-sa-ku-da, но, вопреки Э.Бюрнуфу, не означает «Аршакид». Имя Аршак упоминается в одной древнеперсидской надписи на печати в форме A-ra-sa-ka (*Schmitt R. Altpersischer Siegel-inschriften. Wien, 1981. S.37*). Таркинская надпись содержит также отдельные знаки древнеперсидской и позднеавилонской клинописи (в том числе и надписей II-I вв. до н.э. и I в. н.э.), но чтению не поддается и считать ее вавилонской, если надпись скопирована верно, нельзя. Сказать что-либо относительно мидийского происхождения ее также невозможно, т.к. мидийские надписи пока не известны (Письмо М.А.Дандамаева автору от 18. 02. 1997 г.).

4), Эвдыке (кург. 4, погр. 18), Высочино (кург. 19) (37, с. 44, рис. 17, 20, 21, 23), у ст. Ярославской (кат. 19 кург. «Острый») (357, с. 86, 124, 128, табл. I, 19). Крупнейшими центрами производства подобной глазурованной керамики, как отмечалось выше, являлись Селевкия на Тигре, Дура-Европос (129; 130). Упомянутые цвета глазури получают распространение с конца I в. до н. э. (131, р. 288-290), что соотносится с датировкой сарматских погребений, где обнаружены эти фляги. Такие фляги, как неполивные, так и глазурованные, хорошо известны на территории Мидии (132, S. 182, 185, abb. 23), Армении (83, с. 65; 133, с. 183-194, рис. II, 1-5, V), где исследователями допускается производство глазурованной посуды. К ряду таких импортных изделий следует отнести и небольшой сосудик, покрытый бирюзовой поливой, обнаруженный в одном из погребений некрополя Кобякова городища.* Находки подобной светлоглиняной керамики с бирюзовой поливой, правда, более позднего, сасанидского периода, есть и на территории Дагестана: небольшой целый сосудик и несколько фрагментов найдены при раскопках в Дербенте (134, с. 71, рис. 5, 13) и один обломок на Нижнечуглинском городище (135, с. 102).

Хотя значительная часть дорогих изделий переднеазиатского и закавказского происхождения из погребений савроматской и сарматской знати представляет скорее трофеи или подарки за военно-политические услуги, нежели предметы торговли (120; 123, с. 127; 125, с. 161), тем не менее они вкупе с информацией Страбона (*Strabo. Geogr.*, XI, 5,8) свидетельствуют о важном военно-стратегическом и торгово-экономическом значении Прикаспийской трассы. Заметим при этом, что информация Страбона допускает трактовку этой дорогой утвари, украшений как даров за посреднические торговые услуги.

Сказанное вместе с тем не исключает роли среднеазиатских стран и трасс в контактах Переднего и Среднего

* С этой находкой меня любезно познакомила В.М.Косяненко.

Востока с кочевым миром Приуралья и Поволжья (120, с. 120; 123, с. 128). На использование в этих связях кавказских путей наряду со среднеазиатскими писал в свое время А.А.Иессен, первый посвятивший обобщающую статью исследованию контактов Приуралья и Ирана в ахеменидский и раннеэллинистический периоды (119, с. 220-226). На важность кавказских дорог, в особенности Прикаспийской, косвенно указывает и факт значительной концентрации находок предметов ахеменидской торевтики в Закавказье, где, возможно, существовал и местный очаг их производства (136, с. 93; 137, с. 36-39).

Из уже упоминавшегося Шаракунского клада (1985 г.), надежно датирующегося по входящим в его состав монетам Птолемея III Эвергета концом III - нач. II в. до н.э., происходит бронзовый гладкий фиал ахеменидского типа (рис. 1,8). Он изготовлен из тонкого цельного листа (толщиной 0,4-0,6 мм, у устья 0,8 мм) техникой давления и имеет обычную полусферическую форму, перехват и плавно отогнутый бортик. Высота фиала 6,3 см, высота бортика 2 см, диаметр устья 12 см, диаметр перехвата 9,5 см.

Подобные фиалы, как гладкие, так и орнаментированные, в немалом количестве найдены в Грузии, Азербайджане, Армении. Все они изготовлены в стиле ахеменидского искусства и датируются V-IV вв. до н.э. (136, с.52; 137, с.32-36; 381, с.98). находка же хорошо датированного фиала, как и более поздние керамические реплики, позволяют говорить о бытовании их в эллинистический период. Металлический фиал обнаружен на территории Дагестана впервые, но здесь, как и в Закавказье, на рубеже эр получили распространение керамические фиалы - гладкие и орнаментированные, с умбоном и без него, а также на ножке, воспроизводящие форму и размеры металлических прототипов (6, рис. 9,3,4,11,4,5; 7, рис. 22, 5-7, 23; 8, рис. 22, NN 315, 345, 387, 390, 24, N 247; 26, с. 138, 157, рис. 25, 1; 142, рис. 22). Эта форма, очевидно, оказала влияние и на появление чернолощенных небольших вазочек и плос-

кодонных чаш, имеющих округлые стенки, подобный бортик и распространенных на территории Дагестана в албаносарматский период (см. напр., 8, с.212-215, рис.38, NN 87,115, 39, N 122; 46, с. 121-123, рис. 5, 1-3).

Фиалы ахеменидского типа и их поздние металлические и керамические дериваты повлияли на возникновение и распространение в последних веках до н.э. - первых веках н.э. в восточных и центральных районах Северного Кавказа так называемых ритуальных глиняных чаш-курильниц, имеющих полусферическую круглодонную форму и, как правило, богато орнаментированный, отогнутый наружу широкий бортик. Многие из них имеют на дне полукруглый или конический выступ - омфал (см., напр., 20, с.53-55, рис. 17,8; 65, с.38, рис.3,20; 141, с.234,243, рис.3, 11), что еще более сближает их с металлическими прототипами и на что впервые указали Е.И. Крупнов и К.Ф.Смирнов (6,с.223; 7, с. 268; 143, с. 117).

Находки таких чаш-фиал (или курильниц) сосредоточены в основном в равнинной зоне и начале предгорий Северо-Восточного Кавказа примерно от Избербаша до Грозного (Карабудахкентский 1, Зеленоморский, Черкез-кутанский, Таркинский, Новолакский, Ханкальский и др. могильники), что позволяет рассматривать эту территорию как один из очагов их производства. Отсюда в результате торговокультурных контактов подобные чаши попадали к сарматам Предкавказья и Нижнего Поволжья (могильники Потемкино, Бережновка, Усатово, Кривая Лука XVI, Китаевка и др.), которые, очевидно, также освоили их изготовление (37, рис. 37,4,5; 65, рис. 3, 20; 141, рис. 3, 11; 144, с. 88, 90, рис. 39,1; 145, с. 14, рис. 9,3, табл. II,9,10).

Ранние образцы керамических фиалов на Восточном Кавказе, судя по находкам в Сарытепе (382, с. 164, рис. 3) и Каратепе (383, с. 216, рис. 19), относятся, как и их металлические аналогии, к ахеменидскому времени. Но наиболее широкое распространение здесь они получили в более позднее время, в последних веках до н.э. - первых

веках н.э., на что обратил внимание К.О. Кошкарлы (137, с.37,38). Хронологический разрыв между металлическими фиалами ахеменидского времени (V-IV вв. до н.э.) и их массовыми керамическими подражаниями рубежа эр свидетельствует не только о долговременном бытовании драгоценной металлической утвари, но и возможном производстве ее металлических и керамических дериватов в Кавказской Албании, унаследовавшей традиции ахеменидского стиля торевтики *. На хорошее знание местными гончарами соответствующих металлических прототипов указывают и известные керамические кувшины с зооморфными ручками и ритон с протомой оленя эллинистического времени с территории Азербайджана (Мингечаур), сделанные в подражание драгоценным металлическим сосудам ахеменидского стиля (137, с.38; 138, табл. XXV; 139, с.15,16). К этой серии относится и гончарный красноангобированный кувшин с каннелюрованным туловом и двумя зооморфными ручками по бокам раструбовидной горловины (рис.12), происходящий из погребения конца III - нач. IV в. н.э. Дербентского некрополя (31, с. 95, рис. 8). Несмотря на значительный хронологический разрыв, видна связь в форме и стиле художественного оформления кувшина с металлическими прототипами. Как и в примере с керамическими фиалами, это может подтверждать длительное хождение и использование драгоценной металлической утвари ахеменидского стиля, возможное изготовление керамических аналогов по образцам более поздних металлических дериватов.

Очевидно, имитацией передневоосточных металлических сосудов является изящная глиняная миска из погр. 38 рубежа эры Карабудахкентского 1-го могильника (8, с. 192, рис. 22, N 392), имеющая сплошь покрытое глубокими, широкими горизонтальными каннелюрами тулово. Подобную орнаментацию имеет и кружка из Новоаннинского

* Проф. Д.Стронах (Университет Калифорнии, Беркли), ознакомившийся с шаракунским фиалом в июне 1994 г., в устной беседе также высказался о возможном местном производстве подражаний ахеменидским фиалам.

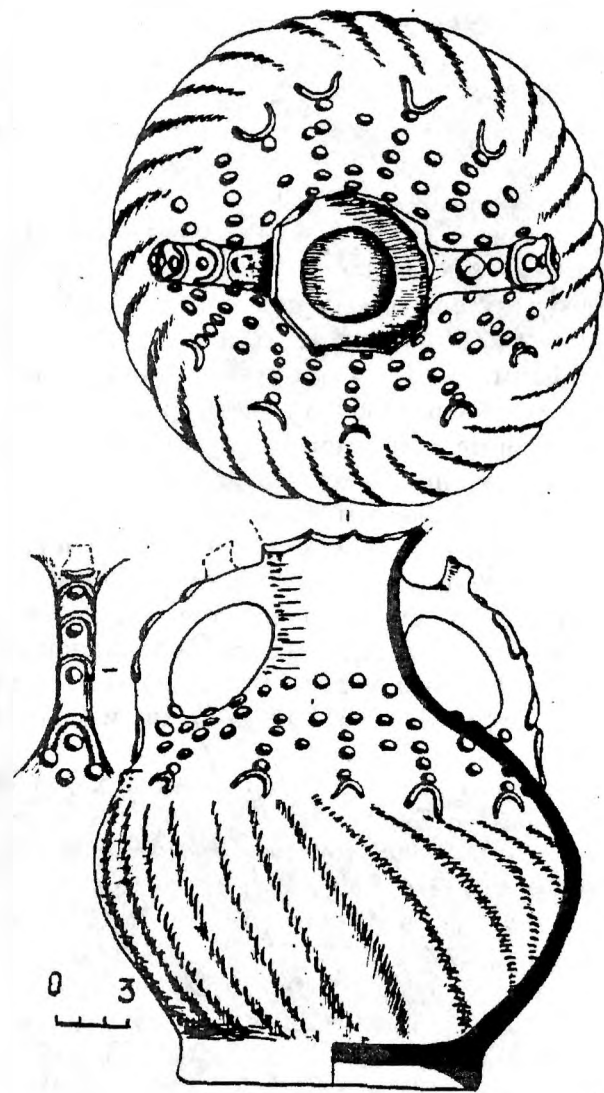

Рис. 12. Красноангобированный кувшин из Дербента.

кургана N1 (перв.вв. н.э., Нижнее Поволжье) (22, с. 144, рис. 10,2). С металлическими сосудами иранского происхождения (в частности, ахеменидской золотой чашей из района Астрахани, аналогичными сосудами, изображенными на рельефах ападаны Персеполя - см. 121, с. 81) ее связывает не только характер декоративного оформления тулова, но и сферическая форма, невысокий вертикальный венчик, наличие зооморфной ручки.

Под влиянием и в подражание северо-западным иранским изделиям ахеменидского и раннеэллистического времени был изготовлен бронзовый зооморфный сосуд-ритон III в. до н.э. из Шаракунского клада (140, с. 53-58). Сосуд сделан в форме коня, на спине которого расположена высокая раструбовидная горловина (рис. 13,14).

Сосуды в форме животного, на спине которого расположена горловина, но исполненные в глине, известны на Кавказе, главным образом в Закавказье, где они бытуют от конца II тыс. до н.э. до середины - последней четверти I тыс. до н.э. (384, с. 244, рис.199, 200; 385, с. 96-99, табл. XX). К парфянскому времени относятся подобные сосуды с территории Гиляна и Иранского Азербайджана (386, NN 43-45). В Луристане в эпоху раннего железа они известны как керамические (387, с. 57, N 130), так и бронзовые (385, с. 98; 388, р. 7).

На территории Кавказа это первая находка подобного бронзового сосуда. Типологически, территориально и хронологически ему близки керамический сосуд в форме коня из Мингечаура (139, с. 110; 111, рис. 8) и зооморфный сосуд из Хыныслы (Северный Азербайджан) последней четверти I тыс. до н.э. (389, с. 212, рис. 2, 4), имеющие близкие размеры и высокую горловину. Ближайшим же аналогом как по форме, так и технике изготовления, художественному оформлению является бронзовый сосуд IV в.до н.э., выставленный в экспозиции «Ахеменидский Иран» Женевского музея искусства и истории.* Несколько отличаясь

*Автор ознакомился с этим изделием во время посещения музея в сентябре 1995 г. Его дата дана по информации в экспозиции; к сожалению, не удалось узнать о публикации этого сосуда, его происхождении и обосновании датировки.

Рис. 13. Бронзовый сосуд в форме коня из Шаракунского клада 1985 года (фото).

размерами и пропорциями, объемной передачей головы, некоторыми другими деталями, он также изображает запряженного коня (ремни нагрудника также переданы «елочкой») с высокой горловиной на спине (в центре седла).

Художественно-стилистический анализ сосуда из Шаракунского клада показал его местное происхождение, производство (140, с. 56, 57) и мы вправе рассматривать его как подражание, как объект, возникший под влиянием иранской иконографии.

В древнеиранской религии конь выступал ипостасью бога Солнца и света Митры, который вместе с верховным божеством Ахура-Маздой и богиней воды и плодородия Анахитой занимал центральное место в пантеоне. Эту же триаду богов, как наиболее почитаемых албанцами, называет Страбон (XI, 4,7), именуя их по-гречески Гелиосом, Зевсом, Селеной. Образ коня в религиозных представлениях древнего населения Дагестана также тесно «был связан с культом солнца, выступая его олицетворением и ассоциировался с символом плодородия» (390, с. 34). На это указывают археологические и этнографические материалы, данные мифологии и фольклора (390, с. 29-34), лексикологии народов Дагестана. На рассматриваемом изделии связь «конь-солнце» подчеркивается многовитковыми спиралями, представляющими солнечные символы. И, очевидно, подобно Митре, конь представлял собой инкарнацию солнечного божества албанцев. Вместе с тем, приведенные факты фиксируют сильное проникновение древнеиранских идеологических (религиозных) представлений, характеризующих тесные межкультурные контакты, в данном случае в культурно-религиозной сфере. Эти контакты были результатом и осуществлялись в русле политических и торговых связей Восточного Кавказа с Ираном, Мидией.

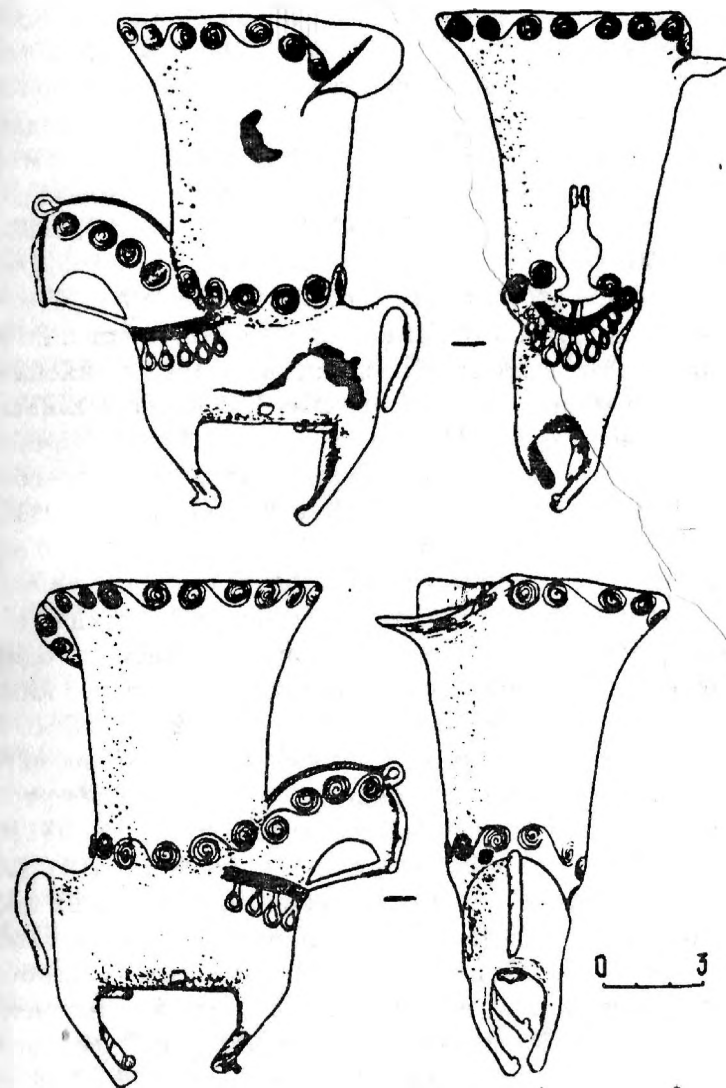

Рис. 14. Бронзовый сосуд в форме коня из Шаракунского клада 1985 года (прорисовка).

Исследователи уже неоднократно отмечали влияние керамических традиций Закавказья, в частности, Кавказской Албании, на керамическое производство Северо-Восточного Кавказа, выступавшего в свою очередь передатчиком этих южных традиций на север, выделили некоторые типы посуды, в которых наиболее ярко отразилось это влияние (6, с. 223; 7, с. 264, 268; 9, с. 134, 135; 20, с. 63-65; 65, с. 31-50; 146, с. 90, 91; 147, с. 235; 148, с. 85; 149, с. 69-84; 150, с. 15-20; 151, с. 42; 152, с. 67; 153, с. 40-43).

Если нижнедонское и прикубанское происхождение многих образцов керамической продукции из сарматских могильников Волго-Донского междуречья факт давно установленный и общепринятый (154, с. 6, 7, 10, 11; 155, с. 45-62), то керамика памятников местной культуры сарматского времени Дагестана (и в целом Северного Кавказа), находящая аналогии в синхронных кочевнических комплексах, рассматривалась первоначально (в частности, К.Ф.Смирновым в 1950-х гг.) как собственно сарматская посуда, а эта общность форм и типов керамики определялась как один из показателей процесса сарматизации автохтонного кавказского населения (7, с. 263, 264; 8, с. 205, 206; 143, с. 117, 118). Позднее И.В.Синицын также отмечал близость ряда сарматских сосудов дагестанским, считая их, без уточнения, продукцией одних производственных центров (156, с. 200), а К.Ф.Смирнов счел уже возможным писать о влиянии керамических традиций Северного Кавказа на производство сарматской керамики начиная с савроматской эпохи (157, с. 108-110). В дальнейшем в работах М.П.Абрамовой, М.Г.Мошковой и других исследователей получила дальнейшее развитие тема северокавказского керамического импорта у сарматов (149; 150; 152; 155; 158; 159).

М.П.Абрамовой принадлежит заслуга в углубленной разработке вопросов влияния закавказских (главным образом, албанских) керамических традиций на гончарное про-

изводство Северного Кавказа (в особенности, Северо-Восточного) и роли северокавказских, в том числе северодагестанских центров производства керамики, выступавших активными экспортёрами своей продукции сарматским племенам Предкавказья, Калмыкии, Нижнего Поволжья (65, с. 47, 48). Одним из таких производственных центров, как справедливо было показано М.П.Абрамовой, являлось Андрейаульское городище, игравшее важную торгово-ремесленную роль уже с первых веков н.э. (9, с. 135; 152, с. 70-72). Значение этого памятника в торгово-культурных контактах кавказского и сарматского населения Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия можно в определенной мере сопоставить со значением Танаиса и Фанагории в Северо-Восточном Причерноморье.

Видимо, среди населения Андрейаульского городища с самого начала его существования и благодаря его географическому положению, наряду с местным аборигенным населением, с культурой которого связывается нижний (I-III вв.) слой памятника (9; 160, с. 108, 109), значительную массу составляли и представители племен сарматского круга. Л.Б.Гмыря оправданно именуется ранний (I-III вв.) период бытования городища «сарматским», вкладывая в это определение не только культурологическое, но и этническое содержание (161, с. 128, 131). Также М.П.Абрамова обоснованно считает, что в сложении культуры северных равнинных районов Дагестана, ведущим центром которых предстает Андрейаульское городище, значительную роль играли сарматские племена (152, с. 72). И диссонирующим, слабоаргументированным выглядит мнение М.Г.Магомедова о формировании культуры Терско-Сулакского междуречья первых веков н.э., в том числе культуры Андрейаульского городища, под влиянием проникших сюда берсил-болгар (162, с. 51, 52; 163, с. 24-37).

О кочевническом этническом компоненте среди населения Андрейаульского городища свидетельствует расположение в его округе огромного количества курганов, в

том числе принадлежащих кочевнической знати. К таковым, в частности, относятся подкурганные захоронения первых веков н.э. в побеленных, с двускатными потолками катакомбах, вырытых на глубине около 10 м от древней поверхности (163, с. 34-36; 226, с. 52), и в широких прямоугольных ямах (4,1-4,3 м X 3,5-3,6 м) с деревянными конструкциями (9, с. 129-134). Первые по ряду признаков (двускатный свод, побелка камеры, большая глубина расположения катакомбы), как кажется, тяготеют к каменным и земляным склепам-катакомбам Боспора (163, с. 35). Вторые по своим конструктивным особенностям сопоставляются с подобными захоронениями кочевнической знати Нижнего Дона втор. пол. I - пер. пол. II в. н.э., которые все большим числом исследователей отождествляются с памятниками, оставленными аланами (37, с. 215; 228; 229, с. 46; 230, с. 118; 231, с. 117; 232, с. 174). Эти параллели в погребальных конструкциях вместе с иными археологическими материалами и данными письменных источников можно расценивать как свидетельство контактов (военно-политических, торговых) Северо-Восточного Причерноморья, где в это время сложились политические центры сармато-алан, с Северным Дагестаном.

В аспекте этих связей, очевидно, следует рассматривать обнаруженную В.И. Марковиным сарматскую тамгу на скалах Уйташа (южнее г. Махачкалы) (34, с. 289, табл. 113, 2; 167, с. 182, рис. 2; 233, с. 95-98), которую О.М. Давудов сопоставил со знаком сарматского правителя Боспора и предположил, что «знак могли оставить аспургиане или сатархеи, проникшие сюда для торговых целей» (153, с. 43, 44). Такое допущение вполне правдоподобно (см. ниже), хотя нельзя исключить появление в Прикаспийском Дагестане тамги типа знака Аспурга и с какими-то военно-политическими акциями сарматских племен, например, с кампанией 35 г. н.э. (*Tac. Ann.*, VI, 33, 2-3; *Ios. Fl. Ant. Iud.*, XVIII, 4, 4).

На связи автохтонов Дагестана с сарматами впервые указали Е.И. Крупнов и К.Ф. Смирнов на основе материалов

исследовавшегося ими Таркинского могильника, определив сильное влияние сарматской культуры на материальную и духовную культуру местного населения (6, с. 222-225; 7, с. 271, 272; 143, с. 117, 118; 234, с. 19, 20; 235, с. 160). В дальнейшем исследователи неоднократно подчеркивали это существенное воздействие, выразившееся в появлении и распространении среди местного населения определенных типов вооружения и конского снаряжения, украшений, предметов одежды и т.д., черт сарматской погребальной обрядности, идеологических представлений и отразившее тесные торгово-экономические, культурные, политические и этнические связи сарматских и дагестанских племен (см., напр.: 26, с. 163-165; 31, с. 108-111; 100, с. 107, 108; 152, с. 59, 70-72; 153, с. 36-45; 236, с. 49, 50; 237, с. 52-55). Вместе с тем исследователи, подчеркивая огромное влияние сарматской культуры в Северном Дагестане, отмечали и ослабление этого воздействия к югу от Махачкалинского дефила и по направлению в горы. С другой стороны, и сарматские племена Северо-Западного Прикаспия испытывали значительное влияние автохтонов Дагестана. Еще в 1951 г. К.Ф. Смирнов с присущей ему проницательностью указывал на важность археологического исследования Северо-Западного Прикаспия в аспекте изучения сармато-дагестанских контактов, определения южной границы распространения сарматских (в частности, аорских) племен (7, с. 272). Лишь спустя 35 лет масштабными работами, проведенными Дагестанской экспедицией ИА АН СССР в 1985-1989 гг., на левобережье нижнего течения р. Сулак было исследовано более 200 сарматских подкурганных захоронений среднесарматского и позднесарматского времени (238, с. 153, 154; 239, с. 122, 123; 240, с. 5, 6; 242, с. 130-150) *, которые дали

* Экспедицией было выявлено в районе Львовских хуторов 20 курганных групп, включающих около 2000 насыпей, некоторые из которых были известны ранее (48, с. 117, 118), а также около 80 курганов южнее Махачкалы (48, с. 148, 149). Автор выражает признательность нач. экспедиции Г.Г. Пятаху за разрешение использовать материалы раскопок. Добавлю, что в низовьях левобережья р. Сулак группы курганов (высотой 1,0-1,2 м) расположены также в 250-500 м к Ю и ЮВ от хут. Львовский - 9 и в 1,1-1,4 км к ССВ и СВ от хут. Львовский-11.

большой материал для освещения и решения широкого круга вопросов этнокультурного развития региона и в том числе вопросов, поставленных К.Ф.Смирновым.

Исследованные погребальные памятники находят ближайшие аналогии в сарматских погребениях Калмыкии, правобережья Нижнего Поволжья и отражают общие тенденции развития погребальной обрядности и в целом сарматской культуры (например, смена после I в.н.э. захоронений в курганах-кладбищах погребениями под индивидуальными насыпями, господство подбойных и прямоугольно-удлиненных ям, появление деформированных черепов и др.). Вместе с тем, в отличие от названных регионов, для позднесарматской стадии здесь характерен южный сектор ориентировки погребенных, присущий для территории Волго-Донского междуречья предшествующего ранне - и среднесарматского времени.

Сосредоточение на левобережье нижнего течения Сулака большого количества крупных курганных групп позволяет рассматривать эту зону как традиционный центр сарматских родоплеменных кладбищ, функционировавший на протяжении нескольких столетий, а собственно р.Сулак как южную границу основной территории обитания сарматских племен Северо-Западного Прикаспия. Эти археологические данные совпадают с уже не раз высказывавшимися мнениями об отождествлении Сулака с Птолемеевой Соаной, которая, по словам греко-римского географа, являлась пограничной рекой между Азиатской Сарматией и Кавказской Албанией (*Ptol.Geogr.*, V, 8,5-6,V,11,1) Вместе с тем расположение немалого количества сарматских погребальных памятников к югу от Сулака и Махачкалинского дефиле свидетельствует об инфильтрации ираноязычных кочевников в этот район и подтверждает точку зрения об этой территории как контактно-пограничной зоне сарматских и албано-дагестанских племен (236,с.50).

Тесные дагестано-сарматские торгово-культурные связи нашли яркое отражение в инвентаре Львовских (курган-

кладбище IV группы Львовский-7, курганные могильники Разрушаемый-1 и 2), Манаскентских курганов, Зеленоморского кургана-кладбища. В этом отношении особенно показательна керамика, среди которой представлена продукция не только северодагестанских (в частности, распространенные сероглиняные кувшины разных типов, миски с прогнутыми у дна стенками и загнутым внутрь краем, горшки), но и более южных производственных центров. В Зеленоморском кургане-кладбище - это серия серолощенных кувшиновойной, красноангобированная кружка с зооморфной ручкой (58, с. 14, 15, 22, 37, 39, 45, рис. 12, 35, 86, 1, 91, 2, 124). В близрасположенных синхронных могильниках Разрушаемый -1 и Разрушаемый - 2 из 102 сосудов, обнаруженных при раскопках в 1986-1988 гг., по меньшей мере 15 (12 кувшинов и 3 миски) имеют центрально- и южнодагестанское происхождение. Это красноангобированные кувшины с цилиндрическим горлом и ленточной ручкой, коричневоглиняные лощеные кувшины с высокой горловиной со сливом или без него, миски с ручкой (10, с. 5, 7, 13, 25, 34, 49, 55, 56, рис. 33, 43, 44, 102, 218, 223, 299, 565; 11, с. 72, 73; 12, с. 80, 89, 100, 133, 134, рис. 264, 265, 287, 288, 322, 323, 429, 430), находящие многочисленные аналогии в памятниках втор. четв. 1 тыс.н. э. центральных и южных районов Дагестана, а также Северо-Восточного Азербайджана. Как видно, эти привозные изделия не столь многочисленны (ок. 15%), причем основную массу их составляют кувшины. Если же эти кувшины количественно сопоставить с соответствующими местного (северодагестанского) производства, которые представлены 23 экземплярами, то каждый третий кувшин, встреченный в сарматских погребениях этих могильников*, является импортным, что уже может отражать потребность местного населения именно в этом типе импортной гончарной продукции.

* В коллекции керамической посуды из раскопок 1986-1988 гг. могильников Разрушаемый-1 и 2 представлены 37 горшков, 35 кувшинов, 28 мисок, 1 кружка и 1 сосудик баночного типа. Характерной чертой погребального обряда являлось положение в могиле горшка и миски или кувшина и миски.

Среди коллекции керамики могильника Разрушаемый-2 весьма интересен изящный коричневоглиняный лощеный кувшин (рис. 15,2), найденный в подбойном захоронении кург. 25 (11, с. 72, 73). Сосуд изготовлен на круге из хорошо отмученной чистой глины, имеет качественный равномерный обжиг, тонкий звонкий черепок. К грушевидному тулову (на низком кольцевом поддоне) крепится своеобразная ленточная зооморфная ручка, завершающаяся в верхней части изображением головы лошади, повернутой в обратную сторону. По технологическим и морфологическим признакам этот кувшин аналогичен кувшину (рис. 15,1) из могильника Рустов-II (Кубинский район Азербайджана) (83, табл. LIX; 243, с. 53, табл. XVI, 1-3) - одного из узловых памятников, свидетельствующих не только о тесных связях, но и об этнокультурной общности Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана (244, с. 58, 59; 245, с. 80, 85). Ближайшее сходство в моделировке весьма оригинальных зооморфных ручек этих кувшинов вместе с отмеченными выше признаками позволяет считать эти сосуды продукцией одной гончарной мастерской. Им по форме, технологии изготовления очень близки кувшины III-IV вв. из Дербентского (рис. 15,3), Хивского, Уллагатагского могильников Южного Дагестана, имеющие также ленточные зооморфные, но несколько иначе смоделированные ручки (31, с. 105, рис. 16,3; 175, с. 50, рис. 3,14).

Красноангобированная керамика, обнаруженная в средне- и позднесарматских погребениях Северного Дагестана, встречается в небольшом количестве и на бытовых памятниках Терско-Сулакского междуречья в слоях перв.пол. I тыс. н.э. - на Андрейаульском, Новонадеждинском, Верхнечириюртовском, Тенг-кала, Герменчик, Акташском городищах, Бавтугайском поселении. По своим формам, структуре, цвету ангоба и иным признакам она аналогична красноангобированной керамике синхронных памятников южных районов Дагестана (городища Махачкалинское,

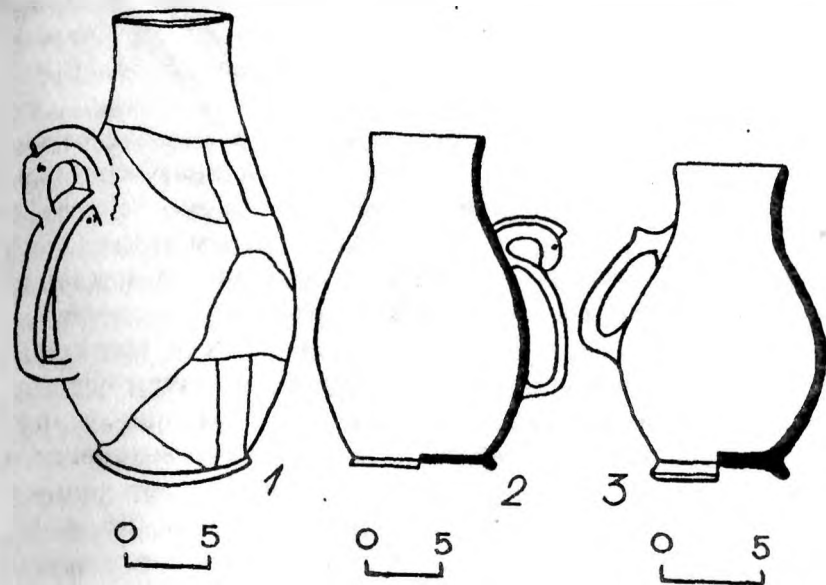

Рис.15. Кувшины III-IV вв. из Азербайджана и Дагестана (1-Рустов II; 2-кург.25 гр. Разрушаемый - 2; 3- Дербент).

Урцеки, Эскиюрт, Чакавуркент, Таргу, Дербент и др.) и представляет керамический импорт из этих производственных центров (246, с. 46).

Находки фрагментов красноангобированной керамики отмечены также в нижних слоях Алханкалинского городища (65, с. 50); выше упоминалась красноангобированная двуручная чаша из погр. 54 Нижнеджулатского могильника.

Возможно, дагестанское происхождение имеют и некоторые из красноангобированных и красноглиняных сосудов, обнаруженных в сарматских памятниках междуречья Волги и Дона, Заволжья - это, в частности, чаша из позднесарматского погр. 1 кург. 17 Барановского могильника (247, с. 43), кувшины (типов М1, М17, М18, Н4, по

А.С.Скрипкину) из Бережновки 1 (кург. 35, погр. 1), Ново-Липовки (кург. 5), Ильевки (кург. 21, погр. 1), Старых Кишек (кург. 20, погр. 4) (37, с. 51, 52, рис. 14, 34, 15, 11, 12, 16, 14).

Хотя гончарные изделия центрально- и южнодагестанского производства, обнаруженные в памятниках междуречья Сулака и Терека и в других районах Азиатской Сарматии, не имеют массового характера, тем не менее они свидетельствуют как о внутридагестанских, так и международных (дагестано-сарматских) торговых контактах. Вместе с тем они не отражают дефицит в гончарной продукции. Местные (северодагестанские) центры керамического производства (Андрейульское городище, в частности) не только удовлетворяли потребности внутреннего рынка, но и снабжали своей продукцией прилегающие и более отдаленные районы Азиатской Сарматии (65, с. 47, 48; 247, с. 8), выступая важным поставщиком гончарных изделий и торговым партнером сармат Северо-Западного Прикаспия, наряду с ремесленными центрами Прикубанья, Нижнего Дона, центральных районов Северного Кавказа.

М.П.Абрамова обратила внимание на распространение керамики северокавказского происхождения, в частности, мисок с прогибом в нижней части стенок, характерных и для Андрейульского городища (161, с. 107-113, 124, 126, 127), в южных районах сарматской территории - в предкавказских степях, Калмыкии, Астраханской области (65, с. 47). В дальнейшем наблюдения над некоторыми группами керамики из сарматских погребений первых веков н.э. Волго-донских степей и Калмыкии дали возможность М.Г.Мошковой развить этот тезис и говорить «об определенной специализации и разделении сфер влияния» между названными производственными очагами в их торговых контактах с сарматами: если «Танаис снабжал своей продукцией сарматов Подонья, северного правобережья Волги и Заволжья и был для них транзитным

центром», то «более южные районы междуречья, особенно районы Калмыкии и Астраханские степи, были сферой торгового влияния главным образом населения Северного Кавказа и Прикубанья, хотя и на этой территории встречается бесспорно танаисская продукция» (155, с. 51). Для сармат Северо-Западного Прикаспия тесные и оживленные связи с Северо-Восточным Кавказом определялись как близостью этого региона и расположенных здесь торгово-ремесленных центров, так и прохождением здесь международного караванного пути. Этим объясняется тот факт, что керамика, найденная в позднесарматских курганах Калмыкии, по определению М.П.Абрамовой, происходит из Дагестана и Терско-Сунженского междуречья (247, с. 14).

По наблюдениям исследователей, набор керамики сарматских племен со II-I вв. до н.э. становится значительно разнообразнее за счет увеличения доли импортных сосудов, в том числе северокавказского производства (65, с. 47). Судя по встречаемости этой группы посуды в сарматских памятниках Северо-Западного Прикаспия, интенсивность этих торговых связей возрастает в первые века н.э. (155, с. 51). Это явление может быть поставлено в связь как с развитием местного ремесленного, в данном случае гончарного производства, так и с началом широкого освоения сарматами территории Терско-Сулакского междуречья и развития прикаспийской торговли аорсов. Судя по исследованиям Львовских курганных групп, массовое проникновение сарматских племен в эту зону приходится на рубеж эры и особенно усиливается во II в. н.э. с появлением новой группы племен, очевидно, алан (253, с. 12). Это несомненно способствовало росту торгово-культурных контактов автохтонов с пришлыми сарматскими племенами, развитию ремесленных (в т. ч. гончарного) производств, ориентированных в большой мере на сарматский рынок.

Конечно, гончарная посуда не являлась единственным предметом этих связей. Дагестанское происхождение имеют найденные в кургане-кладбище IV группы Львовский-

7 (рубеж эры) четырехгранный костяной наконечник с внутренней втулкой (погр. 40), бронзовая ложечковидная булава (погр. 28) (11, с. 38, 53), хорошо известные в памятниках Дагестана этого времени, а также, возможно, железный меч с кольцевым навершием без перекрестия из погр. 29 (11, с. 40, 41).*

По мнению М.П.Абрамовой, дагестанское производство имеют бронзовые пряжки-сюльгамы, пряжки с зооморфными концами, обнаруженные в Калмыкии в курганах II-III вв.н.э., которые она склонна определять этнически как аланские (247, с. 14). Эти же типы пряжек, широко представленные на дагестанских памятниках, встречены в позднесарматских Львовских курганах (кург. 25, 29, 41, 46, 74 группы Разрушаемый-1, кург. 20, 29, 37 группы Разрушаемый-2). То же происхождение могут иметь и некоторые другие категории инвентаря Львовских курганов: зеркала с центральной петлей (кург. 23, 25, 41, 74, 79 гр. Разрушаемый-1, кург. 20, 24, 30, 31, 36, 51, 54 гр. Разрушаемый-2), бронзовые 6-лопастные пряжки (кург. 47 гр. Разрушаемый-1, кург. 37 гр. Разрушаемый-2), панцирный доспех (кург. 6 гр. Разрушаемый-2).

Естественно, дагестано-сарматские контакты имели двустороннюю направленность. Сарматы выступали активными посредниками в международной транзитной торговле, передатчиками многих культурных достижений, о чем говорилось выше. В результате торгово-культурных связей с сарматами на территории Дагестана появились и вошли в обиход местного населения не только разнообразные импортные изделия античного мира и сопредельных территорий, но и собственно сарматские элементы материальной культуры. В значительной мере это касается предметов вооружения и конского снаряжения, игравших первенствующее значение в жизни кочевых племен.

*М.П.Абрамова на основе топографии находок таких мечей предполагает их северокавказское производство (247, с. 11).

Исследователи неоднократно отмечали прослеживаемую близость и определенную нивелировку материальной культуры сарматских племен Предкавказья и автохтонного населения Северного Кавказа, в том числе Дагестана. Взаимное проникновение и сочетание многих сарматских и северокавказских традиций и элементов в материальной и духовной культуре сарматов и аборигенов Северного Кавказа было результатом их длительного сопредельного проживания, тесных и разносторонних контактов, в особенности торгово-культурных.

Археологические материалы, разумеется, не исчерпывают список статей сармато-кавказской торговли. К тому же говорить о месте производства многих изделий, ставших общеупотребительными, зачастую весьма трудно. В некоторой мере данные на этот счет восполняют письменные источники. Так, Страбон (*Strabo. Geogr.*, XI, 2,3) сообщает, что в Танаис номады «привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние (земледельцы - М.Г.) доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода». Хотя это сообщение и приурочено к Северо-Восточному Причерноморью, тем не менее, названные предметы являлись постоянным «ходовым» товаром, распространенными статьями торговли кочевого и оседлоземледельческого населения и могут быть приложимы для характеристики этой торговли в соседних регионах. Также, видимо, важнейшие предметы торговли с кочевниками отражает список продуктов и изделий, которые патриций Проб направил в подарок кавказским гуннам - пшеница, вино, масло, лен, плоды, священные сосуды (248, с.166).

Наблюдаемый сложный, многосторонний процесс взаимного влияния оседло-земледельческой и кочевническо-скотоводческой культур Юго-Восточной Европы, включая Северо-Восточный Кавказ, в огромной степени был обусловлен необходимостью и взаимозаинтересованностью в торгово-экономических связях оседлых земледельцев и

ремесленников, с одной стороны, и кочевников-скотоводов, с другой. Для ремесленников и земледельцев кочевая среда являлась не только хорошим и выгодным рынком сбыта продукции, но и поставщиком продуктов, связанных со скотоводческим способом производства (249, с. 144, 145). Обоюдные интерес и выгода в экономических контактах вели к увеличению (конечно, до обусловленного уровня) товарообмена между оседлыми и кочевыми племенами, к возрастанию роли международных трасс, к определенной ориентации оседлоземледельческой, городской экономики на кочевническую среду. Освоение с последних веков до н.э. сарматскими племенами равнинной зоны Северного Дагестана, постоянная и растущая потребность кочевого мира в продуктах земледелия и ремесла, активизация международной транзитной торговли по Прикаспийскому пути способствовали расширению и росту рынков сбыта, стимулированию и специализации раннегородского ремесленного производства, отдельных отраслей земледелия. Отмечаемые факты подъема экономической жизни, развития ремесел, земледелия, приобретших рыночную, товарную направленность, на территории Дагестана в албаносарматский период и, в особенности, в первые века н.э. должны быть поставлены в прямую связь с развитием международной торговли на Восточном Кавказе в этот период, со становлением с последних веков до н.э. и укреплением в последующие столетия дагестано-сарматских торгово-экономических контактов. Вместе с тем, этот процесс экономического развития находился в прямой и взаимообусловленной связи с процессом становления и развития в регионе раннегородских центров, выступавших средоточием ремесла и торговли.

В этом аспекте показательное расположение ряда крупнейших городищ на территории Приморского Дагестана (Дербент, Чакавуркент, Эскиюрт, Урцеки, Махачкалинское, Андрейаульское) по магистрали международного Прикаспийского пути, а также на важнейших внутренних

коммуникациях. Ряд городищ, расположенных в долинах рек в начале предгорий (например, Шаракунское на р. Гюльгеры-чай, Таргу, Эскиюрт и Чакавуркент на р. Гамриозень, Урцеки на р. Количи, Андрейаульское на р. Акташ), осуществляли и контролировали горно-равнинные торгово-экономические связи, способствовали включению и внутренних районов Дагестана в международный товарообмен. Древние пути рядом с Охлинским, Цыйшинским городищами в горном Дагестане носят названия «Дорога войск», «Военная дорога», отражая их бывшее военно-стратегическое значение. Но можно не сомневаться и в торгово-экономической важности этих дорог и расположенных на них городищ. Цыйшинское городище в долине р. Казикумухское Койсу находилось на важнейшей дороге общедагестанского (и отчасти международного) значения, проходившей через внутренний Дагестан и ведущей из Южного Дагестана и долин рек Чирах-чай и Самур в обход Дербента и Прикаспийской низменности в Центральный и Северо-Западный Дагестан в бассейн р. Андийское Койсу (250, с. 85-87; 251, с. 151). О древности использования этого пути, очевидно, может свидетельствовать нахождение на его центральном участке близ сел. Хосрех крупного языческого храма эпохи раннего железа (252, с. 43-56). Также и другие городища и, в частности располагающиеся на Левашинском плато (Охлинское, Верхнелабкомахинское, Нижнечуглинское и др.), находились на важных путях, связывавших равнинный и горный Дагестан.

Таким образом, топография расположения городищ, а также приведенные выше археологические находки показывают, что и внутренние районы Дагестана были вовлечены в международные торговые контакты. Конечно, интенсивность этих связей в равнинно-предгорной зоне была выше. И одним из показателей этого является меньшее (по сравнению с низменными районами) влияние материальной и духовной культуры сармат на горские племена Дагестана (26, с. 165; 153, с. 44).

Длительные и тесные торгово-экономические и культурные связи сармато-аланских племен с оседлым населением Дагестана содействовали глубоким сдвигам в их социально-экономическом развитии, их этнокультурной интеграции, особенно, в зонах сопредельного проживания. Отдельные племенные группы кочевников, обосновавшихся в Приморском Дагестана, весьма тяготели к городским центрам, на что указывает сосредоточение в их округе курганных могильников. Выше приводился пример с Андрейаульским городищем, среди населения которого, по всей видимости, многочисленный компонент составляли представители сармато-алан. Тесные связи, очевидно, существовали между населением Дербента и расселившимся южнее Дербентского прохода сармато-аланским племенем маскутов, на что может указывать как их территориальная близость, так и ряд черт, зафиксированных в грунтовых погребениях III-IV вв. Дербентского могильника (31, с. 110) и в подкурганных захоронениях Паласа-сыртского могильника IV-V вв. (164, с. 229-237). Группы и отдельные курганы расположены также в округе Махачкалинского (Таркинского), Эскиюртовского, Чакавуркентского городищ.

Важнейшим социально-экономическим следствием влияния местного оседло-земледельческого населения на пришлых кочевников в результате их интенсивных контактов, а также внутреннего социального развития кочевого общества (углубления имущественной и социальной дифференциации) являлся переход последних к оседлости, к занятиям земледелием и ремеслом (236, с. 50; 249, с. 145; 254, с. 20; 255, с. 199; 256). Уже Страбон (*Strabo. Geogr.*, XI, 2,1) отмечал, что аорсы, локализуемые в Северо-Западном Прикаспии и, по словам древнего географа, «простирающиеся на юг до Кавказских гор», «частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием». Ему вторит Плиний Старший (*Plin. Nat. Hist.*, V, 36), сообщающий, что выше (т.е. севернее) прибрежной области албан и удин

«простираются земли сарматов, утидорсов и пахарей (*Agroteres*)», локализуемых также в Северо-Западном Прикаспии. Эти сведения согласуются с положением о сарматском этническом компоненте среди обитателей Андрейаульского городища и с высказанным нами ранее заключением о важной роли и развитии земледелия в это время в округе Андрейаульского городища.

В этой связи повышенный интерес представляют и неоспоримым подтверждением сказанного являются немалочисленные находки зернотерок, терочных плит в среднесарматских погребениях курганов-кладбищ Зеленоморска и группы Львовский-7, позднесарматских захоронениях Львовских курганных могильников (10, с. 67; 11, с. 13, 18, 43, 44, 47-49, 57, 63-66, 136-146; 58, рис. 4, 27, 32, 63, 106, 116, 145). Весьма показательным обнаружение в кург. 4 группы Разрушаемый-2 сложенных во входной яме женского подбойного погребения двух разбитых мельничных жерновов и зернотерок (10, с. 37-39, рис. 383-386). Погребение по зеркальцу-подвеске и браслету с перевязанными концами (10, с. 37, 38, рис. 351, 362) датируется II в. н.э. находка мельничных кругов в хорошо датируемом погребальном комплексе подтверждает заключение, сделанное нами на основе данных раскопок бытовых памятников, о появлении в первые века н.э. на территории Дагестана ручной мельницы и согласуется с выводом о развитии земледелия в регионе в это время.

О торгово-культурных контактах местного населения с сарматскими племенами и переходе последних к оседлому образу жизни свидетельствуют античного типа пирамидальные грузила от вертикального ткацкого станка, находки которых сосредоточены на бытовых памятниках Терско-Сулакского междуречья - Андрейаульском городище, Герменчик-тюбе, Бавтугайском, Сигитминском поселениях. Симптоматично обнаружение серии таких грузил в позднесарматском кург. 51 Львовской группы Разрушаемый-2. Здесь, рядом с центральным женским захоронением было

расчищено крупное (2,8x2,2м) пятно погребального кострища, в котором были найдены куски печины, турлучной обмазки, следы сгоревших жердевых конструкций и свыше десятка ткацких грузил, по всей видимости, указывающих на сожженный в погребальном костре ткацкий станок (11, с. 162-164, 168, 169). Эти факты оценивают роль сарматских племен в распространении культурных достижений (в данном случае, античного ткацкого станка) и должны рассматриваться как пример и результат контактов Дагестана с Северным Причерноморьем. И именно сарматские племена выступали основным связующим звеном в торговых и культурных контактах этих регионов.

В этой связи особого внимания заслуживает информация Страбона о караванной торговле аорсов, к которой не раз обращались исследователи. Греческий географ сообщает, что верхние аорсы «занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения» (*Strabo. Geogr.*, XI, 5,8). Использование аорсами именно Прикаспийского пути через Дербентский проход и Приморский Дагестан, а не колхидо-меотского тракта, как полагали Я.А. Манандян (257, с. 52, 54, 96) и С.Т. Еремян (258, карта «I-IV вв.»), обосновывается, прежде всего, локализацией верхних аорсов в Северном и Северо-Западном Прикаспии (259, с. 125-129; 260, с. 34-48). Да и само существование колхидо-меотского торгово-караванного пути ставится под сомнение (68, с. 186).

Весьма важен вопрос об источниках и времени сообщения Страбона об аорсах и их караванной торговле. На этот счет существуют многочисленные взаимоисключающие

точки зрения, согласно которым эти сведения греческого географа восходят к трудам различных авторов III-I вв. до н.э. - Патрокла, Эратосфена, Артемидора Эфесского, Гипсикрата из Амиса, Феофана Митиленского и др. (37, с. 194, 195; 116, с. 162-164; 259, с. 122, 128; 260, с. 43, 44, 261; S.331; 262, с.380; 263, с.30-35; 264, с.419-422; 265, с.34,94, 146, 154; 266, с. 787; 267, с. 129; 268, с. 148-159; 269). Не останавливаясь подробно на рассмотрении этих мнений отмечу, что большинство исследователей отдает предпочтение авторам конца II-I вв. до н.э., в особенности старшим современникам Страбона (64 г. до н.э.-23 г.н.э.) - Гипсикрату Амисскому и Феофану Митиленскому, и считают приведенную информацию, как отражавшую реалии времени Страбона.

Патрокл, предпринявший обследование Каспийского моря по поручению Селевка Никатора в 283-282 гг. до н.э., и Эратосфен (276-194 гг. до н.э.), использовавший отчет Патрокла, не могли быть источниками Страбона в этом пассаже по той причине, что еще не знали аорсов, т.к. первые сведения об этом сарматском племени у античных авторов появляются на 100-150 лет позднее и относятся к концу II-сер. I в. до н.э. К тому же, как обоснованно считает большинство исследователей, Патрокл обследовал лишь южное и юго-западное побережье Каспия (223, с. 57; 265, с. 126-134; 270, S. 172, 173). Феофан же - признанный знаток Закавказья, принимавший участие в походах Помпея в Албанию и Иберию в 66-65 гг. до н.э. - мог получить данную информацию и быть очевидцем этих торговых кампаний во время своего пребывания в Закавказье и, в частности, в Армении. Существенен и довод исследователей, указавших на упоминание Страбоном в этом же параграфе (в предыдущем предложении) боспорского царя Фарнака (63-47 гг. до н.э.), что достаточно надежно датирует этот фрагмент.

В контексте предложенной датировки концом II-I вв. до н.э. информации Страбона о караванной торговле аорсов, мидян и армян находятся данные нумизматики и археоло-

гии. Именно с конца II-нач. I в. до н.э. (вскоре после завоевания Мидии Парфией) начинается резкое увеличение потока парфянских драхм в Кавказскую Албанию (104, с. 39-41; 105, с. 84,85; 107, с. 72-74) и поступление их отсюда через Приморский Дагестан в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ (107, с. 73, 74; 116, с. 162, 164). И, как представляется, этот факт мы вправе рассматривать в связи с установившейся в этот период армяно-мидийско-аорсской караванной торговли. Такая датировка свидетельства Страбона о функционировании международного торгового Прикаспийского пути находится и в соответствии с неоднократно отмеченным исследователями явлением общего роста с I в. до н.э. и усиления в первые века н.э. эллинистическо-варварской торговли.

Примечателен и тот факт, что именно к периоду активизации этой торговли (т.е. к римскому времени) приурочены остеологические находки верблюда (*Camelus bactrianus*) на памятниках Северного Причерноморья. Причем, наибольшее количество костей происходит из Танаиса (271, с. 50), являвшегося важнейшим эмпорием сармат (*Strabo. Geogr.*, VII, 4,5, XI, 2,3). По этому поводу В.И. Цалкин писал, что «совершенно очевидно, что верблюд не принадлежал к числу местных домашних животных и не имел в хозяйстве народов Северного Причерноморья сколько-нибудь серьезного значения. Можно думать, что появление верблюда на этой территории в эпоху раннего железа связано с торговыми отношениями, существовавшими между Северным Причерноморьем, с одной стороны, и Закаспийской областью и Закавказьем, с другой» (271, с. 50). «В пользу этого говорит, в частности, тот факт, что большинство остатков верблюда происходит из раскопок Танаиса» (272, с. 89), значение которого как евроазиатского торгового центра было чрезвычайно велико.

Очевидно, такое же «торговое» происхождение имеют и немногочисленные костные остатки верблюда из слоев албано-сарматского времени Дербента. Естественно, что эти остеологические материалы могут быть поставлены в

прямую связь, как хронологически соответствующие и приуроченные ко времени активизации торговых контактов, с сообщением Страбона о Прикаспийской караванной торговле и использовании аорсами верблюдов для ее осуществления.

В связи с находками остатков верблюда в Приморском Дагестане (Дербент) небезынтересно отметить сохранившееся в ряде дагестанских языков реликтовое название верблюда (авар., гунз., лак. *warani*, анд. *gwarani*, дарг. *wanri*, *walri*, лезг. *lawar*), восходящее, по мнению специалистов, к древнему восточноиранскому *warana*, *arwana* «верблюд» (273, с. 228; 274, с. 279). Такая параллель тем более интересна, что исследователи относят сарматский язык к восточной группе иранских языков (275, с. 360) и считают, что предки аорсов и алан обитали в зоне формирования восточноиранских языков (276, с. 78). Эта же территория (Приаралье, Средняя Азия) являлась и областью доместикации и ареалом распространения верблюда (277). Е.Е. Кузьмина на основе археологических и остеологических данных включает в ареал распространения верблюда в скифо-сарматскую эпоху Казахстан и Приуралье и появление верблюда в Северном Причерноморье связывает как с торговым фактором, так и собственно с продвижением сарматских племен (277, с. 42). Сказанное, на мой взгляд, позволяет отнести указанное явление языкового заимствования к сарматской эпохе и сопоставить с активизацией Прикаспийской международной караванной торговли, в которую были втянуты и дагестанские племена.

Повышенный интерес вызывает и иное толкование рассматриваемого сообщения Страбона Ю.Г. Виноградовым, напомнившим предложенную еще М.И. Ростовцевым интерпретацию пассажа о караванной торговле аорсов. По этому поводу М.И. Ростовцев писал: «Придонские аорсы считались очень богатым племенем. Оружие и одежда их покрыты были золотом. Богатство их было результатом

того, что они заняли старый вышеупомянутый торговый путь из Индии и Вавилонии через Мидию и Армению к Танаису. *Платежи купцов давали им большие средства* (выделено мной - М.Г.) и позволяли им щедро платить боспорским грекам за вино, одежду и драгоценные вещи» (278, с. 130). Ю.Г. Виноградов на основе разбора словоупотреблений Страбона (и его рассказа о племени скенитов, обеспечивавшим безопасность торговым караванам из Сирии в Селевкию и Вавилон* - *Strabo. Geogr.*, XVI, 1,2) предложил несколько иной перевод этого отрывка и пришел к выводу, что аорсы «не занимались сами торговлей на верблюдах, но лишь конвоировали прибывшие из Индии и Переднего Востока через Мидию и Армению караваны по южнорусским степям, получая за это вознаграждение не только для покупки в боспорских городах предметов роскоши, но и в качестве пошлины и платы за обеспечение безопасности - сами эти драгоценные вещи в полихромном стиле восточного производства» (125, с. 161, прим. 64).

Однако, предложенный Ю.Г. Виноградовым перевод - аорсы «... ввозили на верблюдах индийские товары, принимая их от армян и мидийцев...» - позволяет говорить, что аорсы не только выполняли роль военного эскорта, но и являлись торговыми контрагентами армянских и мидийских купцов. Страбонова характеристика грековарварской торговли, как натурального обмена (*Strabo. Geogr.*, XI, 2,3), не противоречит суждению о торговом партнерстве аорсов с закавказскими купцами. Оценка Ю.Г. Виноградовым, как заблуждения (125, с. 161, прим. 64), мнения исследователей о занятии аорсов посреднической караванной торговлей (116, с. 161-165), представляется излишне строгой и категоричной. Такой оценке противоречат определение Страбоном Пантикапея и Танаиса, как важнейших эмпориев варваров (сармат) в их торговле с античным миром (*Strabo. Geogr.*, VII, 4,5, XI, 2,3), обширные архео-

* См. также мнения М.И. Ростовцева (279, р. 793-811), Э. Вилля (280, р. 262-277), И.Ш. Шифмана (66, с. 107,108) об организации безопасности пальмирских караванов.

логические материалы, свидетельствующие, например, о тесных связях Северо-Восточного Причерноморья с отдаленными районами Нижнего и Среднего Поволжья (см., напр., 23, с. 183-186; 34, с. 207, 208, там же см. библиографию), а также сравнительно-исторические данные об организации караванной торговли у кочевников. Можно предполагать, что какую-то подобную форму караванной торговли имели еще причерноморские скифы и эллины «из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов» по описанному Геродотом (*Her. Hist.*, IV, 21-24) торговому пути из Северного Причерноморья в Южное Приуралье (см.: 281, с. 23-27). «... В прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам» (282, с. 365).

Очевидно, можно не сомневаться в том, что раннегородские центры Дагестана, расположенные на Прикаспийской международной магистрали, являлись важными транзитными пунктами, где не только останавливались купеческие караваны, но и производились торговые операции между местным населением и прибывшими иноземными торговцами. В результате этих торговых связей на территорию Дагестана и попадали изделия передневозочного и северопричерноморского производства, которые из прикаспийских торговых центров по местным коммуникациям поступали и в более отдаленные горные районы.

В контексте функционирования торгового пути из Передней Азии и Закавказья через Кавказскую Албанию и Приморский Дагестан на Боспор рассматривают исследователи ряд предметов античного производства, обнаруженных на территории Азербайджана (19, с. 183-186; 82, с. 165-175; 283), и отдельные находки, свидетельствующие о связях Армении с Боспором - бронзовый перстень с изображением головы армянского царя, найденный в Фанагории, монеты Рескупорида II (68-92 гг. н.э.), происходящие из окрестностей Двина (83, с. 63, 74; 284, с. 119, 120,

рис. 4, 16а; 285, с. 10,11, 18). Вновь упомянем также парфянский костяной ритон из Ольвии и глазурованные сосуды, фляги переднеазиатского производства, найденные в Азиатской Сарматии. Отметим и остатки парчовой ткани с тончайшими золотыми нитями, найденной в сарматском погр. 1 кург. 19 Львовского могильника Разрушаемый-1 (10, с. 29).

Аорсы, стоявшие во главе крупного союза племен и являвшиеся ведущей политической силой в Северо-Восточном Причерноморье, Предкавказье и Северном Прикаспии вплоть до сер. I в. н.э. (286, с. 89), поддерживали тесные и разносторонние контакты, в том числе торгово-экономические, с Боспорским царством. Часть аорсов, по свидетельству Страбона (*Strabo. Geogr.*, XI, 5,8), населяла и территорию в районе Танаиса. По всей видимости, правители аорсской конфедерации (Спадин, Эвنون и др.) - предшественники «величайших царей Аорсии» - обладавшие значительными военными силами, контролировали не только Прикаспийский путь, но и торговые дороги, связывающие Северо-Восточный Кавказ и Нижнее Поволжье с Боспором. Не исключено, что какая-то часть аорсов (придонских) входила в состав аспургиан (287, с. 65-78), которые также могли принимать участие в конвоировании купеческих караванов. В этой связи снова обратим внимание на упоминавшуюся тамгу аспургского типа в Приморском Дагестане, а также на знак Аспурга на серебряной ложке из богатого погребения в Косике (124, с. 154, 155, рис. 9,1), принадлежащего, как считает Ю.Г. Виноградов, одному из аорсских скептухов (125, с. 161).

Можно полагать, что Прикаспийская торговая магистраль в низовьях Терека, в зоне Новонадеждинского и Некрасовского городищ, имеющих слои сарматского времени, имела ответвление - дорогу, ведущую по бассейну среднего течения Терека, где выявлен ряд поселений, городищ и могильников сарматской эпохи, в центральные районы Северного Кавказа и далее в Северо-Восточное

Причерноморье. О существовании и функционировании северного участка Прикаспийского пути - от Терско-Сулакского междуречья до Нижнего Поволжья - свидетельствуют, прежде всего, отмеченные выше находки фрагментов античных амфор в ногайских и калмыцких степях (167, с. 181), а также поселения, могильники и отдельные комплексы находок сарматского времени на территории Северо-Западного Прикаспия (146, с. 114, рис. 46; 166, с. 48-50; 167, с. 178-181; 288; 289; 290; 291, с. 182, 183; 292, с. 209; 293, с. 182, 183; 365, с. 115-118). Этим же путем с территории Нижнего Поволжья и Калмыкии в конце I - нач. II в. н.э. продвинулась в Северный Дагестан крупная группа сарматских племен, очевидно алан, оставивших многочисленные курганные могильники на левобережье нижнего течения Сулака, на что указывает близкое сходство их в погребальных конструкциях, обряде, инвентаре с сарматскими памятниками правобережья Нижней Волги и Калмыкии.

В последующую, раннесредневековую эпоху эта дорога засвидетельствована уже письменными источниками, как важнейшая международная караванная трасса, ведущая из Закавказья через Дербент, Семендер, Беленджер и далее по прикаспийским степям в Итиль и соединяющая северную и южную ветви Великого шелкового пути.

Прикаспийский путь как важная международная трасса сложился задолго до исследуемого периода; функционировал он и в предшествующую скифо-савроматскую эпоху, о чем свидетельствуют и данные археологии, и указания Геродота (*Her. Hist.*, I, 104, IV, 12). Но именно в сарматский период, с конца I тыс. до н.э. отмечается усиление роли этой магистрали, как в военно-стратегическом, так и в торгово-экономическом аспектах. Хронологически этот процесс роста значимости Прикаспийского пути совпал со зримым увеличением числа поселений и могильников и в Терско-Сулакском междуречье, и на всем дагестанском участке пути, что отразило массовое освоение этой территории

ираноязычными кочевниками и албано-дагестанскими племенами, происходящие демографические и социально-экономические перемены. Оба явления были тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. С одной стороны, возрастающее значение Прикаспийского пути способствовало вовлечению местного населения в международный товарообмен, появлению вдоль этой трассы населенных пунктов, сложению раннегородских торгово-ремесленных центров в наиболее важных и удобных местах, с другой, наличие транзитных пунктов, дополнительных рынков сбыта стимулировало функционирование трассы и осуществлявшуюся по ней международную торговлю.

Вместе с тем, оба эти явления - возрастание роли Прикаспийского торгового пути и возникновение новых поселений, раннегородских центров в Приморском Дагестане - протекали в русле процесса развития торгово-культурных контактов античного мира и варварской периферии в I в. до н.э. - первых веках н.э. (23, с. 182-184) и находились под сильным влиянием тех крупных изменений в экономической (и социальной) сфере, которые вызвала к жизни эллинистическая эпоха, когда происходил экономический подъем по всему Востоку, «создавались новые экономические центры, установились торговые связи между очень удаленными районами, возникли в силу этого новые торговые пути» (83, с. 110).

С сообщением Страбона о караванной торговле аорсов, армян и мидийцев необходимо затронуть еще один вопрос. Последнее замечание греческого географа о том, что «благодаря такому обилию доходов они (аорсы -М.Г.) носили золото» (пер. Ю.Г. Виноградова), позволяет расценивать Прикаспийский путь, как важную трассу, по которой в Юго-Восточную Европу поступали драгоценные изделия восточного производства (в т.ч. полихромного и звериного стиля), обнаруживаемые во многих захоронениях сарматской знати. Такой путь восточных импортов, основная струя которых происходит из Центральной Азии, разделя-

ет, в частности, Ю.Г. Виноградов. Он подчеркивает, что аорсы получали за свои услуги от армян и мидийцев «вознаграждение не только для покупки в боспорских городах предметов роскоши, но и в качестве пошлины и платы за обеспечение безопасности - сами эти драгоценные вещи в полихромном стиле восточного производства» (125, с. 161, прим. 64; см. также: 123, с. 126-128).

Ряд исследователей на основе того факта, что массовое распространение восточных импортов в восточноевропейских степях приходится на I-нач. II в. н.э., связывает это явление с миграцией алан, которые и принесли с собой эти изделия из Средней Азии (37, с. 206, 207; 294, р. 43-57). Привнесение какой-то части этих импортов аланами, как и поступление их из Средней Азии через Приуралье и Нижнее Поволжье в результате торгово-экономических и военно-политических контактов возможно, но не исключает роли и значения в этом процессе Прикаспийского пути.

Не затрагивая дискуссионной проблемы этнической принадлежности (аорской или аланской) богатых сарматских курганов Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья, отметим, что смена господствующей политической силы в Волго-Донском междуречье в сер. I в. н.э. не означала прекращения функционирования Прикаспийского пути, хотя, несомненно, выход на политическую арену Восточной Европы алан и связанные с этим военные акции временно нарушали евроазиатские торговые контакты через Восточный Кавказ.

Одной из таких акций был поход алан 72 г. н.э., описанный Иосифом Флавием (*Ios. Fl. Bel. Iud.*, VII, 7,4). «Живущие вокруг Танаиса и Меотийского озера» аланы не без помощи иберийского царя осуществили грабительский поход в Мидию и Армению. Обращает внимание, что, во-первых, этот поход номадов не был связан с борьбой за обладание Кавказом между Римом и Парфией, которые в 66 г.н.э. установили мир и союз (295, с. 61,62). Во-вторых, из текста ясно вытекает заранее установленные цель (грабеж) и направление вторжения - Мидия и Армения. На основе этого можно весомо полагать, что аланы были хорошо

осведомлены как о торговых контактах аорсов с мидийцами и армянами, так и о богатстве этих стран, контролировавших важный евроазиатский торговый путь. Очевидно, не случайно в маршруте алан выбор пал на использование дороги через Дарьял и Иберию, а не вдоль Прикаспия через Дербент и Албанию. Это было обусловлено, думается, несколькими причинами: во-первых, относительной близостью Дарьяльского ущелья и более коротким маршрутом; во-вторых, наличием военного контроля над Прикаспийским путем, оборонительных укреплений (в том числе в Андреяуле, Дербенте*), размещением здесь каких-то военных контингентов, могущих противостоять аланам; в-третьих, необходимостью, в случае выбора дороги через Восточный Кавказ, прохождения через союзную Парфии, Мидии, Армении и враждебную Иберии Кавказскую Албанию, что могло свести на нет цель и задачи вторжения; и, наконец, в-четвертых, заинтересованностью возвысившейся в этот период проримской Иберии (несмотря на установившийся между Римом и Парфией мир) в своей гегемонии в регионе, в ослаблении соседей и в стремлении установить контроль над Прикаспийской трассой.

И в последующем Иберия придерживалась своих планов и устремлений: в 135 г. н.э. аланы по инициативе иберийского царя Фарасмана вновь совершают опустошительный рейд в Мидию и Армению (затронув и Каппадокию), приостановленный щедрыми дарами Валарша (*Dio Cass.*, LXIX, 15). Как представляется, экспансионистские планы и акции Иберии в I-нач. II в. н.э. - войны против Армении и Албании - в немалой степени были мотивированы стремлением контролировать все транскавказские коммуникации, включая важнейший Прикаспийский путь.

В противовес этому, Армения и Мидия искали пути и средства установления с кочевниками мирных и союзных отношений, сохранения контроля и спокойствия на трассе

* В этой связи отметим указание К.В. Тревер о начале употребления античными авторами с I в.н.э. применительно к Дербентскому проходу термина «*claustra*», означавшего в военном отношении «пограничная крепость», «стена», «вал» (233, с. 122, 123).

Прикаспийского пути. Для достижения этой цели использовались не только богатые дары (подобные серебряной чаше с надписью «от царя Пакора», найденной в ст. Даховской на Кубани*), но и династические связи - я имею в виду брак армянского царя Арташеса, в котором исследователи видят Тиридата I, с аланской принцессой Сатиник (202, с. 47, 48; 297, с. 346; 298, с. 33). Те же цели усмирения бурно вышедших на арену истории алан и восстановления нормального функционирования Прикаспийской магистрали, торговля по которой приносила огромные доходы, преследовал несостоявшийся поход императора Нерона в 68 году н.э. к Каспийским воротам - Дербентскому проходу**. Сколь велики были эти доходы можно судить по вышеприведенному замечанию Страбона и по собственно археологическим находкам.

Исследователи ныне единодушны во мнении, что многие драгоценные изделия из богатых сарматских погребений I-нач. II в. н.э. имеют бактрийское происхождение (см. напр.: 37, с. 206, 207; 123). На это указывает сходство стиля этих изделий с многочисленными находками из царских погребений Тиллятепе, на основе анализа которых В.И. Сарианиди выделил бактрийский центр златоделия (299; 300, с.135-162). Вполне допустимо, что и мидийские, и армянские купцы имели возможность приобрести для своих торговых операций с кочевниками бактрийские изделия, ценившиеся сарматской знатью. Не исключено, что часть из этих изделий полихромного стиля имеет парфян-

* К.В. Тревер предположительно связывала эту чашу и надпись на ней с Пакором (161-163 гг. н.э.) - «царем Великой Армении» на основании датировки чаши по форме, стилю и технике изготовления временем не ранее II в.н.э. (296, с. 242-245). Тем не менее эти признаки, как и сама палеография надписи (296, с. 243) позволяют отнести ее и к I в.н.э. и связывать либо с царем Парфии Пакором II (78-115 гг. н.э.), либо с царем Мидии Пакором, который, как известно, выкупил за 100 талантов жену и наложниц, попавших в плен к аланам во время их нашествия 72 г. н.э. (*Ios. Fl. Bel. Iud.*, I, 13). В.А. Кузнецов неверно связывает это событие с парфянским царем Пакором II (202, с. 46).

**Более подробно цели и направление этой неосуществившейся кампании Нерона рассматриваются в подготавливаемой автором статье на эту тему.

ское происхождение, что допускал еще М.И. Ростовцев (294, р. 41-57).

В связи с вопросом о путях поступления восточных, в том числе бактрийских, импортов в Восточную Европу нельзя не сказать о давних, сложившихся еще в раннеэллинистический и скорее в ахеменидский период непосредственных связях Центральной Азии и Кавказа. По сведениям Страбона, ссылающегося на Аристубула и Эратосфена, заимствовавших информацию из отчета Патрокла, река Окс «судоходна... и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию и через реку Кир и следующие затем местности доставляют в Евксинский Понт» (*Strabo. Geogr.*, XI, 7, 3, также см. II, 1,15). Эти сведения дополняет Плиний, правда, уже со ссылкой на другой, более поздний источник: по словам Варрона, во время кавказской кампании Помпея было выяснено, что «из Индии можно через семь дней дойти до Бактрии к реке Бактру, которая впадает в Окс. От этой [реки] по Каспию перевезенные в Кир индийские [товары] не более как в пять дней могут быть перевезены сухим путем к Фасису в Понтийском [море]» (*Plin. Nat. Hist.*, VI, 52). Не исключено, что об этом морском пути через Каспий было известно еще Геродоту (ок. 485 - ок. 430 гг. н.э.), который сообщает, что ширина моря в самом широком месте составляет восемь дней плавания на гребном судне (*Her. Hist.*, I, 203). Реальность сведений Геродота может подтверждаться, во-первых, информацией В.В. Бартольда о каспиях-кораблестроителях (и, очевидно, мореходах) (см. выше), и, во-вторых, совпадением данных Геродота о времени плавания через Каспий в широтном направлении с данными Истахри, сообщающего о пересечении моря «по ширине от Табаристана до Баб ал-аббаба за неделю», которые сопоставил, еще В.В. Бартольд и сделал предположение, «что еще в дохристианское время, как и в средние века, важнейшее поселение на западном побережье Каспия находилось поблизости от нынешнего Дербента» (301, с. 419; ср.: 392, с. 61).

Многие исследователи, специально занимавшиеся вопросом об этом водно-сухопутном пути через Окс (Аму-Дарью), Каспий в Черное море, связывавшем страны Востока и Запада, придерживаются мнения о его реальном функционировании в античный период (302, р. 488; 303, с. 153-160; 304, с. 161-180; 305, с. 377-383; см. также: 50, с. 25; 257, с. 57; 306, с. 45, 52, прим. 44; 307, с. 169, прим. 79; 308, с. 288), хотя некоторые из них и отмечают, что он не имел первенствующего значения, не замечая при этом экономической выгоды морской торговли над караванной. Основным доводом оппонентов этой точки зрения являлся казавшийся неопровержимый факт того, что Окс (Аму-Дарья) не впадал в античный период в Каспий (233, с. 43, 44; 309, с. 297-299; см. также: 316, с. 217) и сток по Узбою-древнему руслу Аму-Дарьи к сер. I тыс. до н.э. прекратился (310, с. 5-7, 23, 316-323). Однако, археологическими исследованиями 1970-х гг., вопреки существовавшему мнению, было доказано обводнение и функционирование Узбоя в VII в. до н.э. - IV в. н.э. (311, с. 556, 557; 312; 313, с. 179-197), что является важнейшим аргументом в пользу существования пути из Бактрии по Оксу (Узбою-Аму-Дарье) и Каспию к Куре, в Кавказскую Албанию.* Теперь и свидетельство китайской хроники Шицзи (127,7) о том, что в Аньси (Парфия) «по реке Гуй-шуй (общепринято Аму-Дарья - М.Г.) живут торговцы и купцы, которые и сухим путем и водою развозят свои товары по соседним владениям - даже за несколько тысяч ли» (314, с. 151), можно использовать применительно к Узбою и в дополнение к сведениям Страбона и Плиния о торговом пути по Оксу и Каспию. Важно указать и на то, что Клавдий Птолемей (*Ptol. Geogr.*, V, 11) помещает на территории Кавказской Албании у устья Куры (координаты 79° 20' и 44° 30') населенный пункт Барука (координаты 79° 20' и 44° 40'), который мог являться важным торговым центром.

* Обращает внимание и тот факт, что основные памятники древнего Хорезма сконцентрированы в низовьях Аму-Дарьи, но не севернее Нукуса, т.е. у древнего поворота Аму-Дарьи на озеро Сарыкамыш и на Узбой.

Недавно Л.А. Боровкова в противовес общепринятым мнениям предложила идентифицировать р. Гуй-шуй с Сыр-Дарьей, Аньси с Согдом, а Тяочжи с Парфией при отождествлении Тяочжи и с Босы (Персией) (366, с. 13-15, 22-24, 57, 115, 116). Исследовательница не учла при этом впадение Аму-Дарьи в античный период в Каспий. Между тем, при признании этого факта находят свои ответы вопросы, поставленные автором при анализе информации Чжан Цяня (366, с. 23, 24), и его сведения о взаиморасположении Давани (Фергана,) Большого Юечжи (союз кочевых племен), Шэньду (Индия), Дася (Греко-Бактрия), Аньси (Парфия) выступают достаточно точными, отражающими историческую реальность, что и отмечено Л.А. Боровковой (366, с. 22). Под Тяочжи, находившемся западнее Аньси (территории исторической Парфии в предгорьях Копет-Дага), можно понимать Гирканию. О впадении в Каспий р. Гуй-шуй (Аму-Дарья, Окс), по которой велась на тысячи ли водная торговля, очевидно было известно китайским хронистам. Так, Чжан Цянь в передаче Сыма Цяня сообщает: «От Давани (Фергана - М.Г.) на восток лежат владения Юйми (Керия - М.Г.) и Юйтянь (Хотан -М.Г.). К западу от Юйтянь (т.е. в Давани и соседних западных областях - М.Г.) все реки текут на запад и впадают в Западное море...» (366, с. 31). Л.А. Боровкова считает эту информацию о реках «непонятной и явно неточной» (366, с. 31). Но при учете впадения Аму-Дарьи в Каспий она отражает реальную картину и, как и другие сведения, «может служить показателем точности данных Чжан Цяня». Вместе с тем, следует признать, что в этом случае есть основания под Западным морем разуметь Каспийское море. Очевидно, это отождествление отражено и в «Хоу Хань шу», где сообщается, что чиновник Гань Ин в 97 г. «достиг [государств] прилегающих к Западному морю, и вернулся. В предыдущие века никто [так далеко] не проходил» (цит. по: 366, с. 85). Далее (в описании Аньси) в хронике уточняется, что Гань Ин, пройдя Аньси (Парфию), дошел

до Тяочжи (Гиркания) и хотел переправиться через Западное море в Да Цинь (Римская империя), но узнал о трудностях пути через море (366, с. 85). Из этого следует, что Западное море омывало Тяочжи (Гирканию) и находилось недалеко от границы Аньси (Парфия), что в свою очередь и позволяет отождествить это море с Каспием. В этом сообщении и в информации о дальних плаваниях по р. Гуй-шуй, восходящей к Чжан Цяню, очевидно, следует видеть водный путь из Центральной Азии по Аму-Дарье (Оксу) и Каспию на запад, через Кавказ и Понт в Римскую империю, который был известен в это же время и античным авторам.

С функционированием международного пути из Каспийского моря по Куру и Риони (Фасису) в Черное море некоторые исследователи склонны связывать распространение в бассейне Куры с эллинистического времени кувшинных погребений (19, с. 85; 219, с. 127), представляющих несомненно южную диффузию в Закавказье.

Приводимые Страбона сведения позволяют считать, что по Каспийскому морю осуществлялось как каботажное, так и открытое плавание. Слова Страбона о том, что «согласно Эратосфену, известный грекам путь вокруг этого моря вдоль берегов албанцев и кадусиев составляет 5400 стадий, а вдоль берегов анариаков, мардов и гирканов вплоть до устья Окса - 4800 стадий...» (*Strabo. Geogr.*, XI, 6,1), можно расценивать как указание на прибрежное плавание. Пред-

* Использование С.Н. Муравьевым этих данных Страбона о расстояниях в подтверждение своей гипотезы о высоком уровне Каспия в античный период и реконструкции Птолемеевой карты Кавказской Албании (349, с. 117-147; 350; 351, с. 74-84) некорректно по нескольким причинам. Во-первых, Страбон прямо указывает, что эти сообщения о расстояниях «не следует понимать слишком точно» (*Strabo. Geogr.*, XI, 6,1). Во-вторых, отправные данные, восходящие к Патроклу, судя по замечанию Страбона (*Strabo. Geogr.*, XI, 11,5), привелись в его отчете в парасангах, которые и Эратосфен, и Страбон затруднились точно перевести в стадии: Страбон придерживался, судя по тексту (ср.: *Strabo. Geogr.*, XI, 6,1, XI, 11,5), соответствия 1 парасанг = 30 стадий, отмечая, что другие определяют его и в 40, и в 80 стадий. И наконец, в - третьих, уровень Каспийского моря в это время характеризовался александрбайской регрессией и уллучайской трансгрессией до -23 м абс. (с флюктуационными изменениями в пределах - 34/-23 м абс.) (352, с. 85, 86; 367, с. 62-68, табл. 7, 14,15, рис. 13,20,22), что находит

ложением выше, он же сообщает о ширине Каспия, достигающей около 5000 стадиев*, что косвенно, как и вышеприведенная информация Геродота, свидетельствует и об открытом плавании. Первое, как менее опасное, но более длительное, возможно, являлось преимущественным, хотя выбор того или иного вида судоходства мог зависеть как от сезона навигации, климатических условий, так и от целей, маршрута предпринимаемого мореплавания (напр., заход в промежуточные стоянки и т.п.). Исходя из погодных условий на Каспийском море, сезоном активной навигации мог быть период с апреля по август (348, с. 93).

Говоря о каспийской торговле и мореплавании следует привести и сообщение Аммиана Марцеллина о Гиркании: «... многие живут здесь также и морской торговлей... Кроме многих незначительных городов, гирканы имеют два значительных, расположенных на берегу моря: Саканда и Сараманна» (*Amm. Marc. Hist.*, XXIII, 6, 51-52). Хотя это известие позднеримского историка относится к сер. IV в., оно может быть приложимо и к предшествующему времени: отмеченный город Сараманна определенно сопоставляется с Самарианой Страбона, упомянутой в числе "значительных городов" Гиркании (*Strabo. Geogr.*, XI, 7,2). Естественно полагать, что названные наиболее крупные, приморские города Гиркании вели морскую торговлю не только (и, очевидно, не столько) по южному побережью Каспия, но и с более отдаленными прикаспийскими областями, как на восточном, так и на западном побережьях.

Можно полагать, что какое-то время (после экспедиции Патрокла и до 170-150-х гг. до н.э.) важная роль в морской транспортировке торговых грузов отводилась селевкидской флотилии, действовавшей на Каспийском море (98, с. 94). К сожалению, ничего не известно о флоте парфян,

и археологическое подтверждение - это, в частности, Львовские курганные группы среднесарматского и позднесарматского времени в Терско-Сулакском междуречье, расположенные на отметках -19/-22 м абс. и не заходящие ниже -23 м абс., и поселения и могильники Келькор античного времени (IV - II вв. до н.э. - II-III вв. н.э.) в низовьях Узбоя (313, с. 113-119).

мидийцев или гирканцев на Каспии. Приведенное же выше сообщение китайской хроники, как и сведения Страбона, Плиния и Аммиана Марцелина подразумевают наличие торговых судов. Заметную роль, как в сухопутной караванной торговле аорсов, мидян и армян, так и в морской торговле из Средней Азии на Кавказ, должны были играть каспии, населявшие территории западного Прикаспия, включая низовья Куры (Каспиана античных авторов, Каспк древнеармянских писателей)* (97, с. 10), давшие название не только морю, но и самому Прикаспийскому пути (*Caspia via*) и важнейшему пункту на нем (*claustra Caspiarum*, *Caspia porta*).** Обе торговые трассы проходили через «страну каспиев», которые по свидетельству Клавдия Элиана (кон. II - нач. III в. н.э.), восходящему, как считают исследователи, к Аминте (кон. IV в. до н.э.), также вели караванную торговлю с использованием верблюдов, и верблюдоводство и рыболовство имели у них важное хозяйственное значение (*Ael. De anim.*, XVII, 32).*** В этом аспекте важно и упоминание в арамейских папирусах каспиев-кораблестроителей, бывших, очевидно, и хорошими мореходами, что опосредованно может подтверждать их участие в индо-бактро-кавказской торговле через Каспий (97, с.10).

В контексте торговой деятельности каспиев можно рассматривать появление этнопонимов Каспи - на левобережье р. Куры, недалеко от Мцхеты, и Казвин**** - на

* Некоторые античные (Страбон, Помпоний Мела, Дионисий Периегет) и древнеармянские авторы (Агатангелос, «Ашхарацуйц») помещают каспиев, в отличие от традиционной локализации их на юго-западном побережье Каспия, к востоку и северо-востоку от албанов.

** Античные авторы под Каспийскими воротами понимали перевал (очевидно, Гедук) в горах Эльбурса и Дербентский проход. Использование этих названий для обозначения Дарьяла и пути через него (*Tac. Hist.*, I,6; *Tac. Ann.*, VI, 33) явное недоразумение, на необходимость исправления которого указал еще Плиний (*Plin. Nat. Hist.*, VI, 15).

*** Эта информация Элиана о каспиях, содержащаяся в данном и следующем параграфах, возможно, отражает реалии его времени, т.к. основана на устном источнике - Элиан начинает этот раздел словами: «Я слышал, что...». В другом параграфе (XVII,17) источником сведений о каспиях для него послужил Аминта.

**** О связи названия города Казвин с этнонимом каспии см.: 393, S.18.

территории исторической Мидии, близ Нехавенда (где твердо локализуется селевкидский город Лаодикея - 394, с. 123-125), а также оценивать информацию Геродота, помещающего каспиев как в юго-западной части Прикаспия, в XI сатрапии Ахеменидской державы, так и вместе с саками (среднеазиатскими скифами) в XV сатрапии (*Her. Hist.*, III, 92-93), которая приоритетно локализуется в юго-восточном Прикаспии, в районе Узбоя (366, с. 43-46, там же анализ мнений).

Наконец, рассматривая вопрос участия и роли каспиев в кавказско-центральноазиатских связях, заманчиво видеть их имя в названии упоминаемого Гекатеем Милетским (ок. 550-ок. 480 гг. до н.э.) (*Hecatei.*, fr. 295) и Геродотом (*Her. Hist.*, III, 102, IV, 44) города Каспапир (Каспатир) в Гандарике - Гандхаре (по Геродоту - в Пактике) у границы с Бактрией (97, с. 9; 395, с. 2270). Сведения о нем были почерпнуты древнегреческими авторами из недошедшего до нас сочинения карийца Скилака из Карианды, совершившего в 517/518 г. до н.э. по распоряжению Дария I (522-486 гг. до н.э.) экспедицию по р. Инд (396, р. 212). К нему же восходит, как считают исследователи, описание водно-сухопутного пути от понтийского города Амиса к Фасису, далее по Киру (Куре) к Каспию, затем в Мидию, Гирканию, Парфию, Хорезм, Бактрию, Гандхару и оттуда, от города Каспапира, по Инду в Индийский океан, к южной Аравии и в Красное море (265, с. 69; 392, с. 57-62; 397, с. 85, 86, 102, там же библиография).

По Геродоту, Каспапир являлся «главным городом» Пактики (III, 102), отсюда на кораблях Скилак и его спутники поплыли «вниз по реке до моря» (IV, 44). Портовое значение города отмечает и Гекатей, выразительно называя его «берегом скифов» (fr. 295). Заметим, что экспедиция Скилака предшествовала завоеванию Индии Дарием I (396, р. 145; 398, с. 108) и, очевидно, можно не сомневаться в том, что Каспапир являлся важным торговым и военно-стратегическим пунктом на крайнем востоке державы

Ахеменидов.

В древнеиндийских источниках греч. *Kasparugos*, по всей видимости, соответствует *Kasyarapura* (399, р. 196, 197), название которого можно этимологизировать как «город каспиев» (инд. *pura* «город»), если только в этом ойкониме не заложено имя древнего брахманского рода «кашьяпа» («черепеха»).

Возможная связь этнонима *kaspioi* с рассматриваемым топонимом не должна вызывать удивления. Учитывая участие каспиев в ахеменидской армии, существование их колоний в Египте (Мемфис, Элефантина), а также проводившуюся Ахеменидами активную политику массовых переселений и депортаций порой целых племен и в самые противоположные концы государства (400, с. 280-302), вполне вероятно появление военных гарнизонов и поселений, торгово-производственных факторий каспиев в стратегически важных окраинных провинциях древнеиранской державы - в сатрапиях Сака и Гандхара. Это и могло дать повод для включения каспиев - переселенцев в список податного населения XV сатрапии Сака и для названия их именем одного из оплотов ахеменидской власти на восточной границе государства. Эти не лишённые, на мой взгляд, оснований предположения, возможно, в будущем найдут более веские аргументы.

Центральноазиатско-кавказские торговые связи, очевидно, осуществлялись и сухопутным путем по Великому шелковому пути через Гекатомпилы, Раги и далее в Экбатаны, являвшиеся крупнейшим торговым центром и к которым выводил в итоге Прикаспийский путь, как об этом можно судить на основании сообщения Элиана о караванной торговле каспиев с Экбатанами (*Ael. De anim.*, XVII, 32). В этой связи напомним, что монетный двор Экбатан являлся и основным поставщиком парфянских драхм в Кавказскую Албанию.

Другой сухопутный путь, связывавший Центральную Азию с Кавказом, вел из Гекатомпил через Каспийские

ворота (в данном случае, перевал Гедук) в Гирканию и далее вдоль южного и юго-восточного побережья Каспия, смыкаясь с Прикаспийской трассой, к устью Куры, где находился, согласно Птолемию, албанский город (?) Барука*. Этот циркумкаспийский путь описывает Страбон со ссылкой на Эратосфена и итинерарий Аминты «Список азиатских станций» (XI, 8,9; см. также XV, 2,8, II, 1,3 II, 1, 11).

О контактах с Бактрией свидетельствуют вышеописанная костяная статуэтка из Дербента, кушанские монеты Васудевы и Канишки (?) первых вв. н.э. из Дагестана, монеты бактрийских царей, обнаруженные в Иберии (315, с. 10, N 319; 316, с. 41, 64, 65, N 79) и Албании (82, с. 157; 111, с. 27; 354, с. 106-109). Последние происходят из известного Кабалинского клада и представлены тетрадрахмами Диодота I (256-247 гг. до н.э.) и Евкратиды (171-155 гг. до н.э.). Не исключено, что бактрийское происхождение имеют небольшая, отчающаяся реализмом изображения и являющаяся прекрасным образцом восточно-эллинстической глиптики скульптурная женская головка (напоминающая чертами лица лютнисток халчаянского и айртамского фриз) из халцедона, найденная в Южном Дагестане (82, с. 168), и серебряная чаша со сценой терзания оленя грифоном, выявленная в катакомбном погребении Топраккалы в Кахском районе Азербайджана (137, с. 48-53, рис. 6, табл. XI; 318, с. 70-73). Следует заметить также, что исследователи допускают поступление античных изделий, египетских фаянсов на территорию Средней Азии и из Северного Причерноморья как по караванным континентальным дорогам, так и через Каспий (50, с. 25, 26). Важно, что находки фаянсовых (и стеклянных) подвесок и бус имеются на Узбое (313, с. 41-56, 60-68, 76-81, 85-90, 98). Здесь же, в самых низовьях Узбоя в могильнике Келькор 2 (погр.6) найдена бронзовая фибула боспорского типа (313,

* С данным топонимом возможно связаны имя племени барканиев Ктесия (Ctes., fr. 9) - париканиев Геродота (Her. Hist., III, 93, VII, 68, VII, 86), являвшихся соседями каспиев и входивших в сатрапию Мидия, и авестийский теоним Parika (97, с. 16).

с. 118, рис. 40,7), а в культовом комплексе Ичанлы-депе (V-II вв. до н.э.) керамика переднеазиатского и закавказского облика (313, с. 130-133, 135; 353, с. 39,42).

* * *

Тесные торгово-экономические и культурные связи древнее население Дагестана поддерживало и со своими ближайшими соседями - племенами и народам Закавказья и Северного Кавказа. Исследователями неоднократно отмечалась близость на протяжении многих веков (в том числе и в албано-сарматский и раннесредневековый периоды) материальной и духовной культуры населения Дагестана с албанскими племенами Северного (в особенности, Северо-Восточного) Азербайджана, с одной стороны, и с древними насельниками Юго-Восточной Чечни, отразившая не только длительные разносторонние контакты, но и их этнокультурную общность. Большая роль в этих связях отводилась освоенным веками многочисленным перевальным путям, пересекавшим Главный Кавказский хребет и его отроги на высоте 2000-3000 м. Это: перевалы Харамя (2177 м), Речол, ведущие из бассейна р. Андийское Койсу через Андийский хребет в Юго-Восточную Чечню (Ичкерия); перевалы Кодорский (2184 м), Мачхал-Россо (2865 м), Мхол-Россо (2962 м), Гумилевский (2892 м), Диндидагский (2992 м), Цудурский (2822 м), Сарыбашский (2657 м), связывавшие Горный Дагестан с Алазанской долиной, с историческими областями Кавказской Албании и Иберии-Картли; перевалы Салаватский (2852 м), Гдымский (2906 м), Фийский (3104 м), Малкамуд, Базар-юрт, Хиналугский, Бумский (Шахдагский), Бабадаг, соединявшие Южный Дагестан с центральными областями Кавказской Албании (251, с. 152-155; 319, с. 29; 320, с. 48, 49; 321, с. 10-17).

Ярким примером торгово-культурных контактов Дагестана с Грузией (Иберией) в первых веках н.э. является кровельная черепица (солены и калиптеры), обнаруженная

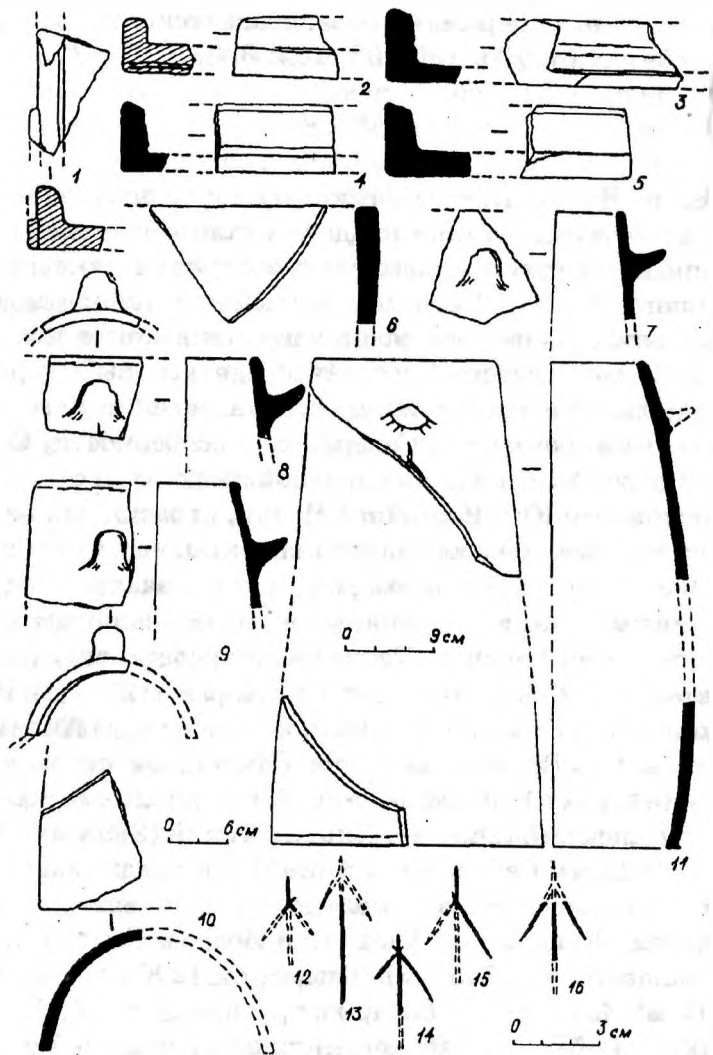

Рис. 16. Черепица из Андрейаульского городища (1-5 - солены; 6-11-калиптеры; 12-16 - знаки на калиптерах).

при раскопах на цитадели Андрейаульского городища (322, с. 116; 323, с. 147-149, рис. 55)* - пока единственном на территории Дагестана памятнике, где выявлена античная черепица.

Андрейаульская черепица (рис. 16) по своим технико-технологическим характеристикам, конструктивным деталям, оформлению внешней поверхности имеет ближайшие аналогии с черепицей Иберии-Картли первых вв. н.э. (219, с. 79-96; 327, с. 7,8,19,22). Особенно ярко это сходство наблюдается при сравнении калиптеров - такая конструктивная особенность, как отросток-выступ, является характерной и отличительной чертой позднеантичной иберийской черепицы. В незначительном количестве этот тип представлен и на территории Кавказской Албании в слоях первых вв. н.э. городища Кабалы и на поселении Шыхдерекеlesi (82, с. 81, 82; 328; 329, с. 195, 196, рис. 8; 330, с. 25; 331, с. 19). Существенно, что на последнем памятнике данная черепица найдена вместе с соленами мцхетского типа. Укажем также, что среди андрейаульских соленов имеется фрагмент с боковым наклепным упором (рис. 16,1) - признак, характерный для иберийской черепицы указанного времени.**

Калиптеры Андрейаульского городища объединяет с калиптерами Иберии-Картли и наличие на отдельных экземплярах врезных меток, нанесенных чуть ниже отростка-выступа (219, с. 104; 327, с. 20; 332, с. 119, рис. 54). Примечательно, что на андрейаульской черепице, как и на грузинской, представлены метки-знаки в виде стрелки.

Вышесказанное позволяет, на мой взгляд, считать, что черепица, выявленная на Андрейаульском городище, является импортом из позднеантичной Иберии-Картли.

* Автор выражает благодарность проф. Магомедову М.Г. за разрешение использовать материалы раскопок Андрейаульского городища.

** Пользуясь случаем, благодарю к.и.н. М.С. Дзенадзе за предоставленные консультации, возможность ознакомиться с мцхетской черепицей и материалами его исследований.

Исследователи обоснованно рассматривают черепицу античной Грузии, как продукцию царских мастерских или мастерских крупных рабовладельцев. И в этом аспекте факт импорта иберийской черепицы в Северный Дагестан можно оценивать как эпизод торговых отношений на высоком социальном уровне. В этой связи существенным моментом является то, что андрейаульская черепица обнаружена на территории цитадели и перекрывала здание, очевидно, принадлежащее не рядовому горожанину, а представителю местной аристократии или имевшее общественный характер. В качестве параллели отметим, что в античных Иберии и Албании черепица использовалась для покрытия кровли государственных, общественных сооружений, домов высшей знати (219, с. 95-99; 327, с. 11; 333, с. 7-9). Важен и сам факт того, что в данном случае предметом этих связей является не иноземная роскошь, не изделия ювелирного искусства, а строительный материал, хотя и представлявший немалую ценность. Не лишены основаниями, на наш взгляд, будут и выводы о влиянии античной грузинской архитектуры (323, с. 149*) и об определенном подражании в домостроении, быте местной знати высшей аристократии Закавказья.

Не исключено, что на Андрейаульском городище было освоено в подражание импортным образцам и местное производство черепицы, но по обычной для территории Северного Дагестана технологии гончарства. Поводом для этого предположения являются многочисленные обломки керамических изделий, изготовленных ленточным способом, светло-серого цвета, цилиндрической и усеченно-конической формы диаметром** 14-22 см, которые пред-

*Автор приурочивает это влияние к хазарской эпохе, которой и датирует андрейаульскую черепицу. При этом исследователь некорректно замечает, что подобную черепицу «относят к раннесредневековому времени», ссылаясь на работу А.М. Апакидзе, в которой речь идет о позднеантичной черепице.

**Судя по опубликованным материалам представленные фрагменты этих изделий не превышают полудиаметра восстанавливаемой формы, что позволяет предполагать, что они имели форму полуцилиндра. К сожалению, ничего мы не можем сказать о продольном (вертикальном) крае (срезе) этих изделий, которые должны быть обработаны (срезаны, заглажены), если только это фрагменты калиптер.

положительно принимались исследователями за фрагменты котлов или водопроводных труб (344, с. 273, рис. 2). Существенно, что в отличие от котлов у них заглаживалась только наружная поверхность, а края или срезались горизонтально (у 67%), или формовались пальцевыми вмятинами. Оба эти признака сближают их с калиптерами. Также важно заметить, что если в нижнем слое (I-III вв.) они составляют лишь 9,5%, то в среднем (IV-VI вв.) приобретают массовый характер, составляя 89% от общего количества фрагментов этой категории изделий (344, с. 274). В этом факте, очевидно, нашел отражение процесс появления и последующего распространения местного производства черепицы, если только наше предположение о назначении этих изделий верно.

Весьма важен вопрос о причинах и факторах появления и путях проникновения иберийской черепицы в Северный Дагестан. Прежде всего следует отметить, что появление в этом регионе такого специфического вида импорта как черепица*, можно рассматривать как результат установившихся тесных торгово-культурных контактов Андрейаульского городища с городскими центрами Иберии-Картли в первые века н.э. Этот период - время расцвета Иберийского государства, активного развития всех сфер его экономики, включая торговлю. И в торговые интересы Иберии несомненно был включен и Северный Кавказ.

Вместе с тем это время энергичной внешнеполитической деятельности восточногрузинских правителей, которые в достижении своих политических целей в Закавказье нередко прибегали к военной помощи сарматских племен, а именно, алан, ставших с сер. I в.н.э. господствующей военно-политической силой Юго-Восточной Европы. Выше

* Античные государства Северного и Восточного Причерноморья, несмотря на наличие местного черепичного производства, в тоже время побочно (в качестве корабельного балласта) импортировали черепицу из малоазийских, южнопричерноморских, восточно-средиземноморских центров. Вместе с тем исследователи отмечали, что античная Грузия не являлась экспортером черепицы. Однако находки безусловно иберийской черепицы на Андрейаульском городище опровергают это мнение.

уже отмечалось, что военно-политические акции Иберии (и алан), предпринятые в I-II вв. н.э. против Албании, Армении, Мидии также преследовали целью установление своего контроля на важнейшей международной Прикаспийской трассе. Не исключено, что к этим акциям с участием алан имели сопричастность и аборигенные племена Северного Кавказа, в том числе и Северного Дагестана: по данным Хоренаци и «Картлис Цховреба» в них участвовали леки, дидойцы, дурдзуки, джики.

Предположение об участии северо-дагестанских кочевников тем более вероятно, что Львовские курганные могильники, расположенные в Терско-Сулакском междуречье и фиксирующие продвижение в равнинную зону Северного Дагестана на рубеже I-II вв. значительной массы сарматских племен, этнически определяются исследователями как аланские (см. выше). К этому можно добавить, что, как указывалось ранее, богатые подкурганные захоронения II-III вв. н.э. в крупных прямоугольных ямах с деревянными конструкциями, открытые на некрополе Андрейаульского городища и принадлежащие местной знати, тяготеют к погребениям кочевнической знати Нижнего Дона втор. пол. I-перв. пол. II в.н.э., отождествляемым многими исследователями с памятниками, оставленными аланами. Сказанное, на мой взгляд, допускает участие северодагестанских алан и, возможно, каких-то местных племен в военно-политических акциях иберийских царей и позволяет считать, что Северный Дагестан и его узловый административно-политический и торгово-ремесленный центр - Андрейаульское городище находились в сфере политических и торгово-экономических интересов Иберии - Картли.

Так можно истолковать присутствие на Андрейаульском городище черепицы иберийского производства. О контактах этого раннегородского центра с Иберией, возможно,

свидетельствуют обнаруженные здесь вышеописанная печать с изображением коня и монета Бар-Кохбы, памятуя о еврейской общине в Мцхете (219, с. 199-201, 274).*

Андрейаульское городище, расположенное в долине р. Акташ на границе предгорий и равнины, находилось на пересечении Прикаспийского пути и дороги, ведущей в Горный Дагестан. Последняя вела по бассейну р. Акташ к перевалу Хари-Гавуртай (2229 м) на стыке хребтов Андийского и Салатау и далее в бассейн р. Андийское Койсу. Отсюда дорога шла в верховья Андийского Койсу, истоки которой расположены на территории расселения тушин (общепринято *туски* античных авторов), и по ее правому притоку - р. Митлуда - в зону проживания дидойцев-цезов (общепринято *дидуры* античных источников) и к Кодорскому перевалу (2357 м), выводящему в Алазанскую долину - в исторические области Иберии и Кавказской Албании.

Здесь уместно остановиться на вопросе идентификации Кодорского перевала с одним из упомянутых у античных авторов кавказских проходов, а именно с Сарматскими воротами (*Sarmaticae portae*) Клавдия Птолемея. Исследователи специально не рассматривали этот вопрос, полагая ответ на него достаточно прозрачным и обычно отождествляя их с Дарьяльским ущельем. Но некоторые считали возможным идентификацию птолемеяевых Сарматских ворот (*Ptol. Geogr., V, 8, 5*) с Кодорским перевалом, хотя и без должных доводов (напр., 233, с. 173; 335, с. 149).

Между тем вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что Клавдию Птолемею были известны двое Сарматских ворот. Первые, западные, расположенные в Кавказских горах (Главный Кавказский хребет), имеют координаты $77^{\circ}: 47^{\circ}$ (*Ptol. Geogr., V, 8, 5*). В этой же точке, по Птолемею, сходятся границы Иберии, Албании и Азиатской Сарматии (*Ptol. Geogr., V, 8, 5, V, 10, 1*). Эти ворота можно идентифицировать с Дарьялом, несмотря на определенное

* Исследователи резонно предполагают появление групп евреев в Мцхете уже в сер. II в. до н.э., а затем - после разрушения Иерусалима императором Титом в 70 г. н.э. (380, с. 412).

их удаление от действительной исторической границы Албании (ее северозападных провинций Камбисены-Камбечан и Лпинии) и Иберии, проходившей в междуречье Алазани, Иори и Куры (336, с. 27-30; 337).

Вторые ворота с аналогичным названием, по Птолемею, располагались восточнее, на стыке Кавказских и Керавнских гор в точке с координатами $81^{\circ}:48^{\circ}30'$ (*Ptol. Geogr.*, V, 8, 9). Под последними горами традиционно понимаются северные отроги Большого Кавказа (265, с. 152, 154). При более близком отождествлении Керавнских гор наблюдаются некоторые расхождения во мнениях исследователей, но в целом они единодушны, идентифицируя их с северо-восточными отрогами Главного Кавказского хребта (223, с. 194, прим. 1; 338, S. 1303-1306; 339, с. 324; 340, с. 97; 341, с. 83). При этом большинство ученых обоснованно видит в них Андийский хребет (336, с. 33, 34; 342, с. 63; 343, с. 62; 334, с. 13, 14). Мы присоединяемся к этой точке зрения и считаем, что под Керавнскими горами Клавдия Птолемея, Страбона (*Strabo. Geogr.*, XI, 4, 1, XI, 5, 1), Плиния (*Plin. Nat. Hist.*, VI, 20), Помпония Мелы (*Pomp. Mela. Chron.*, I, 109, III, 39) следует понимать вытянутые к северо-востоку (как и на карте Птолемея*) горные массивы и хребты Северо-Восточного Кавказа (включая и Богосский хребет) и конкретнее Снеговой (Диклос-Мта) хребет и его продолжения - хребты Андийский и Салатау. Здесь, на стыке Кавказских и Керавнских гор и следует локализовать восточные Сарматские ворота Птолемея. Допустимо в них видеть перевал Харамя, связывающий Дагестан и Юго-Восточную Чечню на разрыве Снегового и Андийского хребтов, как полагает А.А.Акопян (336, с. 34). Но весьма существенен тот факт, что Клавдий Птолемей там же, на границе гор Кавказа и Керавна, помещает кавказские племена тушин и дидойцев-цезов: «между горою Кавказом и Керавнскими горами [обитают] туски и дидуры» (*Ptol. Geogr.*, V, 8, 17-25). Это указание греческого географа, как

* По Птолемею Кавказские горы имеют крайними пределами координаты $75^{\circ}:47^{\circ}$ и $85^{\circ}:48^{\circ}$, Керавнские же - $82^{\circ}30':49^{\circ}30'$ и $84^{\circ}:52^{\circ}$, т. е. вторая горная система по отношению к первой, вытянутой в широтном направлении, имеет северо-восточное расположение и направление.

представляется, не оставляет сомнений в идентификации восточных птолемеевых Сарматских ворот с Кодорским перевалом, расположенным в зоне расселения современных дидойцев-цезов и вместе с тем служит важнейшим аргументом для локализации Керавнских гор.

Вместе с тем, привязка Керавнских гор - рубежа между Азиатской Сарматией и Кавказской Албанией (*Ptol. Geogr.*, V, 8, 9; *Strabo. Geogr.*, XI, 4, 1) - к Северо-Восточным отрогам Кавказа выступает существенным доводом в пользу сторонников идентификации птолемеевой Соаны, являвшейся пограничной рекой Сарматии и Албании (*Ptol. Geogr.*, V, 8, 5, V, 11, 1), с Сулаком.

Обратим также внимание на то, что известное античным авторам наименование современных дидойцев-цезов *didury* (*diduri*) (*Ptol. Geogr.*, V, 8, 17-25; *Plin. Nat. Hist.*, VI, 29) имеет грузинизированную форму, что, с одной стороны, указывает на исходный источник информации, а, с другой, может расцениваться как свидетельство контактов грузинских и дагестанских племен.

Вышесказанное, таким образом, свидетельствует о функционировании в рассматриваемую эпоху транскавказского пути через Кодорский перевал. Возможно, именно этой дорогой, а не окружными путями через Дарьяльское ущелье или Дербентский проход, поступила описанная иберийская черепица в важнейший центр Северного Дагестана - Андрейаульское городище. Через Кодорский или один из соседних перевалов, вероятно, попал в Алазанскую долину обнаруженный в погребении I в. до н. э. ялойлутепинского (алазанского) могильника близ сел. Сакобо (Лагодехский район Грузии) пояс с бронзовой прямоугольной ажурно-барельефной двустворчатой пряжкой (345, с. 136, 137, рис. 15), хорошо известной по материалам Западного Дагестана и Юго-Восточной Чечни (24, с. 74, 75, табл. XVIII, 17; 346, с. 35-43). Следует сказать, что взаимоконтактам древнего населения высокогорной зоны Северо-Восточного Кавказа, прилегающих склонов Большого Кавказа и Алазанской долины содействовало их этническое родство (337). Эти контакты были обусловлены также самой жизненной необ-

ходимостью горно-равнинных хозяйственно-экономических связей, взаимодействия различных ландшафтно-районированных хозяйственно-культурных типов. И многочисленные складывавшиеся веками перевальные пути, пересекавшие высокогорный альпийский пояс, играли важную роль в экономической, политической, культурной жизни племен Восточного Кавказа.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные материалы показывают важную роль внутренней и внешней торговли в экономике Дагестана, в социально-экономическом развитии региона в албано-сарматский период. Росту значимости и расширению торговли, вышедшей за пределы простого межплеменного обмена, в огромной мере способствовали находящиеся на достаточно высоком уровне ведущие ремесла и отрасли сельского хозяйства, интенсивно развивавшиеся в данный период и обладавшие основными чертами товарного производства. В свою очередь, приобретшие регулярный характер торговые связи, сложившиеся рынки сбыта становились эффективным фактором воздействия на экономику региона, на дальнейшее развитие ее основных производящих отраслей.

Включение Дагестана с эллинистического времени в орбиту систематических международных торгово-экономических и культурных контактов, с одной стороны, с высокоразвитыми странами античного мира, с другой, с кочевыми обитателями Юго-Восточной Европы стало важной движущей силой процесса исторического и социально-экономического развития региона. Интенсивное развитие на рубеже эры и, в особенности, в первые века н. э. этих контактов, местного ремесленного и сельскохозяйственного производства находилось в контексте общего значительного экономического подъема на всем Востоке, роста эллинистическо-варварской торговли в этот период. Одним из проявлений и факторов этого развития явилось усиление функционирования и значимости Прикаспийского пути, связывавшего Юго-Восточную Европу и Переднюю Азию и ставшего важной международной трассой. Дагестан и в целом Восточный Кавказ становятся «перекрестком цивилизаций», перекрестком интенсивных разносторонних и разнохарактерных связей Востока и Запада, Севера и Юга. Активизация международной транзитной торговли вдоль западного побережья Каспия стимулировала вовлечение

местного, как равнинного, так и горного населения в международный товарообмен, появление и расширение местных рынков сбыта, новых поселений, способствовала формированию и развитию ранних городов, становившихся торговыми и ремесленными центрами. В свою очередь, возникавшие вдоль трассы торговые транзитные пункты благоприятно воздействовали на последующие развитие и упрочение международной прикаспийской торговли, на укрепление горно-равнинных хозяйственно-экономических связей.

Вместе с тем, международная прикаспийская торговля играла и важную роль средства распространения культурных достижений. И появление на территории Дагестана в албано-сарматский период не только многих видов украшений, предметов быта, одежды, вооружения и т. п., но и важнейших и прогрессивных для своего времени орудий труда, средств производства, таких как ручная мельница, гончарный круг, двухъярусная гончарная печь, новых технологий было результатом установившихся тесных торгово-культурных контактов. Плодом этих связей явилась и определенная интеграция в сфере материальной и духовной культуры населения Дагестана с соседними народами и племенами.

В условиях интенсификации и территориального размаха торговли в рассматриваемый период можно говорить о все возрастающей в местном обществе специализации торговли, как особого вида деятельности и, как следствие, о появлении новой социальной прослойки торговцев-посредников. Положение же о существовании в Дагестане в албано-сарматскую эпоху торгово-ремесленной знати (347, с. 32) представляется преувеличенным, не соответствующим существовавшему уровню развития торговли и ремесла, в целом уровню социально-экономического развития дагестанского сообщества. Вместе с тем, опираясь на находки импортных изделий, выступающих наряду с другими предметами социально маркирующими индикаторами, в

погребениях местных социальных верхов, а также на сравнительно-исторические данные, можно полагать, что международная торговля осуществлялась и контролировалась представителями местной аристократии.

На основании имеющихся нумизматических данных наличие некоторого денежного обращения в рассматриваемое время с определенными оговорками можно констатировать для равнинно-предгорной территории Южного Дагестана. Товарно-денежные отношения в их монетной форме были очень слабо развиты и экономические связи осуществлялись посредством меновой торговли. На уровне умозрительных, логически вытекающих заключений можно говорить, что в этот период выделился, определился ряд товаров, выступавших мерой стоимости, т. е. выполнявших функцию денег. Некоторые дагестанские исторические и этнографические данные позволяют полагать, что роль всеобщего эквивалента могли выполнять, прежде всего, зерно и скот - основные продукты двух ведущих, товарных отраслей экономики. Не исключено, что этой функцией обладали и распространенные виды украшений, прежде всего, бусы.

Усиленно развивавшиеся в албано-сарматский период, особенно в первых веках н. э., ремесленное и сельскохозяйственное производство, внутренняя и внешняя торговля находились в тесном взаимодействии и определяли экономическую структуру и поступательное движение местного общества. Многоотраслевая, развивающаяся экономика вела к существенным демографическим сдвигам, небывалому ранее количественному росту поселений, являлась важнейшим фактором глубоких социальных изменений и возникновения качественно нового общественного явления, нового общественного организма - города, обусловила прогрессивное движение дагестанского общества и его переход «от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949.
2. *Лордкипанидзе Г.А.* О домонетной форме денежного обращения в Колхиде //Нумизматический сборник. Посвящ. памяти Д.Г.Капанидзе. Тбилиси, 1977.
3. *Марковин В.И.* Об использовании оловянного камня на Северном Кавказе в древности //Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам экспедиц. исследований Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992-1993 гг. Махачкала, 1994.
4. *Косяненко В.М.* Бронзовые зеркала из некрополя Кобякова городища (к вопросу об их кавказском происхождении) //Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1988.
5. *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР //САИ. 1966. вып. Д1-30.
6. *Крупнов Е.И.* Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. 1951. N 23.
7. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. //МИА. 1951. N 23.
8. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент //МАД. Махачкала, 1961. Т. II.
9. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
10. *Пятых Г.Г.* Отчет о раскопках в низовьях р. Сулак в 1986 г. //РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
11. *Пятых Г.Г.* Отчет о работах в 1987 г. //РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
12. *Пятых Г.Г., Красильников К.И.* Отчет о работах в 1988 г. //РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.

13. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган //Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

14. *Барцева Т.Б.* Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке //СА. 1974. N 1.

15. *Барцева Т.Б.* Итоги изучения цветного металла Чегемского кургана //Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2.

16. *Котович В.Г.* Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ/РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26.

17. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник //Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.

18. *Щукин М.Б.* Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры //СА. 1989. N 3.

19. *Халилов Дж. А.* Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. - III в. н. э.). Баку, 1985.

20. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV в. н. э.). М., 1993.

21. *Синицын И.В., Эрдниева У.Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963 гг.). Элиста, 1966.

22. *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

23. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

24. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.

25. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник //МАД. Махачкала, 1961. Т. II.

26. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

27. *Кудрявцев А.А.* Дербентский могильник //Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

28. *Апакидзе А.М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А.* Мцхета. Итоги археологических исследований. Тбилиси, 1958. Т. 1.

29. *Путуридзе Р.В.* Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии // МАГК. Тбилиси, 1959. Т. 1.

30. *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии: Погребальный обряд. М., 1984.

31. *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.

32. *Алексеева Е.И.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1982. Вып. Г1-12. Т. 3.

33. *Острроверхов А.С.* Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. N 3.

34. Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

35. *Алексеева Е.И.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г1-12. Т. 1.

36. *Алексеева Е.И.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1-12. Т. 2.

37. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

38. *Абрамова М.П.* Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972.

39. *Абрамова М.П.* Подкумский могильник. М., 1986.

40. *Керефов Б.М.* Чечемский курган-кладбище // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2.

41. *Хачатрян Ж.Д.* Гарни V. Ереван, 1976.

42. *Иващенко М.М.* Самтаврские погребения первых трех веков н. э. // Мцхета: Результаты археологических исследований. Тбилиси, 1980. Т. III.

43. *Салихов Б.М.* Новый археологический памятник Кайтага // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1990.

44. *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.

45. *Федоров Г.С.* Случайные археологические находки из Карабудахкента // МАД. Махачкала, 1973. Т. III.

46. *Гаджиев М.С.* Погребальный комплекс II-III вв. на поселении Ганзир (Табасаран) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала 1991.

47. *Давудов О.М.* Гробница из сел. Ираги // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.

48. *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

49. *Аракелян Б.Н.* Гарни I. Результаты археологических раскопок 1949-1950 гг. Ереван, 1951.

50. *Шеркова Т.А.* Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). М., 1991.

51. *Пиотровский Б.Б.* Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // Сообщ. ГАИМК. 1931. N 6.

52. *Пиотровский Б.Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. N 1.

53. *Виноградов В.Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // АЭС. Грозный, 1968. Т. II.

54. *Смирнов К.Ф.* Северский курган // Тр. ГИМ. 1953. Вып. XI.

55. *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - V в. н.э.). М., 1970.

56. *Салихов Б.М.* Керамические канфары из Зеленоморского кургана-кладбища // XIX «Крупновские» чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М., 1996.

57. *Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала. 1966.

58. *Салихов Б.М.* Отчет отряда Дагестанской экспедиции ИА АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1986 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3 Оп. 3. Д. 678.

59. *Виноградов В. Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников //Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

60. *Анфимов Н.В.* Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской //МИА. 1951. N 23.

61. *Анфимов Н.В.* Тахтамукаевский могильник (аул Октябрьский) // Сб. мат. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Вып. 2.

62. *Габуев Т.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М.* Работы Кавказской экспедиции //АО 1986 г. М., 1988.

63. *Носкова Л.М., Кожухов С.П.* Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника (по материалам раскопок 1982-1986 гг.) //Меоты - предки адыгов. Майкоп, 1989.

64. *Эрлих В.Р., Кожухов С.П.* Погребения сарматского времени курганного могильника Уашхиту-2 //Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.

65. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени //СА. 1972. N2.

66. *Шифман И.Ш.* Сирийское общество эпохи принципата (I-III вв. н.э.). М., 1977.

67. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. М., 1967.

68. *Анфимов Н.В.* Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили //Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1984.

69. Вани I: Археологические раскопки. Тбилиси, 1972.

70. *Аракелян Б.Н.* Гарни II. Результаты раскопок 1951-1955 гг. Ереван, 1957.

71. *Тирацян Г.А.* О торговых связях Армении с Сирией в античное время //ПС. М.-Л., 1959. Вып. 4 (67).

72. *Сагинашвили М.Н.* Стеклянные сосуды из Тбилиси //КСИА. 1977 Вып. 151.

73. Мцхета. Итоги археологических исследований. Тбилиси, 1978. Т. II.

74. *Кунина Н.З., Сорокина Н.П.* Стеклянные бальзамарии Боспора //ТГЭ. 1973. Вып. XIII.

75. *Сорокина Н.П., Гущина И.И.* Стеклянные изделия из могильников первых веков нашей эры юго-западного Крыма //История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.

76. *Гущина И.И., Сорокина Н.П.* Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго-западном Крыму //Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

77. Antioch on the Orontes. Ed. by W. Elderkin. Princeton, 1934.

78. The Excavations at Dura - Europos. Preliminary report of ninth season of works, 1935-1936. New Haven, 1946.

79. *Лордкипанидзе О.Д.* Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I-III вв. н.э. //Тр. ТГУ. 1957. Т. 65.

80. *Сагинашвили М.Н.* Стеклянные сосуды Урбнисского могильника. Тбилиси, 1970.

81. *Аракелян Б.Н., Тирацян Г.А., Хачатрян Ж.Д.* Стекло древней Армении. Ереван, 1969.

82. *Бабаев И.А.* Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. - III в. н. э. Баку, 1990.

83. Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

84. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Отчет о работе Горной археологической экспедиции в 1968 г. //РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 30.

85. *Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1962 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 49.

86. *Сорокина Н.П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945-1959 гг. //МИА. 1962. N 103.

87. *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакс //Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

88. *Сорокина Н.П.* Стекланные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников //КСИА. 1979. Вып. 158.

89. *Гаджиев М.С.* Шаракунский клад //в печати.

90. *Head B.V.* Historia Numorum. London, 1963.

91. *Зограф А.Н.* Античные монеты //МИА. 1951. N 16.

92. *Шургая И.Г.* О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху //ВДИ. 1972. N 3.

93. *Булатович С.А.* Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-Западном Причерноморье //Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев, 1980.

94. *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев. 1988.

95. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1949. Вып. IV.

96. *Меликов Р.С.* Каспии - военные колонисты в Египте //Тез. науч. конф. молодых ученых Ин-та истории АН Азерб. ССР и историч. фак-та АГУ им. С.М. Кирова, посвящ. 65-летию образования ВЛКСМ. Баку, 1983.

97. *Алиев И.* Очерк истории Атропатены. Баку, 1989.

98. *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.

99. *Трейстер М.Ю.* Боспор и Египет в III в. до н.э. //ВДИ. 1985. N 1.

100. История Дагестана. М., 1967. Т.1.

101. *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане //Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. 1978.

102. *Дадашева С.А.* Монеты селевкидского царя Антиоха IV Эпифана, найденные в Азербайджане //ВДИ. 1972. N 4.

103. *Дадашева С.А.* Селевкидские монеты первой половины II в. до н.э. на территории Кавказской Албании //Изв. АН Азерб. ССР. 1975. N 3.

104. *Дадашева С.А.* К проблеме изучения торговых связей Кавказской Албании //Нумизматический сборник. Посвящ. памяти Д.Г. Капанидзе. Тбилиси. 1977.

105. *Дадашева С.А.* Основные черты денежного обращения Кавказской Албании //ВДИ. 1976. N 4.

106. *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York, 1938.

107. *Голенко К.В., Раджабли А.М.* Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье //ВДИ. 1975. N 2.

108. *Пахомов Е.А.* Античные монеты в Албании (в пределах Азерб. ССР) //Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962.

109. *Пахомов Е.А.* Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н.э. //Тр. Музея истории Азербайджана. Баку, 1962. Т.V.

110. *Пахомов Е.А.* Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку, 1966. Вып. IX.

111. *Бабаев И.А., Казиев С.М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи //НЭ. 1971. Т. IX.

112. *Османов Ф.Л.* Раскопки античного некрополя у с. Ньюди //АО 1972 г. М., 1973.

113. *Османов Ф.Л.* Материальная культура Кавказской Албании IV в. до н.э. - III в. н.э. Баку, 1982 (на азерб. яз.).

114. *Дадашева С.А.* Местный чекан в монетном обращении Кавказской Албании //ВДИ. 1980. N 2.

115. *Зайковский Б.* Из монетной летописи Нижне-Волжской области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIIIв. включительно //Тр. Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов:, 1926. Вып. 35. Ч.I.

116. *Лукьяшко С.И.* О караванной торговле аорсов //Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

117. *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма //МАР. 1918. N 37.

118. *Иессен А.А.* Ранние связи Приуралья с Ираном //СА. 1952. XVI.

119. *Коковцев П.К.* О надписях на серебряных блюдах //МАР. 1918. N 37.

120. *Савельева Т.В., Смирнов К.Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале //ВДИ. 1972. N 3.

121. *Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

122. *Мошкова М.Г.* Комплекс находок с ритонном из Уральской области //СА. 1981. N 4.

123. *Гугуев В.К.* Кобьяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I н.э. - нач. II в. н.э.) //ВДИ. 1992. N 4.

124. *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области //ВДИ. 1993. N 3.

125. *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов I в. н.э. //ВДИ. 1994. N 2.

126. *Трейстер М.Ю.* Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики) //ВДИ. 1994. N 1.

127. *Клочков И.С.* Две цилиндрические печати из сарматского погребения у с. Косика //ВДИ. 1994. N 3.

128. *Мордвинцева В.И., Сергацков И.В.* Богатое сарматское погребение у станции Бердия //РА. 1995. N 4.

129. *Debevoise N.C.* Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1939.

130. *Toll N.* The Green Glazed Pottery //The Excavation at Dura-Europos. Final Report. New Haven, 1943. Vol. IV. Pt. I. Fasc.1.

131. *Haerinck E.* Contribution a l'etude de la ceramique d'epoque parthe en Iran // Akten des VIII Internationalen Kongresses fur Iranische Kunst und Archaologie. Munchen 7-10. September, 1976.

132. *Kleiss W.* Qaleh Zohak in Azerbaijan // Archaologische Mitteilungen aus Iran. N.F. 6, 1973.

133. *Хачатрян Ж.Д.* Античная поливная керамика Армении //ИФЖ. 1977. N3.

134. *Гаджиев М.С.* Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени (по материалам раскопок Р-ХI и Р - ХIII) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала. 1989.

135. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Нижнечуглинское городище //Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

136. *Аракелян Б.Н.* Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н.э. -III в. н.э.) Ереван, 1970.

137. *Кошкарлы К.О.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку, 1985.

138. *Казиев С.М.* Альбом кувшинных погребений. Баку, 1962.

139. *Голубкина Т.И.* О зооморфной керамике из Минге-чаура //МКА. Баку, 1951. Т.II.

140. *Гаджиев М.С.* Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада //Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.

141. *Кореняко В.А., Найдено А.В.* Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) //СА. 1977. N 3.

142. *Салихов Б.М.* Отчет Приморского археологического отряда Института ИЯЛ о раскопках Зеленоморского кургана в 1988 г. //РФ ИИА Э. Ф. 3. Оп. 3.Д. 680.

143. *Смирнов К.Ф.* Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа //КСИИМК. 1950. Вып. XXXII.

144. *Синицын И.В.* Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС //КСИИМК. 1953. Вып. L.

145. *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963.

146. *Виноградов В.В.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

147. *Кузнецов В.А.* Рец. на кн.: Виноградов В.В. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963 //СА. 1964. N 4.

148. Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Т.М., Магомадова И.Д. Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии //АЭС. Грозный, 1969. Т. III.

149. Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками //СА. 1969. N 2.

150. Абрамова М.П. О происхождении северо-кавказской керамики с зооморфными ручками //Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

151. Петренко В.А. Сарматские двуручные канфаровидные сосуды Северного Кавказа // IV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докл. Орджоникидзе, 1974.

152. Абрамова М.П. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху //СА. 1987. N 4.

153. Давудов О.М. Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана //Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала. 1987.

154. Мошкова М.Г. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1956.

155. Мошкова М.Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики //КСИА. 1980. Вып. 162.

156. Синицин И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) //МИА. 1959 N 60.

157. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

158. Гугуев В.К., Гугуев Ю.К. Кавказский керамический импорт на Нижнем Дону во второй половине III - начале V в. н.э. //Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тез. докл. к семинару. Новочеркасск, 1987.

159. Гугуев В.К., Гугуев Ю.К. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984-1985 гг.) //Изв. Ростовского обл. музея краеведения. Ростов-на - Дону, 1989. Вып. 6.

160. Магомедов М.Г., Абрамова М.П., Гмыря Л.Б. Исследование Андрейаульского городища //АО 1976 г. М., 1977.

161. Гмыря Л.Б. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) //Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.

162. Магомедов М.Г. Ранние кочевники в Прикаспии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.

163. Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994.

164. Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов: Могильники. Махачкала, 1993.

165. Гадло А.В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья //Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

166. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А. К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тысячелетии до н.э. - XVIII в. н.э. //Археология и вопросы этнической истории. Грозный, 1979.

167. Марковин В.И. О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия //Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

168. Максимова М.И. Геммы из некрополя Мцхеты - Самтавро //ВГМГ. Тбилиси, 1950. Вып. XVI-B.

169. Лордкипанидзе М.Н. Геммы Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1958. Вып. II.

170. Лордкипанидзе М.Н. Корпус памятников глиптики древней Грузии. Тбилиси, 1969.

171. Джавахившили К.А. Памятники глиптики городища Урбниси. Тбилиси, 1972.

172. Мачабели К.Г. Позднеантичная торевтика Грузии (по материалам торевтики первых веков нашей эры). Тбилиси, 1976.

173. *Дундуа Г.Ф.* Взаимоотношения римского мира с Восточным Причерноморьем и некоторые вопросы колхского пантеона (по нумизматическим материалам Бичвинтской археологической экспедиции) // Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1980. Ч. I.

174. *Никитина Г.Ф.* Гребни черняховской культуры // СА. 1969. N 1.

175. *Салихов Б.М.* Новые материалы о ремесленном производстве Южного Дагестана (по данным Хивского могильника IV-V вв.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988.

176. *Кудрявцев А.А.* Мусульманский город Дагестана: Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала, 1994.

177. *Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.

178. *Иванова А.П.* Художественные изделия из дерева и кости // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л. 1955.

179. *Андрунина Н.М.* Костяные статуэтки из Никония / Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1971.

180. Словарь античности. М., 1989.

181. *Hackin J.* Recherches archeologiques a Begram // MDAFA. Paris, 1939. T. IX.

182. *Альбаум Л.И.* Балалык-тепе. Ташкент, 1960.

183. *Пугаченкова Г.А.* Халчаян. Ташкент, 1966.

184. *Пугаченкова Г.А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

185. *Пугаченкова Г.А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.

186. Дальверзинтепе: Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

187. *Bernard P.* Foilles de Ai Khanum (Afghanistan), campagnes de 1972 et 1973 // Comptes rendus de seances de l'Academie de inscriptions et Beilles-Lettres. 1974. Paris, 1974.

188. *Скалон К.М.* О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 2.

189. *Шелов Д.Б.* Новгородская мирница и сарматские флаконы // Культура Древней Руси. М., 1966.

190. *Гущина И.И.* Население сарматского времени в долине р.Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

191. *Рунич А.П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. N4.

192. *Безуглов С., Копылов В.П.* Катакомбные погребения на Нижнем Дону // СА. 1989. N3.

193. *Безуглов С., Захаров А.* Богатое погребение поздне-римского времени близ Танаиса // Изв. Ростовского обл. музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. Вып.6.

194. *Kubitschek W.* Grabfunde in Untersiebenbrunn (Auf dem Marchfeld) // Jahrbuch fur Altertumskunde. Wien, 1911. Bd. V.

195. *Засецкая И.П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.

196. ОАК за 1904 г. СПб., 1907.

197. *Rostovtzeff M.* Une trouvaille de l'epoque greco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musee de Saint-Germain // Monuments et Memoires publies par l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1927. V.26.

198. *Мацулевич Л.А.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.

199. *Meszaros Gy.* Das Furstengrab von Regoly aus der Fruhvolkerwanderungszeit // Archaeologiai ertesito. Budapest, 1970. F. 97. K.1.

200. *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе: Новые находки в верховьях реки Суджи // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 112.

201. *Кузнецов В.А., Пудовин В.К.* Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // СА. 1961. N2.

202. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

203. *Амброс А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М., 1989.

204. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.

205. *Давудов О.М., Котович В.Г.* Богатые погребальные комплексы из селений Ираги и Калкни // IX Крупновские чтения. Тез. докл. Элиста, 1979.

206. *Давудов О.М.* Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан) // СА. 1984. N1.

207. *Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

208. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

209. *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // МАК.М., 1900. Т. VIII.

210. *Минаева Т.М.* Археологические памятники на р.Гиляч в верховьях Кубани // МИА. 1951. N23.

211. *Минаева Т.М.* Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.

212. *Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.

213. *Сазанов А.В.* Боспор и гунны // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.

214. *Егише.* О Вардане и войне армянской. Пер. И.А.Орбели. Ереван, 1971.

215. *Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.

216. *Придик Е.* Новые кавказские клады // МАР. 1914. Т. 34.

217. *Амиранашвили А.И.* Новая находка в низовьях р.Ингура. Тифлис, 1935.

218. *Ломтатидзе Г.А.* Клдеевский могильник. Тбилиси, 1957.

219. *Апакидзе А.М.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1968.

220. *Arrhenius V.* Merovingian Garnett Jewellery. Goteborg, 1985.

221. *Бажан И.А., Щукин М.В.* К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 1990. Вып.30.

222. *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989.

223. *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. - VII в.н.э. М.-Л., 1959.

224. *Маршак Б.И.* Раннеисламские бронзовые блюда (сиро-египетская и иранская традиции в искусстве халифата) // ТГЭ. 1978. Т. XIX.

225. *Асланов Г.М., Голубкина Т.И., Садыхзаде Ш.Г.* Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку, 1966.

226. *Магомедов М.Г.* Живая связь эпох и культур (Страна Берсилия, Хазарский каганат, царство Джидан). Махачкала, 1990.

227. *Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М.* Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. N2.

228. *Раев Б.А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I-III вв. на Нижнем Дону. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.

229. *Засецкая И.П.* Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. №3.

230. *Симоненко А.В.* О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск. 1989.

231. *Раев Б.А.* Аланы в евразийских степях: восток-запад // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

232. *Прохорова Т.А.* Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника) // ВДИ. 1994. № 4.

233. *Марковин В.И.* Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.

235. *Смирнов К.Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана (1947-1949 гг.) // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.

236. *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Дагестан и сармато-аланский мир (к проблеме контактов и взаимовлияний) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.

237. *Гаджиев М.С.* К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

238. *Пярых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И.* Работы Дагестанской экспедиции // АО 1985 г. М., 1987.

239. *Державин В.Л., Малышев А.А., Пярых Г.Г., Салихов Б.М., Сударев Н.И.* Работы Дагестанской экспедиции // АО 1986 г. М., 1988.

240. *Салихов Б.М.* Новый памятник культуры Дагестана албано-сарматского времени // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1986-1987 гг. Махачкала, 1988.

241. *Салихов Б.М.* Исследование Зеленоморского кургана-кладбища // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1988-1989 гг. Махачкала, 1990.

242. *Салихов Б.М.* Предметы вооружения из погребений албано-сарматского времени Зеленоморского и Манаскентского курганов // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.

243. *Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б.* Свод археологических памятников Азербайджана. Археологические памятники северо-восточного Азербайджана. Баку, 1991. Вып. I.

244. *Халилов Дж.А.* Могильник у с. Рустов Кубинского района и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана //Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1975.

245. *Гаджиев М.С.* Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I-VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.

246. *Маммаев М.М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960-1964 гг.). Канд. дис. Махачкала, 1969 //РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3.Д. 316.

247. *Абрамова М.П.* Некоторые особенности материальной культуры сарматов Центрального Предкавказья // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. международной конференции. Волгоград, 1984.

248. *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.

249. *Брыкина Г.А.* Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.

250. *Малачиханов Б.К.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (Материалы по истории Нагорного Дагестана) //УЗ ИИЯЛ. Сер. ист. Махачкала, 1965. Т.14.

251. *Умаханов М.-С.К.* Торговые пути Дагестана в XVII-XVIII вв. //Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.

252. *Давудов О.М.* Святилище у высокогорного сел. Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.

253. *Абрамова М.П.* Сарматы и Северный Кавказ // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. Азов, 1988.

254. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1966.

255. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

256. *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

257. *Манандян Я.А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954.

258. *Еремян С.Т.* Атлас карт к «Истории армянского народа». Ереван, 1952. Ч. I.

259. *Мачинский Д.А.* Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. - I в. н.э. // АСГЭ. 1974. вып. 16.

260. *Шилов В.П.* Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов, 1983.

261. *Neumann K.J.* Strabons. Landeskunde von Kaukasien Besonderer Abdruck aus dem dreizehnten Supplem. // Bande der Jahrbucher fur classische philologie. Leipzig, 1883.

262. *Ростовцев М.И.* Страбон как источник для истории Боспора // Сб. Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков, 1914.

263. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.

264. *Алиев К.Г.* К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании // Докл. АН Азерб. ССР. 1960. N 4.

265. *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.

266. *Стратановский Г.А.* Страбон и его «География» // Страбон. География. М., 1964.

267. *Абрамова М.П.* Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА. 1968. N 3.

268. *Болтунова А.И.* Описание Иберии в «Географии» Страбона // ВДИ. 1974. N 4.

269. *Виноградов В.Б.* Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // Изв. СКНЦВШ. Сер. обществ. наук. Ростов-на Дону, 1975. N 4.

270. *Neumann K.J.* Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxus // Hermes. 1884. Bd. XIX. H.2.

271. *Цалкин В.И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. N 53.

272. *Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. N 135.

273. *Климов Г.А.* Кавказские этимологии (1-8) // Этимология. 1968. М., 1971.

274. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

275. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

276. *Грантовский Э.А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975.

277. *Кузьмина Е.Е.* Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. 1963. N 2.

278. *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на Юге России. Пгр., 1918.

279. *Rostovtzeff M.* Les inscriptions caravaniers de Palmyre // Melagnes Gustave Glotz. 1932. Vol. II.

280. *Will E.* Marchands et chefs des caravanes a Palmyre / Syria. 1975. T. 38.

281. *Граков Б.М.* Чи мала Ольвія торговелні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи // Археологія. 1947. вып. I.

282. *Маркс К.* Капитал. Т.3. Ч.1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.1.

283. *Расулова М.М.* Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н.э. - III в. н.э. (торгово-экономические и культурные). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1969.

284. *Марченко И.Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950-1951 гг. // МИА. 1956. N 57.

285. *Мушегян Х.А.* Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван, 1962.

286. *Скрипкин А.С.* Проблема расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Поволжья. Саратов, 1986.

287. *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // СА. 1985. N2.

288. *Синицин И.В., Эрдниев У.Э.* Элистинский могильник // Тр. Калм. НИИЯЛИ и Республ. краеведч. музея. Элиста, 1971. Вып. 3.

289. *Эрдниев У.Э.* Гашунский могильник (раскопки 1971 г.) // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.

290. *Эрдниев У.Э.* Калмыцкая степь в скифо-сарматское время // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982.

291. *Шнайдитейн Е.В.* Раскопки курганов в Калмыцкой АССР // АО 1974 г. М., 1975.

292. *Шнайдитейн Е.В.* Раскопки курганов в Калмыцкой АССР / АО 1975 г. М., 1976.

293. *Шнайдитейн Е.В.* Исследования в Калмыкии // АО 1976 г. М., 1977.

294. *Rostovtzeff M.I.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929.

295. *Кудрявцев О.В.* Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона // ВДИ. 1949. N 3.

296. *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры древней Армении. М.-Л., 1953.

297. *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

298. *Габриелян Р.А.* Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван, 1989.

299. *Сарианиди В.И.* Бактрийский центр златоделия // СА. 1987. N 1.

300. *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.

301. *Бартольд В.В.* Дербент // Соч. М., 1965. Т. III.

302. *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.

303. *Гозалишвили Г.К.* О древнем торговом пути в Закавказье // Тр. Института истории им. И.А. Джавахишвили АН ГССР. 1956. Т. II.

304. *Ямпольский З.И.* К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю // Тр. Института истории им. И.А. Джавахишвили АН ГССР. 1956. Т. II.

305. *Лордкипанидзе О.Д.* О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху // Сообщ. АН ГССР. 1957. Т. XIX. N 3.

306. *Иерусалимская А.А.* Западные ткани на Дальнем Востоке // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975.

307. *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.

308. *Хвостов М.М.* История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р.Х. - 284 г. по Р.Х.). Казань, 1907.

309. *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. // Соч. М., 1965. Т. III.

310. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1960. Вып. 3.

311. *Юсупов Х.* Античные памятники Узбоя // АО 1976 г. М., 1977.

312. *Юсупов Х.* Узбой в античное время в свете новых археологических данных // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1976. N 6.

313. Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
314. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т II.
315. Пахомов Е.А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку, 1938. Вып. II.
316. Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе //ТОНГЭ. 1949. Т. I.
317. Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.
318. Кошкарлы К.О. Ваза из Торпагкалы //Докл. АН Аз. ССР. 1979. N 9.
319. Викторов А.Ф. Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулин И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономический обзор. Махачкала, 1958.
320. Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И.М., Тертеров А.А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
321. Гадиров В.Ф. Северные оборонительные сооружения Азербайджана (на основе памятников бывшего Кабалинского магала V-XIV вв.). Баку, 1984 (на азерб. яз.).
322. Магомедов М.Г. Раскопки Андрейяульского городища //АО 1979 г. М., 1980.
323. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
324. Атаев Д., Абакаров А., Магомедов М., Маммаев М. Раскопки Андрейяульского городища //АО 1967 г. М., 1968.
325. Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейяульское городище //Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
326. Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б. Работы на Андрейяульском городище //АО 1975 г. М., 1976.
327. Дзnelадзе М.С. Керамические строительные материалы античной Иберии-Картли (черепица). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1988.
328. Бабаев И.А. Античная черепица Кавказской Албании //СА. 1974. N 2.

329. Алиев И., Османов Ф.Л. Бассейн рек Геокчай-Гирманчай-Ахсучай в античное время //СА. 1975. N 1.
330. Османов Ф.Л. Археологические раскопки на поселении «Шихдерекелеси» в 1971 г. //Материалы сессии, посвящ. итогам полевых археологич. и этнографич. исследований 1971 г. в СССР: Тез. докл. археологов и этнографов Азерб. ССР. Баку, 1972.
331. Бабалов А.Г. Гончарное ремесло позднеантичного периода Азербайджана (I-III вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1990.
332. Цицишвили И.Н. Гробница у станции Мцхета //КСИИМК. 1954. Вып. 54.
333. Ахвледиани Д.В. Черепица Грузии эллинистической эпохи по материалам Ванского городища. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1986.
334. Гмыря Л.Б. Глиняные котлы Андрейяульского городища I тысячелетия н.э. //СА. 1979. N 3.
335. Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу //Зап. ИВАН. 1939. Т. VII.
336. Акоюн А.М. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.
337. Гаджиев М.С. Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // (в печати).
338. Tomaschek W. Albania //RE. Stuttgart, 1894. Т. I.
339. Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875.
340. Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н.э. - I в. н.э.). Баку, 1974.
341. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
342. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен //АЭС. Грозный, 1966. Вып. I.

343. *Давудов О.М.* Проблема северной границы Кавказской Албании и локализация племен на территории Северо-Восточного Кавказа //V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1975.

344. *Гумба Г.Д.* Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянская география» VII в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1988.

345. *Чилашвили Л.А.* Ахалсопельская археологическая экспедиция //Археологические экспедиции Гос. музея Грузии. Тбилиси, 1974. Т.3.

346. *Петренко В.А.* Бронзовые барельефно-ажурные бляхи скифского времени Юго-Восточной Чечни //Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

347. *Давудов О.М.* Дагестан в III в. до н.э. - IV в. н.э. (опыт этно-культурной и социально-экономической характеристики). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1990.

348. *Кудрявцев А.А.*, *Гусев С.В.* Мореходное дело и рыболовный промысел средневекового Дербента (VI-XIII вв.) //Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988.

349. *Муравьев С.Н.* Птолемея карта Кавказской Албании и уровень Каспия //ВДИ. 1983. N 1.

350. *Муравьев С.Н.* Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия //Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988.

351. *Муравьев С.Н.* Уровень Каспия глазами древних греков //Природа. 1987. N 4.

352. *Иванов И.В.* Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена //Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. междунар. конференции. Волгоград. 1994.

353. *Вайнберг Б.И.*, *Юсупов Х.Ю.* Культурный комплекс древних скотоводов на Узбое //Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.

354. *Дадашева С.А.* Греко-бактрийские монеты, найденный на территории Кавказской Албании //Бактрийские древности. Л., 1976.

355. *Сагинашвили М.Н.* Стекло в позднеантичной Иберии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972.

356. *Прокопенко Ю.А.* К вопросу о находках античных монет в Центральном Предкавказье //XIX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М., 1996.

357. *Гущина И.И.*, *Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. - I в. н.э.) //Археологические исследования на юге Восточной Европы: Тр. ГИМ. М., 1989. Вып. 70.

358. *Гмыря Л.Б.* Раскопки на цитадели Андреяульского городища //МСПИЭИД в 1978-1979 гг. Тез. докл. Махачкала, 1980.

359. *Salin-France-Lanord E.* Le tresor d'Airan en Calvados //Monuments et Memoires publies par l'Academie des inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1949. V. 43. P. 119-135.

360. *Pusztai R.* A lebenyi german fejedelmi sir. Das germanische Furstengrab von Lebeny //Arrabona. 1996. V.8.

361. *Alfoldy A.* Leletek a hun korszakbol es ethnikai szetvalasztasuk. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung //Archaeologia Hungarica. Budapest, 1932. V.9.

362. *Bakay K.* Bestattung eines vornehmen Kriegers vom 5. Jahrhundert in Lengyeltoti //Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1978. Vol. 30.

363. *Кишиш А.* Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке //Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ, 1985.

364. *Деоник В.Б.* Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. //СА. 1959. N 3.

365. Прокопенко Ю.А. К проблеме существования в степном Предкавказье в IV в. до н.э. - IV в. н.э. караванных дорог //Северокавказская цивилизация: история, культура, экономика, социология, философия. (Тез. докл. I Международного конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру»). Пятигорск, 1996.

366. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. - VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.

367. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987.

368. Godlowski K. The Chronology of the Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970.

369. Алиев И., Османов Ф.Л. Ванночные погребения Кавказской Албании и вопрос о культурных связях насельников Юго-Восточного Закавказья с парфянским миром / Искусство и археология Ирана и его связи с искусством народов СССР с древнейших времен. III Всесоюз. конференция. Тез. докл. М., 1979.

370. Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях) //Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.

371. Witsen N. Noord en Oost Tartarye, ofte bondigh ontwerp van eenige dier Landen, en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest... Amsterdam, 1705. Т. II (1-е изд. - Amsterdam, 1692).

372. Ханьков Н.В. Гвоздеобразная надпись, известная под именем Таркинской //Риттер К. Иран. Пер. и доп. Н.В.Ханьков. СПб., 1874.

373. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849 (2-е издание. - Казань, 1850).

374. Пятый Археологический съезд в Тбилиси. Протоколы Подготовительного комитета М., 1879.

375. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1.

376. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на араб., перс. и тур. языках. Ч. I. надписи X-XVII вв. Тексты, пер., коммент., введ. и прилож. Л.И.Лаврова. М., 1966.

377. Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленжера и Таргу //Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

378. Debevoise N.C. A political History of Parthia. Chicago, 1938.

379. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1966. Ч. II.

380. История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1983.

381. Тиращян Г.А. К вопросу о торевтике и ювелирном деле Армении //ИФЖ. Ереван, 1969. N 1.

382. Нариманов И.Г. Находки баз колонн V-VI вв. до н.э. в Азербайджане //СА. 1960. N 4.

383. Исмизаде О.Ш. Раскопки холма Каратепе в Мильской степи //МИА. 1965. Вып. 125.

384. Уваров П.С. Могильники Северного Кавказа //МАК. 1890. Т. VIII.

385. Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.

386. Iranian Pottery. A general Survey based on the Prime Ministry of Iran's Collections by M.Y. Kiani. Tehran, 1978.

387. Древности страны лугов. Каталог выставки. Автор вступит. ст. и составитель каталога Л.Ванден Берге. СПб., 1992.

388. An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House. L., 1931.

389. Халилов Д.А. Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании //СА. 1962. N 1.

390. Маммаев М.М. О семантике сюжета борьбы двух коней на зооморфных пряжках Дагестана VIII-X вв. // Мифология Дагестана. Махачкала, 1984.

391. *Olmstead A.T.* Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology //Cl. Ph. 1937. Vol. 32.
392. *Пьянков И.В.* Массагеты Геродота //ВДИ. 1975. N 2.
393. *Eilers W.* Geographische Namengebund in und um Iran. Munchen, 1982.
394. *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
395. *Herrmann A.* Kasparuyros //RE. Stuttgart, 1919. T. XX.
396. *Olmstead A.T.* History of the Persian Empire. Chicago, 1948.
397. *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
398. *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
399. *Cunningham A.* The Ancient Geography of India. T.I. The Buddhist Period. Varanasi, 1963.
400. *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ** - Азербайджанский государственный университет
- АО** - Археологические открытия
- АСГЭ** - Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- АЭС** - Археолого-этнографический сборник
- ВГМГ** - Вестник Государственного музея Грузии
- ВДИ** - Вестник древней истории
- ГАИМК** - Государственная Академия истории материальной культуры
- ГИМ** - Государственный исторический музей
- ИВАН** - Институт востоковедения АН СССР
- ИФЖ** - Историко-филологический журнал
- КСИА** - Краткие сообщения Института археологии
- КСИМК** - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МАД** - Материалы по археологии Дагестана
- МАГК** - Материалы по археологии Грузии и Кавказа
- МАК** - Материалы по археологии Кавказа
- МАР** - Материалы по археологии России
- МИА** - Материалы и исследования по археологии СССР
- МКА** - Материальная культура Азербайджана
- МСПИЭИД** - Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане
- НЭ** - Нумизматика и эпиграфика
- ОАК** - Отчет Археологической комиссии
- ПС** - Палестинский сборник
- РА** - Российская археология
- РФ ИИАЭ** - Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СКНЦВШ - Северо-Кавказский научный центр высшей школы
ТГУ - Тбилисский государственный университет
ТГЭ - Труды Государственного Эрмитажа
ТОНГЭ - Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
ТД НСПИЭИ ИИЯЛ - Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
УЗ ИИЯЛ - Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
Cl. Ph. - Classical Philology
MDAFA - Memoires de la Delegation archeologique francais en Afghanistan
RE - Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Enciclopedia der classischen Altertumswissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Торговые связи Дагестана в албано-сарматский период	6
Заключение	121
Библиография	124
Список сокращений	153

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Муртазали Серажутдинович Гаджиев
Между Европой и Азией:
Из истории торговых связей Дагестана
в албано-сарматский период.

Сдано в набор 16.07.97г., подписано в печать 16.10.97г.
Формат 60x84 1/16. Бумага типограф.№1. Гарнитура SchoolBook.
Усл.п.л. 9,3. Заказ 878. Тираж 1000.

Набрано и отпечатано
в Республиканской газетно-журнальной типографии.
г. Махачкала, Комсомольский пр.,61.